

95.В.7302

К

ИНДИЙСКАЯ ЭПИГРАФИКА из Кара-тепе

В. В. Вертоградова

В. В. Вертоградова

ИНДИЙСКАЯ ЭПИГРАФИКА

из Кара-тепе
в Старом
Термезе

ПРОБЛЕМЫ ДЕШИФРОВКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

ИНДИЙСКАЯ ЭПИГРАФИКА

из Кара-тепе в Старом Термезе

Книга представляет полный свод и исследование индийских надписей из раскопок буддийского монастырского комплекса Кара-тепе в Старом Термезе (начало I тыс. н.э.). В основу работы положено изучение структуры текста и выявление его «жанровой» характеристики, что дает автору ключ к дешифровке надписей и позволяет выйти на ряд проблем, связанных с функционированием буддизма и буддийской общины на Кара-тепе.

В. В. Вертоградова

ИНДИЙСКАЯ ЭПИГРАФИКА из Кара-тепе в Старом Термезе

ПРОБЛЕМЫ ДЕШИФРОВКИ
И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Москва

Издательская фирма "Восточная литература" РАН
1995

Ответственные редакторы
Т.Я.ЕЛИЗАРЕНКОВА, Б.Я.СТАВИСКИЙ

Вертоградова В.В.

В31 Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе:
Проблемы дешифровки и интерпретации. – М.: Издательская
фирма „Восточная литература” РАН, 1995. – 160 с.: ил.
ISBN 5-02-016760

Исследование памятников индийского письма начала нашей эры из буддийского монастыря Кара-тепе в Старом Термезе (раскопки 60-х – 80-х годов). Изучение структуры эпиграфических текстов и выявление их жанровой характеристики дает автору ключ к дешифровке надписей и позволяет выйти на ряд проблем, связанных с функционированием буддийской общины на Кара-тепе. Публикуется полный свод всех найденных на Кара-тепе до 1989 г. индийских надписей (с фотографиями и прорисовками). Книга предназначена для лингвистов и текстологов, историков религии и культуры Индии и Средней Азии.

Научное издание

Вертоградова Виктория Викторовна
ИНДИЙСКАЯ ЭПИГРАФИКА ИЗ КАРА-ТЕПЕ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ:
Проблемы дешифровки и интерпретации

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор **В.В.Волгина**. Младший редактор **Н.П.Петрова**. Художник **В.Н.Забайров**
Художественный редактор **Э.Л.Эрман**. Технический редактор **З.С.Теплякова**
Корректор **А.А.Артамонова**

ЛР № 020910 от 02.09.94. ИБ № 16392

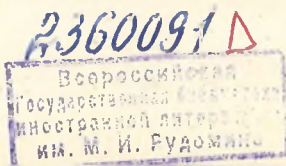
Сдано в набор 06.09.94. Подписано к печати 15.03.95. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 13,0 + 9,1 вкладка. Усл. кр.-отт. 13,25
Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 800 экз. Изд. № 7215. Зак. № 2518 „С”–1

Издательская фирма „Восточная литература” РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6

В 0502000000-012 16-94
013(02)-95

ISBN 5-02-016760

ББК 63.2

© Вертоградова В.В., 1995

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Текстологические проблемы изучения индийских надписей и надписей неизвестным письмом из Кара-тепе	11
1. Надписи на керамических сосудах	11
<i>Жанровая характеристика надписей . . . . .</i>	11
<i>Жанр и вопросы трансформации текстов надписей . . . . .</i>	13
<i>Жанр и проблемы языка надписей . . . . .</i>	15
<i>Жанр и палеографическая характеристика надписей. Проблема датировки . . . . .</i>	26
<i>Вопросы изучения надписей неизвестным письмом в сопоставлении с индийскими надписями . . . . .</i>	33
2. Настенные надписи	36
<i>Надписи-дипинти. Проблема соотношения текста и изображения . . . . .</i>	36
<i>Надписи-граффити и рисунки-граффити . . . . .</i>	38
Вопросы изучения буддизма и функционирования буддийской общины на Кара-тепе по данным эпиграфики	41
Свод индийских надписей и надписей неизвестным письмом из Кара-тепе	49
1. Надписи кхароштки на керамических сосудах	49
2. Надписи брахми на керамических сосудах	89
3. Многоязычные надписи на керамических сосудах	106
4. Надписи неизвестным письмом на керамических сосудах	113
5. Настенные надписи кхароштки	116
6. Настенные надписи брахми	120
Приложение I. Индийские надписи из Фаяз-тепе в свете эпиграфического материала Кара-тепе	123
Приложение II. Надписи неизвестным письмом из Средней Азии	133
Примечания	139
Указатель индийских слов	148
Конкорданс	150
Список сокращений	155
Библиография	156
Summary	157
Список иллюстраций	159
Иллюстрации	161

ПРЕДИСЛОВИЕ

Открытие на территории Средней Азии значительного числа археологических памятников, свидетельствующих о распространении здесь буддизма в первые века нашей эры, ставит перед исследователями множество проблем, связанных с историей буддизма в этом регионе.

С одной стороны, это вопросы внешнего характера, касающиеся территории расселения монашеских общин, хронологических рамок пребывания их в тех или иных районах и пр. Надо заметить, что карта распространения буддизма в Средней Азии с каждым полевым сезоном пополняется новыми отметками. Сложнее обстоит дело с хронологией. Для многих памятников хронологические рамки до сих пор остаются спорными.

С другой стороны, это проблемы функционирования буддийских центров в Средней Азии, в частности, особенности организации буддийских монастырей, выяснение направлений и школ буддизма, пребывающих в том или ином районе, и их возможных индийских истоков, отношение буддийской общины с местной властью и с местным населением.

Особую значимость, учитывая характер этнокультурной среды и языка, представляет вопрос о внедренности буддизма в местную среду, в частности вопрос о том, кто занимал территорию вокруг буддийских центров Средней Азии: миряне-буддисты или просто "окружающее" монастырь население. В связи с этим встает проблема "синкретизма" буддизма и местных верований, о чем нередко толкуют исследователи, однако суть и сама возможность его пока что остаются нераскрытыми.

Решению всех этих вопросов безусловно способствуют изучение архитектуры и предметов изобразительного искусства буддийских комплексов, нумизматические исследования. Но не менее важным источником, а порой и более информативным, если определить границы этой информативности, может служить эпиграфика.

Задачей настоящей работы является исследование и публикация всего индийского эпиграфического материала буддийского комплекса пещерных и наземных помещений на холме Кара-тепе (Старый Термез; рис. 1, 2), рас-

копки которого, начатые в 1937 г. Е.Г.Пчелиной (один полевой сезон)¹, систематически ведутся с 1961 г. под руководством Б.Я.Ставиского².

Кара-тепе является одним из крупнейших буддийских памятников в районе Термеза наряду с монастырем и ступой в Айртаме (раскопки Б.А.Тургунова)³; ступой Зурмала (раскопки Г.А.Пугаченковой)⁴; остатками подвального помещения какого-то разрушенного буддийского комплекса (раскопки Л.И.Альбаума и В.А.Козловского)⁵ и наземным монастырем Фаяз-тепе (раскопки Л.И.Альбаума)⁶.

Индийский эпиграфический материал сохранился в трех из этих памятников: Кара-тепе – более 150 надписей, Фаяз-тепе – 35 надписей, буддийское подвальное помещение – 1 надпись. Так что исследование эпиграфики Кара-тепе мы предполагаем вести в сопоставлении с надписями из двух других буддийских памятников Термеза.

Основную часть индийской эпиграфики из Кара-тепе составляют надписи на керамических сосудах, выполненные алфавитами кхароштли и брахми. Обнаружены также настенные индийские надписи – граффити и дипинти, последние сопровождают живописные изображения. Особый интерес представляют надписи, выполненные на нескольких алфавитах. В их числе представлены брахми-бактрийские, брахми-бактрийские-кхароштли, брахми-кхароштли.

Изучение индийских надписей из Кара-тепе было успешно начато Т.В.Грек (находки 60-х годов)⁷. Надо заметить, что при малом количестве материала трудно было выработать какую-либо строгую методику изучения надписей: поневоле приходилось цепляться за отдельные фрагменты текстов, пытаясь найти или угадать в них индийские аналогии. Тем не менее Т.В.Грек удалось впервые установить буддийский характер надписей на сосудах, предложить чтение отдельных слов и фрагментов. Среди них наиболее ценные – название сосуда *kuṇḍi* (позднее уточнено как *kuṇḍika*), имя собственное *Buddhaśīra*, а также эпитет (звание) *dharma-kathika*. Т.В.Грек было сделано много конкретных наблюдений, касающихся палеографических особенностей отдельных надписей. На основе этих наблюдений надписи на керамике датированы ею I–III вв. н.э. Эта датировка впоследствии была нами пересмотрена.

В своих исследованиях Т.В.Грек исходила из дарственного характера надписей на сосудах.

Некоторые надписи кхароштли, опубликованные Т.В.Грек, были рассмотрены Я.Харматтой⁸. Для ряда текстов было предложено новое чтение. Я.Харматта присоединился к мнению Т.В.Грек о дарственном характере каратепинских надписей на керамике и предложил свое восстановление примерной модели индийской надписи из Кара-тепе, близкой, по его мнению, надписям Северо-Западной Индии. Я.Харматтой было высказано предположение о том, что некоторые диакритические знаки письма кхароштли на Кара-тепе (например, знак, выражающий долготу гласных) могли возникнуть в Средней Азии, в частности в районе Термеза, и проникнуть оттуда в Центральную Азию.

По фрагменту одной из надписей кхароштли Я.Харматта реконструировал название буддийской школы – махасангхика, что подтвердилось даль-

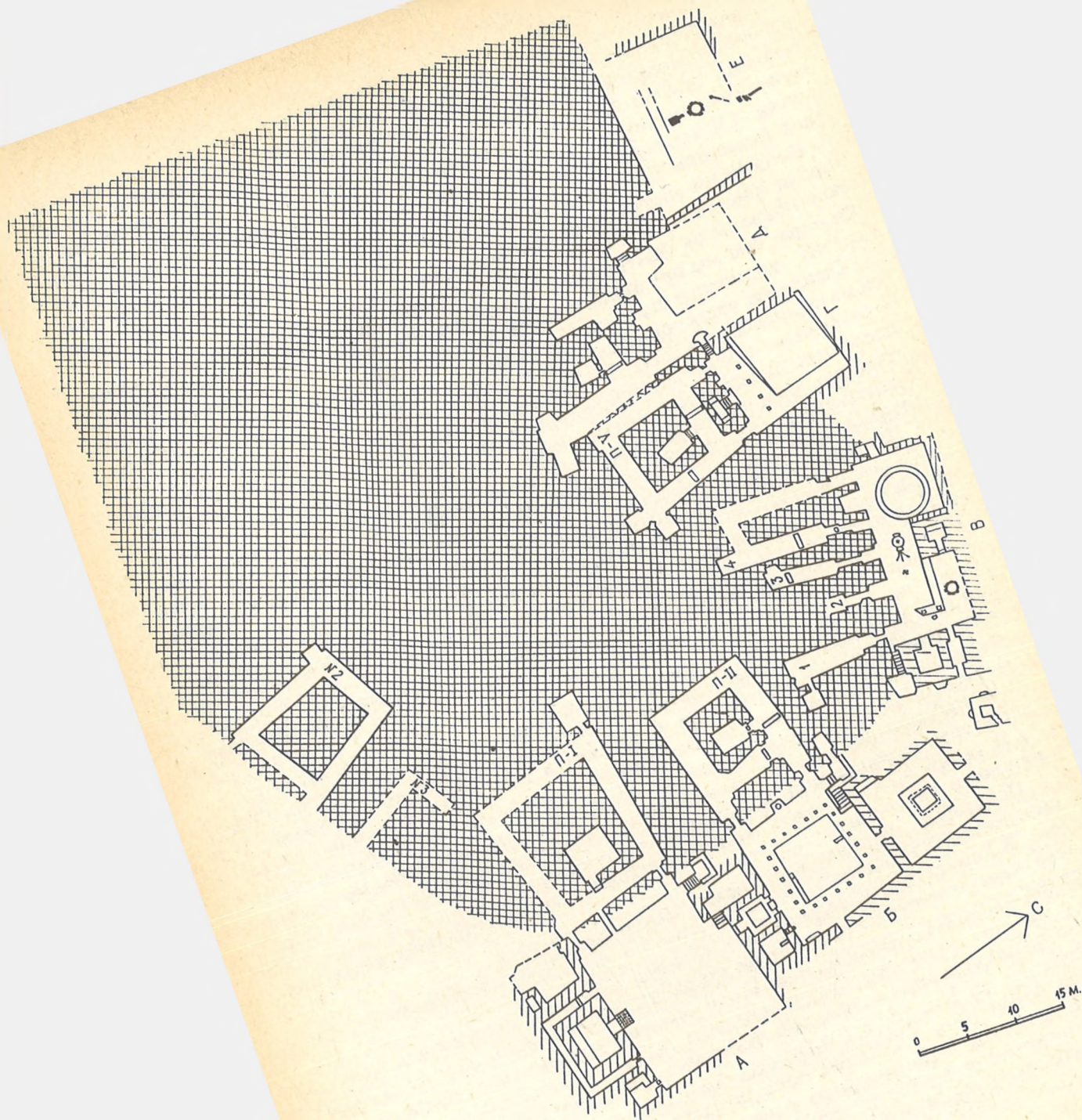

Рис. 1

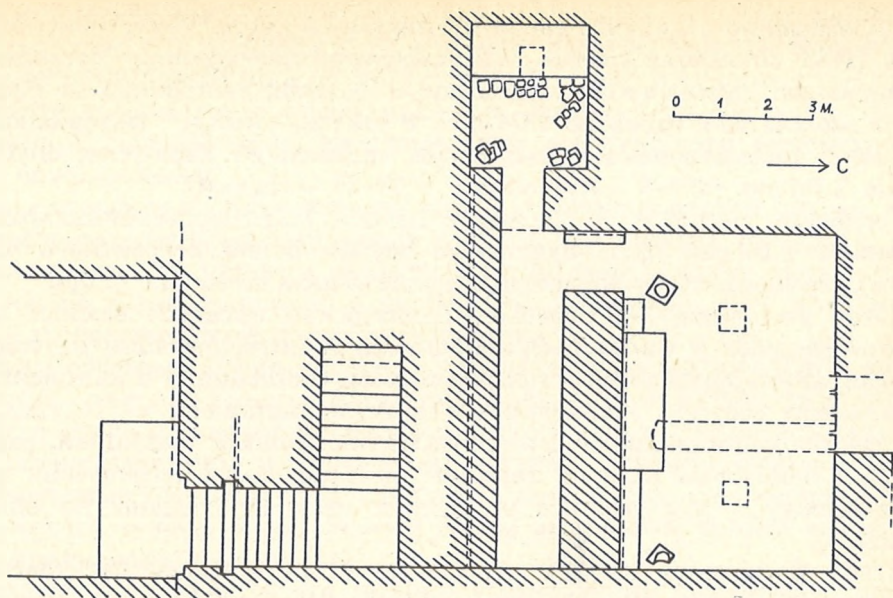

Рис. 2

нейшими находками. Надписи брахми Я.Харматта предположительно связывал со школой сарвастивада. Это название до сих пор в каратепинских надписях не засвидетельствовано.

Я.Харматта первым обратил внимание на двуязычные надписи на сосудах из Кара-тепе⁹, однако тип надписи, опубликованной и реконструированной Харматтой, как удалось выяснить позднее, оказался иным.

Проведенные нами исследования позволили рассмотреть еще раз все надписи 60-х годов, опубликованные Т.В.Грек, с учетом поправок Я.Харматты, предложить ряд новых чтений, а также дать публикацию новых надписей из раскопок 70-х – начала 80-х годов¹⁰.

Эти исследования позволили нам выявить новые имена и термины, сделать некоторые выводы о характере буддийского учения на Кара-тепе, определить наименование буддийского комплекса на холме Кара-тепе, сделать ряд заключений о датировке надписей, которая в дальнейшем была нами пересмотрена.

Затем нами была предпринята попытка составить первый свод всех открытых до 1983 г. индийских надписей¹¹. Классификация надписей была проведена по типу письма и по материалу, на котором сделана надпись.

При публикации свода нами была поставлена проблема текстологической характеристики каратепинской надписи на керамике. Однако в то время эта проблема не могла быть решена по причине недостатка материалов и их малой изученности. В дальнейшем эта проблема неоднократно нами ставилась в статьях и докладах, и теперь она является основополагающей при новой интерпретации каратепинских материалов.

Одновременно с нашей первой публикацией свода каратепинских надписей (1983 г.) вышла статья М.И.Воробьевой-Десятовской, посвященная исследованию памятников кхароштки и брахми, найденных в Средней Азии с начала 60-х годов до 1974 г.¹² В статье, кроме материалов из Фаяз-тепе, рассматриваются индийские надписи из Кара-тепе, опубликованные Т.В.Грек (№ 1–9 – кхароштки, № 39–50 – брахми).

В основном надписи из Кара-тепе даются М.И.Воробьевой-Десятовской с чтением Т.В.Грек. Есть отдельные случаи более корректного чтения (№ 1 кх), улучшенной интерпретации при неточном чтении (№ 41 бр).

В этой же статье М.И.Воробьева-Десятовская касается важных вопросов, относящихся к палеографии надписей и интерпретации их содержания. Так, автор обращается к проблеме имен собственных в надписях, принадлежности сосудов, назначения индийских надписей на сосудах. При этом даются сопоставления с индийской письменной традицией, рассматриваются некоторые важные термины. М.И.Воробьева-Десятовская приходит к выводу о том, что все индийские надписи созданы по единому образцу.

Более конкретные выводы и мнения М.И.Воробьевой-Десятовской и их критика даются нами при написании соответствующих разделов данной книги.

Отдельные надписи из Кара-тепе были предметом специального рассмотрения некоторых ученых. Так, О.фон Хинюбер посвятил две статьи¹³ опубликованной нами ранее надписи № 16 бр, которые подробно и критически разбираются нами в наших последующих публикациях. Мнение О.фон Хинюбера, изложенное в его первой заметке, повторяет Ж.Фюсман в своем обзоре публикаций, посвященных Средней Азии¹⁴. В этой же статье Ж.Фюсман высказывает возражение против нашего чтения надписи № 31 кх. Однако новые материалы из Кара-тепе подтверждают наше чтение и интерпретацию.

Ряд критических замечаний по поводу чтения индо-бактрийской надписи (№ 2 бр–б), опубликованной Т.В.Грек и В.А.Лившицем¹⁵, был высказан Г.Хумбахом¹⁶. Однако предложенное им чтение конца индийской части этой надписи представляется необоснованным.

После нашей публикации свода надписей в 1983 г. на Кара-тепе было открыто еще около 40 фрагментов керамики с индийскими надписями и несколько настенных надписей. Эти надписи дали возможность пересмотреть все опубликованные ранее материалы, уточнить некоторые чтения и прежние интерпретации¹⁷ и попытаться выработать более адекватный подход к характеристике всего эпиграфического свода¹⁸.

Обращаясь снова к исследованию индийской эпиграфики Кара-тепе, попытаемся прежде всего выяснить, что представляет собой индийская надпись как текст: какова ее специфика, что составляет контекст надписи, каким способом текст надписи воспроизводится.

Надо отметить, что находки индийских надписей на глиняных сосудах, которые составляют основной объект нашего исследования, известны во многих областях Индии и Афганистана. Надписи эти не многочисленны и, как правило, не являлись предметом специального изучения. В боль-

шинстве случаев они требуют повторной публикации и исследования. Обзор имеющихся материалов содержится в работах М.И.Воробьевой-Десятовской¹⁹, Д.Б.Дискалькара²⁰, С.Гурумурти²¹ и др. В частности, в статье Гурумурти сообщается о новых находках надписей на керамике из Южной Индии. К сожалению, насколько нам известно, эти материалы пока не опубликованы.

Следовательно, на Кара-тепе мы имеем достаточно редкий случай, когда значительный материал индийских надписей на сосудах получен с одного памятника. Все надписи связаны с буддизмом и могут быть изучены комплексно, в сопоставлении с настенными надписями того же памятника и в хронологической последовательности.

Таким образом, только теперь, когда накопился значительный эпиграфический материал одного памятника, появилась возможность поставить вопрос о способе построения каратепинского эпиграфического текста, а сама задача прочтения и публикации надписей, которая стояла перед исследователями первых находок, попала в зависимость от "жанровой" принадлежности текста, определяемой путем выявления связей внутри всего эпиграфического комплекса.

Следует подчеркнуть, что именно установление "жанровой" характеристики позволяет перейти к общей текстологической характеристике источника, в частности, выявить внутренние механизмы построения текста и попытаться уяснить соотношение жанра с употреблением языка и письма.

Нам представляется, что выявление этих закономерностей построения эпиграфического текста может способствовать хотя бы в малой степени прояснению одной из важнейших проблем истории буддизма – проблемы формирования ранней буддийской текстовой традиции. Кроме того, только исследование этих закономерностей построения текста будет способствовать адекватному использованию рассматриваемого эпиграфического материала как источника для решения намеченных выше проблем, связанных с функционированием буддийской общины на Кара-тепе в первой половине I тысячелетия н.э.

Кроме индийских надписей на Кара-тепе были обнаружены надписи на сосудах, составленные бактрийским письмом и так называемым неизвестным письмом. Поскольку эти сосуды были непосредственно связаны с функционированием монастыря, то надписи, выполненные этими алфавитами, являются важным контекстом для индийских надписей и весьма существенны для уяснения языковой политики буддизма в Бактрии. Бактрийские надписи на керамике, не столь многочисленные, изучаются В.А.Лившицем. Надписи неизвестным письмом (в настоящее время на Кара-тепе их обнаружено четыре) публикуются и исследуются нами в этой книге. Они чрезвычайно важны для выявления той культурной силы, которая взаимодействовала с буддийским монастырем в древнем Термезе.

Работа состоит из трех частей: первая часть посвящена текстологическим проблемам изучения надписей, во второй рассматриваются некоторые стороны функционирования буддизма и буддийской общины на Кара-

тепе по данным эпиграфики. Третья часть представляет публикацию полного свода всех открытых до 1989 г. индийских надписей алфавитами кхароштки и брахми из Кара-тепе, включая многоязычные надписи (подробно рассматривается их индийский текст), а также надписей, выполненных неизвестным письмом.

Работа содержит два приложения. Приложение I рассматривает ранее опубликованные надписи из Фаяз-тепе. Для некоторых из этих текстов нами предлагается новое чтение либо уточняется прежнее. Приложение II представляет публикацию всех обнаруженных к настоящему времени в Средней Азии надписей неизвестным письмом.

В книге имеется Альбом иллюстраций. Фотографии выполнены В.В.Вертоградовой, С.В.Суетовой, Э.Л.Юдиным. Графические работы – М.Э.Юдиной.

Автор выражает признательность Э.А.Грантовскому и В.А.Лившицу за ценные консультации.

1. НАДПИСИ НА КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДАХ

Жанровая характеристика надписей

Ряд аналогий с индийским эпиграфическим материалом привел исследователей к заключению о вотивном характере каратепинских надписей. Этот вывод впервые был сделан Т.В.Грек¹ и затем поддержан Я.Харматой², реконструировавшим приблизительную модель каратепинской надписи кхароштки, в дальнейшем подтвердившуюся лишь отчасти.

Этой же точки зрения придерживалась М.И.Воробьева-Десятовская, относя ее к надписям на керамике более широкого региона. "Анализ надписей на керамике с территории Северной Индии, Афганистана и Средней Азии, – писала Воробьева-Десятовская, – показывает, что по содержанию они все вотивные, причем некоторые содержат полную дарственную формулу, другие – лишь звание или должность донатора и место, откуда он родом (или пришел), третьи – только имя донатора. Ни в одном случае нет имени собственника сосуда"³.

Таким образом, вывод о вотивном характере каратепинских надписей имел веские основания, и часть надписей, как показали дальнейшие находки и исследования, действительно относится к этому типу.

Мы тоже первоначально пытались исходить из вотивного характера надписей. Опираясь на это допущение, фрагменты, где сохранилось одно собственное имя, обычно трактовались нами как часть вотивной надписи.

Однако небольшая часть надписей, недостаточно изученных, определенно свидетельствовала об ином характере текста (надпись № 6 бр, надпись № 16 бр). Отсутствие четких аналогий в эпиграфике и синтаксическое построение, характерное для сентенций, толкнули нас на рискованное предположение о сосуде с надписью-поучением⁴. Позднее О.фон Хинюберу удалось прочесть плохо различимое слово *soḡo* в надписи № 16 бр, что позволило установить конец этой надписи как *yo-harati-so-coro-bhava-ti* (вместо прежнего чтения *yo-harati-so-dhore-bhavati*) "кто уносит, тот вор"⁵. Но начальная часть надписи продолжала оставаться неясной. Предположительное прочтение О.фон Хинюбером начала надписи как *rāṇṇaḡaḡa* (= *prāṇṇaḡaḡa*) "первых людей", как и наше прежнее чтение, было неудовлетворительным. Дальнейшее изучение надписи позволило нам выделить слово *pugaḡaḡa* и прочесть начало как *haṃ pugaḡaḡa* "я (т.е. сосуд) – личный"⁶ или "это – личное" (если *ahaṃ(haṃ)=ayaṃ*).

Выделенное нами слово *pugaḡaḡa*, относящееся к сосуду, позволило выявить присутствие другого вида каратепинской надписи, утверждавшей личную принадлежность сосуда отдельному лицу. При этом надпись имела форму сентенции-наставления.

Недавняя находка сосуда с трехязычной надписью (№ 3 бр-б-кх) подтвердила наш вывод. Слово *pugaliga* "личный", которое мы вычленили в надписи № 16 бр, появилось здесь в форме *pugaliga* в тексте кхароштии и в гибридной форме *pudgalīyaḥ* в тексте брахми. Это слово тоже относилось к сосуду (точнее, к сосуду для воды – кундике) и прямо указывало на личную принадлежность монаху (*bhikṣu*): *ayokunḍiya(h) bhikṣubuddhamit-trasyaḥ pudgalīyaḥ* "Этот сосуд для воды монаха Будхамитры, личный" (№ 3 бр-б-кх).

Таким образом, теперь есть достаточные основания характеризовать свод каратепинских надписей с точки зрения их жанровой принадлежности: это вотивная надпись и надпись о личном пользовании. При этом надо заметить, что эта характеристика не является исчерпывающей: ряд надписей (№ 6 бр, № 5 бр-б) представляют собой наставления, касающиеся правил поведения монахов (например, "не прерывать рецитации", "не отлучаться из монастыря, не спросив разрешения наставника"), другие, не дающие пока возможности выявить в них части определенных формул и конструкций, остаются загадочными.

Рассмотрим подробнее эти два основных вида.

Вотивная надпись принципиально не отличается от надписей, известных нам с территории Индии и Афганистана. Данные каратепинских надписей позволяют выделить четыре основных составляющих элемента такой надписи⁷.

1. Наименование, точнее, квалификация дарения как священного предмета: *deyadharme* (№ 36 кх) "посвятительное даяние", *dananmukha* (№ 51 кх) "благочестивый дар".

2. Адресант. Выявляется ряд имен как индийского, так и местного происхождения.

Ввиду фрагментарности надписей даже при наличии целого имени без контекста порой трудно бывает сказать, есть ли это имя донатора или лица в род. п., которому принадлежит сосуд. Ср. *saṃghaamlāṃsa* (№ 4 кх) "Сангхапалы", *khagusa* (№ 52 кх) "Кхагу", *asvavharasa* (№ 41 кх) "Асавхары" и др.

3. Адресат. Здесь возможно упоминание монастыря, буддийской общины, названия буддийской школы: *saṃghami-cadudimsami* (№ 3 кх, № 36 кх, № 28 кх) "сангхе четырех сторон света", *khadevaka-viharami* "вихаре государя" (№ 31 кх), *asatyana-mahasamghigana-parigrahe* (№ 3 кх, № 31 кх) "для принятия учителями махасангхика".

4. Цель дарения. Эта часть надписи засвидетельствовала широко известную формулу: *sarvasatvanam-hidasuhae* "ради блага и счастья всех живых существ", которая восстанавливается по нескольким фрагментам (№ 22 кх, № 27 кх). Однако создается впечатление, что чаще конечную позицию в вотивной надписи занимает какой-либо призыв с глаголом *bhavatu* "да будет" (№ 13 кх, № 14 кх).

Интересен призыв в № 36 кх: *[du]khami-sarvasatvanam-daho-va-ceda-bhavatu* "в страданиях всех живых существ пусть же будет сожжено сердце!" Этот призыв, впервые встречающийся в эпиграфике, определенно указы-

вает на концепцию *mahākaruṇā* "великое сострадание", засвидетельствованную уже в школе махасангхиков и развитую в махаяне⁸.

Подобные призывы являлись самостоятельными предложениями, которые переписывались из других текстов, варьировались в разных votивных надписях одного формуляра, порой не согласовываясь с основным текстом надписи⁹.

В № 48 кх эта часть надписи (новое предложение) начинается с известного оборота: *imena-kuśalamulena* "этим корнем заслуги" (далее текст не сохранился). Подобное выражение встречается в надписях кхароштии, опубликованных Ст.Коновом, и всегда является началом завершающего надпись призыва: "с помощью этого корня заслуги пусть будет то-то и то-то!" Ср.: ...*etena-kuśalamulena-budhehi-ca-śavaehi-ca-samam sada-bhavatu-bhara-tara-sravabudhisa-agrapadisae-sadha-budhilena-navakamigena* "с помощью этого корня заслуги, вместе с буддами и шраваками, пусть это будет всегда для обретения лучшей доли братом (моим) Сравабудхи и устроителем работ Будхилой"¹⁰.

Надпись о личной принадлежности, в свою очередь, позволяет выделить два вида надписей.

1. Надпись-сентенция, провозглашающая право личного пользования без указания конкретного лица.

Такой текст составляется из двух частей: указания на то, что предмет в личном пользовании, и призыва "не брать!" "не уносить!" Ср. № 16 бр: *ham-pugaḷiga-nakaṣa-hartthavya-yo-harati-so-coro-bhavati* "Внимание! Личное! Пусть никем не будет унесен! Кто уносит, тот вор".

2. Надпись о личном пользовании с указанием конкретного лица.

Полный состав такого текста строится из следующих частей:

а) благопожелательное заклинание: *siddham Om!* "благо!" Ом! (№ 1 бр, № 3 бр-б-кх, № 26 бр);

б) название предмета пользования: *iyo(h) kuṇḍiya(h)* "этот сосуд для воды" (№ 1 бр; ср. № 22 бр, № 3 бр-б-кх, № 46 кх, № 47 кх);

в) имя лица, которому принадлежит предмет: *bhikṣu-buddhamittrasya* "монаха Буддхамитры" (№ 3 бр-б-кх), *bhik(ṣu)-jīvanamdasya* "монаха Дживананды" (№ 1 бр, № 26 бр);

г) указание на принадлежность: *pudgaḷiya(h), pugaḷiga* "личный, находящийся в личном пользовании" (№ 3 бр-б-кх);

д) призыв-наставление: *nakenaci-hartthavya(h)* "пусть никем не будет унесен!" (№ 1 бр).

Жанр и вопросы трансформации текстов надписей

Здесь мы коснемся рассмотрения двух описанных жанров надписей на керамике, так как они представляют наиболее массовый материал, позволяющий провести сравнение текстов в границах жанра.

Сопоставление votивных и "владельческих" надписей в пределах всего каратепинского свода приводит к заключению, что почти все votивные надписи (по крайней мере те, которые поддаются отождествлению) состав-

лены письмом кхароштки. (Лишь две надписи брахми можно отнести к этому жанру, и то лишь предположительно.) Между тем "владельческие" надписи дошли до нас преимущественно на брахми. В настоящее время нам удалось выявить 20 "владельческих" надписей; из них 15 составлены на брахми и только 5 – на кхароштки (при общем соотношении 63 кхароштки – 26 брахми).

Структура votивной надписи кхароштки была рассмотрена нами выше и, как мы пытались показать, не отличается от votивной надписи с территории Индии и Афганистана. При этом характерно, что язык votивных надписей кхароштки представляет собой среднеиндийский тип.

Что касается "владельческих" надписей кхароштки, то структура их соответствует второму типу надписи о личном пользовании (надпись с указанием конкретного лица). При этом язык их значительно санскритизирован.

Рассмотрение ряда индийских надписей из Кара-тепе дает теперь возможность сделать некоторые заключения о механизме трансформации текстов брахми в кхароштки и обратно в текстах о личном пользовании. Достаточно сопоставить следующие надписи, реконструированные нами на основании всех имеющихся теперь материалов:

№ 11 бр: *ayaṁ-[pa]nika-kunḍika-buddha[śīra-puga]līka-mahāddharmakathikas(ya)*;

№ 1 кх: *ayaṁ-pāniya-kunḍika-budhaśī[ra-pu](ga)līka-mahādharmakathi[kasya]*;

№ 15 кх: *budhaśīra-[pu]galikasya*;

№ 2 бр-б (текст брахми): *budhaśīra-ddharmakathika(sya)*.

Из сравнения надписей № 1 кх и № 11 бр можно видеть, что тексты их повторяются почти дословно. Причем текст кхароштки оказывается не менее санскритизированным, чем брахми.

Две другие надписи показывают, из каких блоков (словосочетаний) набираются надписи и как (порой автоматически) соединяются эти блоки в одном тексте. В контексте надписи кхароштки на сосудах с тремя видами письма (№ 3 бр-б-кх) становится понятной и надпись № 15 кх, которая является следствием повторения ошибки, сделанной в надписи № 3 бр-б-кх: *budhaśīrasya-pugaligasya* вместо ожидаемого *budhaśīrasya-pugaliga*, т.е. № 15 кх является редуцированным вариантом версии кхароштки надписи тремя алфавитами.

Таким образом, № 15 кх и № 2 бр-б (текст брахми) являются двумя строительными блоками, из которых набираются более крупные надписи. Причем эти блоки могли пристраиваться каждый к основному ядру надписи *ayaṁ kunḍika* "этот сосуд" в любой его форме, а могли объединяться, т.е. сочетания *budhaśīra-pugalīka* и *budhaśīra-dharmakathika* давали сочетание *budhaśīra-pugalīka-dharmakathika* и пристраивались к ядру.

В результате этого мог выстраиваться текст, иногда грамматически некорректный, но переходивший с одного сосуда на другой с приблизительным смыслом: "Этот сосуд такого-то". Эти наблюдения дают основания предположить, что "владельческие" надписи кхароштки (довольно редкие) начали создаваться под влиянием образцов брахми, т.е. в то время, когда письмо кхароштки почти вышло из употребления и основным алфавитом на Кара-тепе был брахми.

Использование буддийской общиной Кара-тепе двух индийских языков – гандхари и буддийского санскрита и двух видов письма – брахми и кхароштки в контексте иноязычного окружения побудило нас более пристально рассмотреть этот небольшой материал с лингвистической точки зрения.

Принимая во внимание различие взглядов на эти языки, мы в наших исследованиях исходим из того, что язык, условно называемый (вслед за Г.Бейли) гандхари, как литературный язык складывался в процессе создания письменных текстов на алфавите кхароштки. (Едва ли есть основания видеть за этим языком некий разговорный гандхари, а можно предполагать лишь серию диалектов, охватывавших территорию от областей на левом берегу Инда до западных районов современного Афганистана. В Средней Азии эти диалекты распространены не были.) Основой гандхари послужил ряд административных и религиозно-этических формул, которые начали письменно фиксироваться начиная со времени Ашоки, т.е. в ранне-среднеиндийский период. Этим обстоятельством, по-видимому, объясняется кажущаяся архаичность гандхари. Фонетические изменения, которые происходили в разговорных языках этих областей, проявились в гандхари, в ряде свободных вариантов, которые, в свою очередь, могли устраняться с помощью коррекций и гиперкоррекций, ориентированных на некую не вполне устоявшуюся письменную норму. При этом необходимость совместить запись традиционных формул с записью множества собственных имен и терминов неиндийского происхождения (особенно в Средней и Центральной Азии) привела к модификации письма кхароштки – введению серии диакритических знаков и даже к попыткам применить этот новый арсенал для более адекватного воспроизведения реального среднеиндийского произношения.

Кроме того, влияние на гандхари иной индийской традиции (в нашем случае текстов иного жанра, составленных письмом брахми) послужило источником новых изменений в способах записи кхароштки (долгота гласных, назализация), которые в поздний период становятся фактом письменного языка, не соотносясь с фонетическими данными разговорных диалектов.

Что касается гибридного санскрита текстов брахми, то лингвистическое изучение его, по нашему мнению, целесообразно проводить путем выявления механизмов разных ступеней санскритизации и сопоставления удельного веса среднеиндийской системы и санскритской нормы.

В данном обзоре мы ограничимся описанием фонетической структуры языка надписей и морфологии имени, не затрагивая других языковых уровней, относительно которых из-за недостаточности материала пока что нет возможности сделать надежные выводы.

а) Надписи кхароштки

Из гласных в надписях кхароштки встречаются а, и, у, е, о, характерные для всех среднеиндийских фонологических систем. Среди последовательностей гласных засвидетельствованы следующие сочетания: *aa* в формуле [*agrapadia*]*śaa* (№ 49 кх), ср. *agrapādiśae* в надписи из Вардака¹¹ и *ae* в формуле *agrabhagae* (№ 58 кх). Одновременное употребление в надписях форм на *-aya*: *-daṭhaya* (№ 12 кх) и *(su)khaya* (№ 38 кх) – дает возможность говорить о *ya śruti* в разговорном языке, стоящем за этими текстами.

Некоторые примеры свободных вариантов *-a/-e* в таких словах, как *danamukha* (№ 54 кх) и *danamukhe* (№ 56 кх), ср. также *deyadharme* (№ 36 кх), скорее предполагают в разговорных языках редукцию гласных в конце слова, как считает Дж.Браф¹², чем присутствие так называемых "магадхизмов", как характеризуют эти формы многие исследователи¹³.

Признаки изменения тембра гласных можно видеть и в середине слова. Так, в одной из настенных надписей наблюдается палатализация в слове *nivarina* (№ 6 кх ст.) (ср. скр. *nivarana-*), возможно, под влиянием первого гласного *i*. Ср. *sakimunisa* в надписи из Баджаура наряду с *sakamunisa*¹⁴.

Наличие некоторого числа надписей, где анусвара не обозначена или обозначена избыточно (ср. такие свободные варианты, как *cadudiśa[mi]* (№ 3 кх) и *caṃdudimśami* (№ 36 кх)), заставляет вновь обратиться к выражению назализованных гласных в гандхари.

Ж.Фюсман, рассмотрев подробно употребление анусвары в надписях кхароштки, выводит орфографическое правило, согласно которому анусвара могла находиться только в начале или в середине слова после этимологически краткого гласного. "Писцы и граверы, – утверждает Ж.Фюсман, – сознательно решили никогда не обозначать анусвару, если слово очевидно стоит в вин. или род. п. мн. ч."¹⁵. Им ставится под сомнение достоверность надписи из Хадды, опубликованной на основе копии Массона, где встречается слово в род. п. мн. ч. с выраженной анусварой: *dharmāṇam*¹⁶.

Не берясь судить о качестве этой копии, мы можем добавить к упомянутой надписи из Хадды еще три надписи из Кара-тепе, где в род. п. мн. ч. анусвара выражена вполне отчетливо. Ср. [*ma*]*hāsamghikā(n)aṃ* (№ 3 кх), *-ṇam-mahāsamghikanāṃ* (№ 63 кх), *sarvasatvanam* (№ 36 кх). Следует также обратить внимание на запись *saṃghaamḷam(sa)* (№ 4 кх) – род. п. от имени *saṃgha(p)ala-* (скр. *saṅghapāla-*), где *a* в слове *laṃ* является этимологически долгим. Все приведенные нами надписи не подтверждают орфографического правила Ж.Фюсмана, а, скорее, свидетельствуют об отсутствии какой-либо закономерной связи между записью анусвары и реальными различиями по назальности. Этим объясняется, с одной стороны, графическая "реконструкция" анусвары писцами там, где по законам среднеиндийских языков она не должна быть выражена (по-видимому,

один из видов санскритизации), с другой – превращение знака анусвары в простую орнаментацию акшары. Ср. № 60 кх: *-daṃtaṃsya-aṃgrabhaḡae*.

Еще один вопрос, который встает в связи с изучением вокализма, – это вопрос о долгих гласных. К нему мы обратимся несколько позже, в связи с "владельческими" надписями.

Переходя к особенностям консонантизма, рассмотрим прежде всего гуттуральный ряд, представленный в наших материалах наиболее полно. В надписях засвидетельствованы следующие согласные: *k*, *kh*, *ḡh*, *g*, *ḡ*, *gh*.

В начальной позиции все они встречаются без ограничений. В интервокальной позиции *g* может свободно варьировать с *k*. Ср. *mahāsaṃghīkā(n)aṃ* (№ 2 кх) и *maha[samḡhī]gana* (№ 36 кх). Очевидно, в интервокальной позиции была нейтрализация гуттуральных по признаку звонкости. В качестве архифонемы выступал фрикативный *ḡ*, позднее ослабившийся до *ya śruti*. Для записи этой архифонемы в ряде надписей засвидетельствована особая графема *ϕ* *ga*, которая встречается во многих текстах кхароштки, особенно с территории Центральной Азии и Афганистана.

На Кара-тепе эта графема представлена в нескольких надписях. Например, *agrabhaḡae* (№ 60 кх), *ḡayala* (№ 21 кх).

Аспирированный *ḡh* в интервокальной позиции засвидетельствован в слове *danamukha* (№ 54 кх). Однако на Фаяз-тепе известны две формы того же слова: *danamukha* (Фаяз-тепе № 38) и *danamuha* (Фаяз-тепе № 32). Из этих примеров ясно, что мы здесь имеем дело с попыткой передать сплант. Ср. также такие дубликаты, как *(su)khaya* (№ 38 кх) и *suha* (№ 23 кх). Это совпадает с общей тенденцией среднеиндийского консонантизма к сплантизации аспирированных через утрату их затворного элемента¹⁷.

В начальной позиции *ḡh* употребляется в собственных именах и терминах, в основном неиндийского происхождения. Ср. *ḡhadevaka* (№ 31 кх), бактр. *ḡhaḡḡo*, *ḡḡḡo*; *ḡhagu* (№ 50 кх) соответствует имени собственному

haku. Видимо, графема *ϕ* *ḡha* фонетически соответствует в этих случаях иранскому спланту *ḡ* и, возможно, возникла в области, где были распространены иранские языки.

Согласные *g* и *gh* засвидетельствованы в начальной и интервокальной позициях. Интервокальное *g* – результат среднеиндийского озвончения интервокальных (в данном случае сплантизация не выражена). Ср. *pugaliga* (№ 3 бр–б–кх), пали *puggalika*, б.скр. *paudgalika*. Следует также отметить случаи дезаспирации гуттуральных, что проявляется в виде дублетов: *sagami* (№ 446 кх) и *saṃghami* (№ 3 кх), ср. *mahasagigana* (Фаяз-тепе № 14)¹⁸. Такие случаи иногда объясняют влиянием субстрата.

Из групп согласных в гуттуральном ряду засвидетельствованы только *gt* в слове *agra* (№ 58 кх) и сочетание звуков, которое на письме передается акшарой *Y*. Его фонетическое содержание реконструируется, с одной стороны, на

основе типологических закономерностей среднеиндийских языков, с другой – на основе некоторых случаев записи этого сочетания в пракритской "Дхармападе", где рядом встречаются варианты: *sakhkṣuma* и *sakhuma*. Дж.Браф предложил в данном случае чтение *xṣ*, близкое к ир. *xš*. Что касается надписного знака *kh* в слове *sakhkṣuma*, то Браф

считает, что этот знак представляет остаток старого написания, превратившегося в диакритический знак¹⁹. Этот знак в "Дхармападе" обычно изображается как , в документах из Нийи – как .

По-видимому, акшара могла иметь разное произношение: *xṣ* и *kkh*. Учитывая это, можно принять транслитерацию *kṣa*, но считать ее условной.

О произношении этой акшары на Кара-тепе свидетельствует запись слова *bhikkṣu*, что фонетически должно соответствовать *bhikkhu*²⁰.

Палатальный ряд представлен в надписях согласными *s* и *jh*. В интервокальной позиции графема *sa* засвидетельствована в слове *[a]caryana* (№ 36 кх), ср. *asega* (№ 13 Фаяз-тепе). По-видимому, согласный произносился как *ya śruti*.

Графема , которую принято транскрибировать *ja*, как установлено многими исследователями, употребляется для передачи звонкого сибилянта *za*²¹, главным образом в словах неиндийского происхождения: *jhada* (№ 58 кх), бактр. *ζαδο* "сын"; *marjha[ka]* (№ 53 кх), сакск. *malysāki* "казначей".

Из церебральных согласных в надписях встречаются *ṭh*, *d* и *ḍ*. То, что передается графемой *ṭha*, является, по-видимому, записью геминаты *ṭṭh*: *aṭhaya* (№ 15 кх), пали *aṭṭhaya*, скр. *arthaya*.

Согласный *ḍ* представлен в начальной позиции: *ḍaho* (№ 36 кх) и в интервокальной: *ghaḍa* (№ 5 кх). Запись этого слова в надписи № 29 из Фаяз-тепе как *ghaḍa*, по-видимому, свидетельствует о спонтанном произношении звонких церебральных в интервокальной позиции. Это явление наблюдается в "Дхармападе"²² и в документах из Нийи, где интервокальный *ḍ* варьирует с *ṛ*: *śaḍataṃmi*, скр. *śarad*-²³.

Из дентальных согласных в надписях засвидетельствованы *t*, *th*, *d*, *dh*. Наличие свободных вариантов типа *catu[diśami]* (№ 40 кх) и *cadudimśami* (№ 36 кх) говорит о тех же процессах, которые характерны для других рядов смычных, – спонтизации интервокальных. Стойкое сохранение дентальных на письме и отсутствие вариантов с интервокальным *u*, а в ряде случаев сохранение глухого интервокального *t*, например *saṃmata* (№ 37 кх), свидетельствует о сохранении в этом звуковом ряду архаической формы записи для терминов и формул, возникших в ранне-среднеиндийский период. Эта форма записи охватывает и некоторую часть общеупотребительных санскритских глаголов типа *bhavati* (№ 22 кх), ср.-инд. *hoti*; *bhavatu* (№ 36 кх), ср.-инд. *hotu*, которые рано попали в буддийскую литературу вместе с назидательными изречениями.

Из групп согласных в этом ряду представлены *tv: sarvasatvana* (№ 36 кх) и *tm: atmano* (№ 32 кх), которые в разговорном языке этого периода должны были подвергнуться ассимиляции и дать геминату *tt*, что мы действительно наблюдаем в каратепинской настенной надписи № 3 ст. кх, где *ata* (запись соответствует *atta*) соответствует скр. *atman-*.

Из губных согласных в надписях представлены *p, b, vḥ*. Из них первые два известны только в начальной позиции. Что касается графемы **ṽ**, которую вслед за Г.Людерсом теперь принято передавать как *vḥ*, то ее фонетическое содержание, как справедливо показал Дж.Браф, более всего соответствует билабиальному фрикативному *β* или *f*.

В наших надписях эта графема засвидетельствована в терминах и в именах собственных иранского происхождения: *asvavhata* (№ 41 кх) и *gulavhata* (№ 58 кх).

В надписях представлены три сибиланта: *s, ś, ṣ*. По-видимому, все они в разговорном языке становились звонкими в интервокальной позиции. Об этом свидетельствует в наших надписях бактрийская передача индийского имени *budhaśira* (№ 3 бр-б-кх) как *βoddoṣiro*.

Изучение фонетических особенностей "владельческих" надписей кхароштки и сравнение их с дарственными дает интересный материал для рассмотрения вопроса о долгих гласных в текстах кхароштки (звуковой состав надписей этих двух жанров в основном совпадает).

Проблема долгих гласных не раз затрагивалась исследователями, но обычно речь шла только о фиксации *ā*-матры. Этот знак засвидетельствован в документах из Нийи²⁴ и почти не встречается в надписях из Северо-Западной Индии²⁵.

По мнению Я.Харматты, обнаружившего *ā*-матру в одной из надписей Кара-тепе, появление ее связано с влиянием алфавита брахми на кхароштки и могло произойти в районе Термеза. Это последнее предположение было обусловлено ранней датировкой, которую Я.Харматта давал каратепинским надписям (II – начало III в.)²⁶.

Согласно мнению М.И.Воробьевой-Десятовской, обозначение долготы гласных было особенностью рукописного варианта кхароштки, отличающей его от монументального. При этом она считает, что писавшие надписи с выраженной долготой в Термезе могли быть выходцами из Центральной Азии²⁷.

По мнению Ж.Фюсмана, также затронувшего эту проблему, алфавит кхароштки не был предназначен и никогда не обозначал долготу гласных. То, что называют обозначением долготы в надписях, Ж.Фюсман считает "одним из многих содержащихся в них этимологических *-a*"²⁸.

На первый взгляд это утверждение кажется логичным. Но попытаемся вскрыть механизм этого явления, обратившись к материалу надписей. В дарственных надписях кхароштки долгота представлена только в названии буддийской школы "махасангхика", которое встречается два раза: в № 2 кх: *[ma]hāsaṃghikā(n)aṃ* и в № 63 кх: *maḥāsaṃghikanāṃ*. В этом же слове долгота однажды засвидетельствована на Фаяз-тепе²⁹. Ср. Фаяз-тепе № 25: *[a]caryana-mahā[samghikana]*. Как можно видеть из этих надпи-

сей, знаком долготы отмечена не только акшара ā, но и акшара ī, причем этимологически краткая. Очевидно, перед нами один из видов гиперкоррекции.

Интересный пример обозначения долготы дают "владельческие" надписи. В № 1 кх долгота обозначена в трех словах: *pāṇiya*, *mahādharmakathika* и *[puga]līka*. Характерно, что первые два слова имеют долгие гласные в этих же словах в санскрите: ср. скр. *pāṇiya-*, *mahādharmakathika*, что касается слова *pugalīka*, то ему соответствует б. скр. *paudgalika*.

Как мы уже старались показать выше (см. 13), надпись № 1 кх является транспонированием надписи № 11 бр. В этой надписи долгота ī в слове *[puga]līka* является гиперсанскритизацией, возможно под влиянием другого варианта этого слова *paudgalīya* (№ 3 бр-б-кх). Из этих наблюдений можно заключить, что долгота в надписях кхароштки является одним из проявлений гиперсанскритизации. Она охватывает не только ā-матру, как считалось ранее, и не только этимологически долгую, но, как можно видеть, и любые другие гласные (ср. *mahāsamghīkanām*, *pugalīka*). Очевидно, что к реальному восприятию долготы в слове эта система записи отношения не имеет.

В дарственных надписях кхароштки, как уже говорилось, этому способу записи (с долготой) подчиняется только одно слово – наименование буддийской школы "махасангхика".

В поздних "владельческих" надписях кхароштки выражение долготы есть следствие транспозиции уже санскритизированного и имеющего гиперкоррекции текста брахми на кхароштки. При дальнейшем переписывании текста кхароштки, которое осуществлялось писцами, не воспринимавшими реальных различий по долготе в живом языке, обозначение долготы или игнорируется (№ 15 кх, № 46 кх), или знак долготы может ставиться произвольно (*mahāsamghīkanām*), лишь для придания тексту кхароштки "грамотного" вида.

Имея в виду этот механизм появления долготы гласных в кхароштки, факт передачи долготы в вотивных надписях в одном лишь слове "махасангхика" является знаменательным, так как может быть оценен как отголосок некогда "переводившихся" махасангхиками надписей с брахми на кхароштки, а возможно, и как свидетельство их прибытия в Термез из Мадхьядеши (области распространения брахми), что согласуется с колофоном "Махавасту"³⁰.

б) Надписи брахми

"Владельческие" надписи брахми, засвидетельствовавшие тот же состав фонем, что и надписи кхароштки, дают возможность выявить разные степени санскритизации текста.

В области вокализма санскритизация проявляется в попытках выразить долготу гласных и представить санскритские дифтонги. При этом наблюдается обозначение долготы там, где фонетически ее не должно быть. Например, *danā* (№ 3 бр), *pugalīka* (№ 11 бр, № 16 бр), б. скр. *paudgalika*, па-

ли *puggalika*-. В других случаях можно отметить отсутствие долготы там, где ее следует ожидать в санскрите. Например, *śṭavaga* (№ 1 бр), скр. *śṭāvaka*-, отрицательная частица *mā* (№ 6 бр), скр. *mā*.

Попытку представить дифтонги можно видеть в следующих примерах: *na-kaiṣa* (№ 16 бр), скр. *na-keṣam*; *-vaidā* (№ 2 бр), скр. *-veda*-, представляющих гиперкоррекцию. В остальном консонантизм надписей брахми близок среднеиндийским системам. Например, санскритскому *ṛ* соответствует гласный *u*: *anāṛuṣcchā*' (№ 7 бр-б), ср. пали *an-āṛuṣcchati*, скр. *an+ā+ṛuṣcch-*.

В области консонантизма озвончение смычных в интервокальной позиции: *śṭavaga* (№ 1 бр), *pugaḷiga* (№ 16 бр), – а также наличие свободных вариантов с ослаблением интервокального смычного: *kuṇḍika* (№ 11 бр), *kuṇḍiyaḥ* (№ 1 бр) – свидетельствуют о том, что за этими примерами просматривается процесс озвончения и спирантизации интервокальных смычных. При этом попытки санскритизации интервокальных часто приводят не к реальным санскритским формам, а к гиперкоррекциям. Ср. *pānika* (№ 11 бр), скр. *pāniya*-, пали *pāniya*-.

Наличие геминат соответствующих санскритским группам разнородных согласных свидетельствует об ассимиляции и упрощении групп согласных в начале и в середине слова: *pacchidyatu* (№ 6 бр), ср. скр. *pra+chid-*. При передаче групп согласных, кроме сочетаний носового со смычным того же места образования (*nd*, *nt*, *ṇḍ*), а также сочетаний плавного со смычным или носовым (*rm*, *tr*), которые допустимы в ряде среднеиндийских языков (например, в языке канона махасангхиков), засвидетельствованы многие случаи гиперсанскритизации: *hartthavyaḥ* (№ 1 бр), скр. *hartāvyā*; *bhartha*, скр. *bhṛtha* (№ 7 бр-кх). Среднеиндийская форма записи, характерная для кхароштии, – носовой гласный (анусвара) + смычный (*kuṇḍiya*) и санскритская – носовой согласный + смычный того же места образования (*kuṇḍika*-) – в надписях брахми контаминируются, давая в результате гиперкоррекцию: *kuṇḍiyaḥ* (№ 1 бр).

Следует также отметить, что в надписях брахми даже при соблюдении санскритской фонетической структуры в пределах слов и морфем, на границе слов, законы сандхи, характерные для санскрита, практически не имеют силы. Ср. *so pacchiddyatu* (№ 6 бр), *kuṇḍikaḥ bhikṣusya* (№ 3 бр-б-кх).

В целом за этим видом надписей стоит среднеиндийская фонетическая система, стремящаяся ориентироваться на санскритскую норму. Практически эта норма осуществляется только в старых употребительных санскритских словах, особенно глаголах (*harati*, *bhavati*) и некоторых терминах (*dharma*-, *bhikṣu*-, *dharmakathika*-.). Тот словесный материал, который вновь вводится в оборот, имеет форму, либо подвергшуюся среднеиндийским фонетическим изменениям, либо носящую печать ложной санскритизации.

2. Морфология

Имя

В дарственных надписях кхароштки парадигмы склонения имени представлены фрагментарно. Просматривается склонение основ на *-а* и частично на *-и*.

Парадигма склонения имени Основы на *-а*

	ед. ч.	мн. ч.
им. п.	<i>-а, -о, -е</i>	—
инстр. п.	<i>-епа</i>	—
дат. п.	<i>-ае, -ауа, -аа</i>	—
род. п.	<i>-аса</i>	<i>-апа, -апат</i>
мест. п.	<i>-а_ти, -а_тт_и</i>	—

Им. п. ед. ч. основ на *-а* имеет три формы, которые засвидетельствованы и в документах кхароштки из Нийи³¹. Прослеживаются некоторые особенности дистрибуции окончаний.

Наблюдается свободное варьирование окончаний *-а* и *-е*. Ср. *danamukha* (№ 54 кх) и *danamukhe* (№ 56 кх). Однако окончание *-е* употребляется преимущественно в формульных словах-терминах: *danamukhe*, *deyadharme*. Для слов, редко встречающихся или неизвестных в вотивных надписях, более характерны формы на *-а*, фактически совпадающие с основой имени. Окончание *-о* — обычное среднеиндийское окончание, свойственное разговорному языку, поскольку употребляется и перед словами, начинающимися с глухого согласного (в отличие от санскрита). В письменном языке это окончание представлено чаще всего в причастиях, что было отмечено Т.Барроу для документов кхароштки из Нийи³².

Инстр. п. ед. ч. представлен одним случаем, где его окончание надежно восстанавливается в известной вотивной формуле по согласованию с указательным местоимением: *imena kuśalam[ulena]*.

Дат. п. ед. ч. на *-ае* восстанавливается нами лишь как грамматическая форма в последовательности *-yadae* в № 30, где мы читаем: *-yadae-bha[vatu]*. Дат. п. на *-ауа* представлен в № 38 кх: *sukhaya*. Эта форма, которая, видимо, отмерла в разговорном языке, сохраняется в вотивных формулах типа *hitasukhaya* "ради блага и счастья", даже при сохранении глухого интервокального аспирированного, что свидетельствует о традиционном написании этой формулы. Форма на *-аа* является вариантом *-ауа* с полным падением интервокального смычного. Форма на *-аа*, по-видимому, составляет часть известной вотивной формулы *agrapadiśaa* "ради будущего счастья".

Род. п. ед. ч. знает одну-единственную форму на *-аса*: *asvavharasa* (№ 41 кх). Это написание фонетически соответствует обычному среднеиндийскому окончанию *-асса*. (Следует отметить, что окончание *-а_са*, ха-

актерное для документов из Нийи и кхароштии "Дхармапады", в наших материалах не засвидетельствовано.)

Мест. п. ед. ч. в надписях оканчивается на *-amī*. Это характерное для среднеиндийских языков окончание произносилось, видимо, как *-aṃmī*, что иногда бывает выражено и на письме, ср. № 62 кх: *-aṃmī*.

Род. п. мн. ч. встречается в двух формах: с назализованным окончанием *-anaṃ* и без назализации конечного гласного *-ana*. Для надписей с явными признаками санскритизации, с выраженными долгими гласными, характерно окончание *-anaṃ*. Ср. *[ma]hāsaghiḱānaṃ* (№ 2 кх), в других случаях обычно *-ana: maha[samghi]gana* (№ 36 кх).

Из других основ засвидетельствована только основа на *-u*. В отличие от санскрита имена с основой на *-u* склоняются по типу именного склонения на *-a*. Например, имя собственное *khagu-* имеет в род. п. ед. ч. *khagusa* (№ 50 кх).

По имеющимся надписям брахми удастся восстановить лишь небольшой фрагмент парадигмы склонения основ на *-a* и *-u*. От парадигмы основы на *-a* сохранилось лишь два падежа: им. и род. п. ед. ч. Им. п. засвидетельствовал три окончания: *-a*, *-aḥ*, *-o*. Наиболее употребительными являются формы им. п. на *-a*, фактически совпадающие с основой имени: *kuṇḍika* (№ 11 бр), *bhadanta* (№ 15 бр), *pugalīga* (№ 16 бр).

Окончание *-aḥ* является результатом санскритизации, однако это обычно ложная санскритизация, поскольку слово, следующее за окончанием *-aḥ*, может начинаться со звонкого согласного: например, *kuṇḍiyaḥ bhikṣu[sya]* (№ 1 бр). Ср. *kuṇḍika buddha[śīra-]* (№ 11 бр).

Им. п. на *-o* можно было бы считать одним из случаев следования санскритским правилам сандхи, однако факультативность появления окончания *-o* перед звонким согласным свидетельствует о несоблюдении санскритских правил сандхи и говорит о среднеиндийском окончании *-o* и факультативном чередовании его с окончанием *-a*.

Род. п. ед. ч. дает три окончания: *-asya*, *-asyaḥ* и *-a*. Первое окончание является санскритской формой, обычной для эпиграфических текстов брахми начиная с периода Кшатрапов (для более ранних надписей характерна пракритская форма *-asa*)³³. Ср. *bhikṣusya-jīvanamḍasya* (№ 26 бр).

Окончание *-asyaḥ* является типичным случаем ложной санскритизации в виде висарги, добавленной к окончанию род. п. *-asya*. Ср. *buddhamittrasyaḥ* (№ 3 бр-б-кх).

Окончание *-a* есть, по сути дела, использование основы в функции род. п.: *buddhaśīra-ddharmakathikasya* "Буддхаширы, проповедника дхармы" (№ 2 бр-б).

Аналогичные случаи употребления известны в надписях, опубликованных Г. Людерсом³⁴ и во многих текстах на гибридном санскрите.

Из других основ засвидетельствованы случаи употребления основы на *-u*. Для них характерно, как и в вотивных надписях кхароштии, склонение по типу основ на *-a*: *bhikṣusya* (№ 26 бр), ср. скр. *bhikṣoḥ*.

Как и в склонении на *-a*, возможно употребление чистой основы в функции род. п.: *bhikṣu-buddhamittrasyaḥ* (№ 3 бр-б-кх) "Монаха Буддхамитры".

По "владельческим" надписям кхароштки также просматриваются некоторые фрагменты парадигмы склонения.

Для основ на -а в надписях засвидетельствован им.п. с окончанием -а: *paniya* (№ 1 кх), *kuṇḍika* (№ 1 кх), *kuṇḍiya* (№ 46 кх).

В род.п. встречаются два окончания: -asya и -a. Окончание -asya свидетельствует о санскритизации. Ср. *budhaśīrasya* (№ 3 бр-б-кх).

Окончание -а, соответствующее основе имени, употребляется, как и в надписях брахми: *budhaśīra-pugaḷika* (№ 1 кх) = *budhaśīrasya-pugaḷigasya* (№ 3 бр-б-кх).

В целом "владельческие" надписи кхароштки стараются по мере возможности воспроизвести средствами этого алфавита тип надписи, ориентированной на гибридный санскрит и обычно передаваемой алфавитом брахми.

Использование долгих гласных, род.п. на -asya – все эти признаки, хотя проводимые непоследовательно, свидетельствуют о вторичности этой серии надписей кхароштки и зависимости их от образцов, составленных на брахми.

Местоимения

В вотивных надписях кхароштки засвидетельствована только одна форма указательного местоимения: *iyo*. Она восходит к основе ж.р. *iyaṁ* местоимения *ayaṁ* и образована по аналогии с именами и местоимениями м.р. на -о. Ср. *iyō paniya-[ghaḍa]* (№ 36 кх), *i[yo]-bhikṣaghaḍa* (№ 5 кх).

В вотивных надписях кхароштки из Фаяз-тепе эта форма не засвидетельствована. Неизвестна она и в Северо-Западной Индии, во всяком случае, в своде Ст.Конова. Форма, близкая к нашей, *io* встречается в надписи кхароштки Сенавармы, опубликованной Г.В.Бейли³⁵ и рассмотренной Ж.Фюсманом³⁶. Бейли считает эту форму образованной от *ita-*. Фюсман не указывает на способ образования, но замечает, что форма имеет такое же значение, что и *ayaṁ*.

Указательные местоимения чаще всего представлены в надписях брахми формой *ayaṁ* (скр. *ayaṁ* – м.р. от *idam*). Ср. *ayaṁ kuṇḍikaḥ* (№ 25 бр), *ayaṁ (pa)nikuṇḍika* (№ 11 бр), *ayaṁ k[unḍika]* (№ 22 бр).

В надписях брахми засвидетельствована также гибридная форма *iyoh*, являющаяся контаминацией среднеиндийского *iyō* с висаргой, указывающей на ложную санскритизацию. Ср. *iyoh kuṇḍiyaḥ* (№ 1 бр).

Особый интерес представляет форма *ayo* (№ 3 бр-б-кх), ранее не засвидетельствованная ни в пракритах, ни в гибридном санскрите. Эта форма также восходит к местоимению *ayaṁ*, но в отличие от *iyō* – к основе м.р. Форма *ayo* также образована по аналогии с среднеиндийскими именами и местоимениями на -о. Например, в документах из Нийи засвидетельствована форма личного местоимения 1 л. *aḥo*, образованная от *aḥam*.

Кроме того, в одной из надписей брахми (№ 16 бр) встречается указательное местоимение *so* (скр. *sa-*), по-видимому, идентичное среднеиндийскому *so*, поскольку оно употреблено без соблюдения санскритских правил сандхи. Ср. *so sogo*. Этому местоимению соответствует относительное местоимение *yo* (скр. *ya-*).

Неопределенное местоимение встречается в надписях в отрицательной форме *na-koci* (скр. *na-kaścit*) – в основе его лежит форма вопросительного местоимения *ko* (скр. *ka-*). Засвидетельствованы также его формы *na-kenaci* (№ 1 бр) – инстр.п. ед.ч. и *na-keci* (№ 20 бр) – им.п. мн.ч. Однако в последнем случае в надписи не сохранился контекст, поэтому трудно сказать, относится ли форма *na-keci* к единственному или множественному числу. Аналогичная форма употребляется в гибридном санскрите ("Саддхармапундарика", 115,2) для выражения множественного числа.

Для этого же местоимения в род.п. мн.ч. употребляется форма *na-kaiṣa* (№ 16 бр), являющаяся гибридным вариантом скр. *nakesaṃ* при ожидающейся форме *na-kaiṣaci*.

Во "владельческих" надписях кхароштки дважды засвидетельствовано указательное местоимение *ayaṃ*. Ср. *ayaṃ pani-kumḍiya* (№ 46 кх) и *ayaṃ paniya-kumḍika* (№ 1 кх). Появление этой формы вполне соотнобразуется с тем фактом, что обе указанные надписи кхароштки являются вариантами надписи № 11 бр: *ayaṃ panika-kumḍika*, причем текст брахми представлен с ложной санскритизацией: *panika-*.

Кроме того, во "владельческих" надписях кхароштки употребляется форма *ayo* (№ 3 бр–б–кх), которая является копией этого местоимения в надписи брахми на том же сосуде.

Дважды засвидетельствована форма *iyo*, характерная для вотивных надписей.

Рассмотрев встречаемость наиболее употребительного указательного местоимения *ayaṃ* и всех его разновидностей в каратепинских надписях, мы пытались представить эти данные в виде схемы, из которой можно видеть, что надписи брахми и "владельческие" надписи кхароштки почти идентичны в отношении употребления этого местоимения. Что касается дарственных надписей кхароштки, то они представляют только среднеиндийскую форму.

Схема 1

Надписи брахми	Надписи кхароштки „владельческие”	Надписи кхароштки дарственные
<i>ayaṃ</i> 3 надписи	<i>ayaṃ</i> 2 надписи	—
<i>ayo</i> 1 "	<i>ayo</i> 1 "	—
<i>iyoh</i> 1 "	<i>iyoh</i> 2 "	<i>iyoh</i> 6 надписей

Жанр и палеографическая характеристика надписей. Проблема датировки

По наблюдениям Т.В.Грек³⁷, каратепинские надписи кхароштни отличались разнообразием индивидуальных почерков. По палеографическим особенностям они датированы ею кушанским периодом. Этой же точки зрения придерживался Я.Харматта³⁸, она содержится и в наших прежних публикациях³⁹. Относя надписи Кара-тепе и Фаяз-тепе к кушанскому периоду, М.И.Воробьева-Десятовская писала: "Ни археологический, ни палеографический материал не дает возможности использовать вид письма – кхароштни или брахми – для установления более точной хронологии. Нет надписей, сделанных одновременно на кхароштни и брахми"⁴⁰.

В свете вновь открытых на Кара-тепе материалов эти выводы теперь могут быть пересмотрены.

1. Надписи кхароштни

Несмотря на то что изучение палеографии кхароштни началось еще в конце прошлого века, научная палеография кхароштни до сих пор еще не создана. Большой вклад в ее создание внесли Г.Бюлер⁴¹, Е.Рапсон⁴², Дж.Браф⁴³ и особенно А.Х.Дани⁴⁴.

А.Х.Дани удалось выделить несколько разновидностей (стилей) этого письма. При этом он утверждал, что письмо кхароштни совсем не развивало форм знаков, а лишь упрощало их, что нет развития орнаментальных форм.

Тем не менее ряд знаков, как установлено исследователями, являются характерными только для определенного периода. Например sa (с закрытой петлей) встречается до середины I в. н.э., ya (с плоской вершиной) – до конца правления Канишки и др.

Попытки абсолютной датировки даже по этим признакам осложняются тем, что некоторые надписи копировались неграмотными мастерами с разных (и разновременных) образцов. Поэтому отдельные ранние знаки могли появляться и в поздних надписях, затрудняя тем самым их датировку.

Что касается надписей, выполненных кистью (чернилами) – будь то на бересте, деревянных дощечках или сосудах, – то они, видимо, выполнялись профессиональными писцами и более чем другие надписи регистрируют реальные (во всяком случае, стилистические) особенности развития письма, по крайней мере до IV в., когда это письмо в основном выходит из повседневной практики и отдельные случаи его употребления не отражают его реального развития, а ориентируются на случайные образцы, тем самым не давая хронологических ориентиров.

Обращаясь к разновидностям письма кхароштни, выделенным А.Х.Дани, применительно к материалам Кара-тепе можно говорить о трех из них.

Первый тип представлен образцами, ориентированными на монументальный стиль надписей на камне⁴⁵. Характерной особенностью знака в этих надписях является его симметричность, строго прямой характер основной вертикали, отсутствие загибов на конце вертикали. Ср. 7 va,

ҭ ga, ҭ ka, ҭ ga, ҭ a.

Второй тип надписей, который можно выделить на Кара-тепе, А.Х.Дани называет "промежуточным" между стилем надписей на камне и собственно рукописным стилем⁴⁶. Существенным признаком этого стиля является характерный загиб влево (в некоторых случаях незначительный) основной вертикали знака. Ср. ҭ ka, ҭ gha, ҭ pa.

Для надписей этого круга характерна треугольная форма диакритического знака и в середине слова. Ср. ҭ bu, ҭ gu. У акшары kha ясно выражена верхняя петля: ҭ.

По мнению А.Х.Дани, "промежуточный" стиль типичен для кушанской эпохи правителей группы Канишки. Если принять это заключение Дани, то многие надписи Кара-тепе можно было бы довольно четко датировать по указанным признакам второго типа. Однако, как показали некоторые материалы, о которых подробнее будет сказано ниже, описанные признаки присутствуют в надписях кхароштни, надежно датированных более поздним периодом. Это ставит под сомнение возможность отнесения всех надписей Кара-тепе "промежуточного" стиля ко времени правителей группы Канишки.

Третий тип надписей, представленный на Кара-тепе, близок классическому рукописному стилю кхароштни, как он известен по документам позднекушанского и раннегуптского периодов⁴⁷. Характерным признаком этого стиля является легкий изгиб влево основной вертикали знака:

ҭ mi, ҭ i.

Нижний конец вертикали заканчивается либо загибом влево, но более заметным, чем в предыдущем типе (ҭ jha), либо обращенной вверх черточкой, соединяющейся с концом вертикали: ҭ ga, ҭ ka.

Горизонтальные линии, особенно диакритические знаки, производятся одним росчерком вместе с основной вертикалью акшары. В результате на конце вертикали иногда образуется петля: ҭ e. Гласный i в середине слова чаще всего выражается линией, начертанной слева от основного знака, а не перечеркивающей его, как в предыдущем типе: ҭ di, ср. ҭ di (тип первый). Знак ҭ ya имеет скругленную верхнюю часть.

Таким образом, если на фоне всего сказанного попытаться датировать каратепинские документы кхароштни, то вполне надежным можно считать только отсутствие на Кара-тепе надписей, которые относились бы ко

времени ранее середины I в. н.э., о чем свидетельствует отсутствие знака sa с закрытой петлей. Все остальные различия в формах знаков можно было бы считать нерелевантными с точки зрения хронологии.

Однако, учитывая тот факт, что все надписи кхароштки написаны кистью писцами, несомненно владевшими в какой-то степени письмом и языком (а не неграмотными исполнителями, какими были граверы, делавшие надписи на металлических пластинах и монетах), то заметные различия в стиле письма можно связывать с различным влиянием тех писцовых традиций, которые соединились на Кара-тепе. Таких традиций было несколько и одна из них, соответствующая третьему типу, описанному Дани как "рукописный стиль", скорее всего предполагает связи Кара-тепе с районами Центральной Азии в период III – начала IV в. н.э.

Между тем наличие многоязычной надписи, где брахми соседствует с кхароштки и где текст кхароштки представлен вторым типом, описанным выше, свидетельствует, что этот вид кхароштки употреблялся в надписях позднего времени – в V в. Это доказывается палеографией брахми (см. ниже).

2. Надписи брахми

В поисках подхода к проблеме датировки надписей брахми мы предприняли попытку сравнить палеографически надписи на керамике, упоминающие имя монаха Дживананды, и надписи с именем монаха Буддхаширы. Надо заметить, что если другие имена в надписях брахми реконструируются только предположительно и не подтверждены повторными надписями, то имена Дживананда и Буддхашира можно отнести к вполне надежным фигурам в истории Кара-тепе (имя Дживананды засвидетельствовано четыре раза⁴⁸, имя Буддхаширы – восемь раз). Проведенное сравнение позволило выделить два эпиграфических комплекса, каждый из которых обладает рядом устойчивых признаков, отнюдь не связанных с индивидуальными почерками писцов и позволяющих говорить об определенных региональных и временных различиях.

а) Надписи Дживананды

1. Общая характеристика надписей.

Во всех надписях Дживананды головки знаков переданы черточками. В № 26 бр черточки очень толстые, как и линии самих знаков, что, может быть, связано с использованием особого вида тростникового пера. Знаки надписи № 26 бр отличаются высокой степенью симметричности при тщательном соблюдении интервалов между отдельными знаками и словами. Надпись № 1 бр имеет те же свойства, но отличается несколько большей свободой в форме и расположении знаков.

Концы вертикалей в надписи № 26 имеют загибы в виде маленькой ко-сой черточки.

Анусвара в обеих надписях выражена короткой линией (в № 1 более длинной) над знаком. Что касается формы знаков, то для надписей Дживананды характерны следующие акшары: *ḍ* *dha* с нижним острым углом и две формы *ta* (треугольное *ṭ* и с открытым ртом *ṭa*). Акшара *da* имеет двойную кривизну *ḍa*. Акшара *pa* начертана с открытым ртом *ṭa* (№ 1 бр), по-видимому, эту же форму мастер пытался воспроизвести в № 26 бр, но из-за большой толщины линий обе части знака слились. Акшара *sa* выступает в двух формах: *ṣa* и *ṣa*. Огласовка *i* выражена крючком, отходящим вправо от вертикали знака. Акшары *ga* и *bha* представлены в надписях с удлиненной правой вертикалью.

Все указанные здесь особенности определенно указывают на посткушанский период.

2. Специфические признаки надписей.

Здесь рассматриваются палеографические признаки, которые могут заключать в себе более определенные региональные и временные характеристики (рис. 3).

	Знак для слога <i>oṭ</i>	Акшара <i>a</i>	Огласовка <i>i</i> в середине слова	Огласовка <i>i</i> в середине слова
Надписи Дживананды	ṭ	ṭa	ṭa	ṭa
Надписи Буддхаширы	ṭ	ṭa	ṭa	ṭa

Рис. 3

Прежде всего, это акшара *a*. В форме *ṭa*, т.е. так называемого угловатого *a*, эта акшара известна в надписях кушанского периода из Матхуры⁴⁹. Позднее в форме угловатого *a* с узлом *ṭa* она встречается в надписи Кумарагупты I из Матхуры (начало V в.⁵⁰), а также в Турфанских рукописях⁵¹ и рукописях из Байрам-али⁵², относящихся к матхурской школе письма. Таким образом, это специфически матхурская форма, распространявшаяся только с матхурской традицией в северном и северо-западном направлениях и неизвестная в других регионах.

Акшара *i* в виде трех горизонтальных черточек *ṭa* появляется в Матхуре в III в.,⁵³ по-видимому, под влиянием надписей из Гуджарата, где она также засвидетельствована в III в. в надписях из Бадвы и Барналы⁵⁴. В других регионах эта форма не встречается.

Наиболее специфический признак надписей Дживананды – это огласовка *ī* в форме высокой вертикальной линии: *bhi*. Высокие вертикальные огласовки встречаются в ряде матхурских надписей начиная с кшатрапских надписей Матхуры параллельно с иным способом передачи этой огласовки, общим с другими регионами.

Огласовка *ī* выражается в надписях Дживананды с помощью высокого крючка, обращенного свободными концами вверх и располагающегося над акшарой. Например: *jī*. Этот способ характерен для кушанских надписей из Матхуры и для аллахабадской надписи Самудрагупты (IV в.)⁵⁵. В V в. эта форма сохраняется кое-где в гуптских надписях, но чаще заменяется дугообразной линией, обращенной вправо: *nī*.

Интерес представляет также передача благопожелательного слова *siddham*.

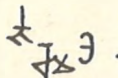
В двух надписях Дживананды первый слог этого слова (*si*) значительно поднят по сравнению с другими акшарами:

 (№ 26 бр) (№ 1 бр)

Эту особенность написания можно сопоставить с рядом надписей брахми из других регионов, состоящих из нескольких строк, где *siddham* располагается не в первой строке, а сбоку, как бы охватывая все строки своим благоприятным воздействием. Поэтому два слога надписи пишутся сверху вниз, а не слева направо. Видимо, этот способ был автоматически перенесен на Кара-тепе и приспособлен к надписям в одну строку.

В надписях Дживананды слово *siddham* сопровождается знаком , который, по-видимому, является одним из вариантов написания священного знака *Om*!

Дублирование благопожелания *siddham* другим благоприятным знаком, например знаком свастики, характерно для ряда надписей брахми. Ср. дистрибуцию знаков в начале надписи:

Насик (№ 10) ⁵⁶, Кара-тепе (№ 1 бр) .

Ср. также аналогичную роль благоприятных знаков (свастики, священного дерева, кувшина пурнагхаты) в надписях из Матхуры⁵⁷. Например, в надписи № 39 благоприятные символы располагаются через каждые семь знаков письменного текста.

б) Надписи Буддхаширы

1. Общая характеристика надписей.

В надписях Буддхаширы головки знаков переданы черточками, кое-где в процессе написания акшар переходящими в треугольники.

Например: ꣳ ka, ꣳ ya .

Расположение знаков достаточно свободное. Интервалы между знаками строго не соблюдаются. В одних случаях текст записан с пробелами между словами или группами слов, в других – сплошной строкой.

Акшары ꣳ ga и ꣳ bha имеют удлиненную правую вертикаль.

Акшары ꣳ ra и ꣳ ba имеют изогнутую левую вертикаль с узлом.

Акшара ta представлена в двух формах: с открытым ртом ꣳ и с петлей ꣳ, последняя, по-видимому, является курсивной разновидностью хвостатой ꣳ.

Акшара ꣳ na представлена формой с открытым ртом и с петлей.

Акшара ꣳ hā дается с правым крючком, обращенным вниз и вертикальной линией огласовки, также направленной вниз.

Все отмеченные признаки свидетельствуют о гуптском времени рассмотренных надписей.

2. Специфические признаки надписей.

В надписях Буддхаширы акшара a представлена в двух формах:

ꣳ и ꣳ.

Можно думать, что каратепинская форма ꣳ (№ 11 бр), скорее всего, есть развитие раннегуптской формы ꣳ с крючком вправо, при стремлении к курсиву. Эта форма характерна для многих областей Индии, кроме Матхуры. Следует отметить, что в исследованиях палеографии брахми, в частности в таблицах А.Х.Дани, форма ꣳ не засвидетельствована.

В V в. в Центральной Индии появляется новый тип акшары a, впервые засвидетельствованный в надписи из Удаягири (425 г.)⁵⁸. В отличие от всех предыдущих этот тип a имеет левый крючок, обращенный влево, т.е. ꣳ. В конце V в. эта форма появляется в надписях Буддхагупты из Эрана⁵⁹. Для всех этих надписей характерна форма с горизонтальной переключиной.

К началу VI в. эволюция этой акшары приводит к форме ꣳ, у которой переключина превращается в наклонную линию, а крючок сильно выдается левой частью влево. Эта форма засвидетельствована в надписи Михиракулы из Гвалиора (VI в.)⁶⁰. Эту же форму мы встречаем на Каратепе (№ 3 бр–б–кх). Причем и форма ꣳ из Удаягири, и форма ꣳ из Каратепе имеют загнутую правую вертикаль, что характерно для южных (деканских) надписей и никогда не встречается в Матхуре.

Во всех надписях Буддхаширы огласовка i передается полукруглой линией, обращенной влево. Но если в матхурских надписях это едва наме-

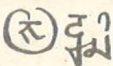

тившийся поворот, например , то в надписях Буддхаширы это сильно поднятая и изогнутая линия, выявляющая стремление к орнаментальному стилю (признак южного влияния).

Например: bhi, mi, si.

Огласовка $\bar{i}$ выражается в надписях изогнутой линией, обращенной вправо, например li.

Для слова *siddham* характерно расположение слога *si-* на той же линии, что и остальные знаки. Над акшарой *ta* имеется маленький дополнительный знак в виде серпа или дуги с удлиненной правой вертикалью . Подобный знак, указывающий на отсутствие гласного, встречается в ряде гуптских надписей, например в надписи из Удаягири.

Ср. Удаягири⁶¹, Кара-тепе.

Впоследствии этот способ остановки гласного исчезает, уступая место косой черте, отходящей от основания акшары.

Все изложенное позволяет связать надписи Буддхаширы с письменной традицией Центральной Индии и Декана и датировать их рубежом V–VI вв. (см. рис. 3).

Таким образом, между пребыванием на Кара-тепе монахов Дживананды и Буддхаширы могло пройти около ста лет. Сменилась письменная традиция.

Что же реально может означать связь Дживананды с матхурской традицией и Буддхаширы – с традицией Центральной Индии?

Прежде всего нельзя однозначно отождествлять письменную традицию с географической областью. Так, матхурская традиция охватывала не только область вокруг этого города, но и некоторые культурные центры Северной и Северо-Западной Индии. В этой традиции создавались турфанские рукописи (начало V в.), рукопись из Байрам-али (V в.)⁶². В этой же традиции была создана рукопись неизвестного сочинения, обнаруженная в Бамиане (Афганистан), опубликованная С.Леви (IV в.)⁶³.

Что касается традиции Центральной Индии (письмо Мальва), то она сформировалась на столкновении культурных влияний Севера и Юга. До IV в. в Мальве господствовал южный (деканский) стиль письма. В конце IV в. туда проник с севера стиль Каушамби. Но южный стиль полностью не исчез, а сформировалось новое самостоятельное письмо, которое распространилось в долине Ганга. Это письмо сочетало в себе элементы письма Каушамби с южными (деканскими) чертами. В конце V – начале VI в. письмо продолжало развиваться и в VII в. стало основой прото-нагари.

Таким образом, появление на Кара-тепе традиции письма Мальва означало, по-видимому, связь с такими буддийскими центрами, как Санчи, Манкувар, и соседним с Мальвой крупнейшим буддийским университетом

хинаянского толка в Валлабхи, основанным в V в., а возможно, и с некоторыми центрами долины Ганга и Декана.

Теперь, если рассмотреть все надписи брахми из Кара-тепе, не сохранившие или не упоминающие имена монахов, с точки зрения указанных палеографических признаков, то к кругу надписей монаха Дживананды следует отнести надпись № 5 бр-б и № 6 бр, а также большую настенную надпись № 3бр (ст), выполненную красной краской и связанную с живописным изображением. Надпись расположена на западной стене восточного черного коридора комплекса Г.

Перечисленные выше надписи, связанные с матхурской письменной традицией конца IV – начала V в., позволяют датировать этим временем настенную роспись из комплекса Г, выполненную красной краской.

С именем монаха Буддхаширы связаны многоязычные "владельческие" надписи, которые свидетельствуют о его широкой проповеднической деятельности.

Вопросы изучения надписей неизвестным письмом в сопоставлении с индийскими надписями

За последние десятилетия на территории Средней Азии и Афганистана было найдено более десяти надписей, относящихся к одному или нескольким близким видам письма и до сих пор не расшифрованных исследователями.

Первая из этой серии надписей была обнаружена в 1954 г. в Сурх-Котале и опубликована А.Марином⁶⁴.

В 1974 г. Ж.Фюсман издал трехязычную надпись из Даште-Навура (100 км к Ю-З от Кабула)⁶⁵, составленную бактрийским письмом, письмом кхароштки и неизвестным письмом, часть знаков которого совпадала со знаками сурхкотальской надписи, опубликованной Марином. Ж.Фюсман пришел к выводу, что неизвестное письмо – силлабическое, направление его – справа налево.

Надпись на серебряной чаше, найденной в кургане Иссык (Южный Казахстан), согласно мнению В.А.Лившица, была сделана тем же неизвестным письмом, но в более архаичном варианте⁶⁶.

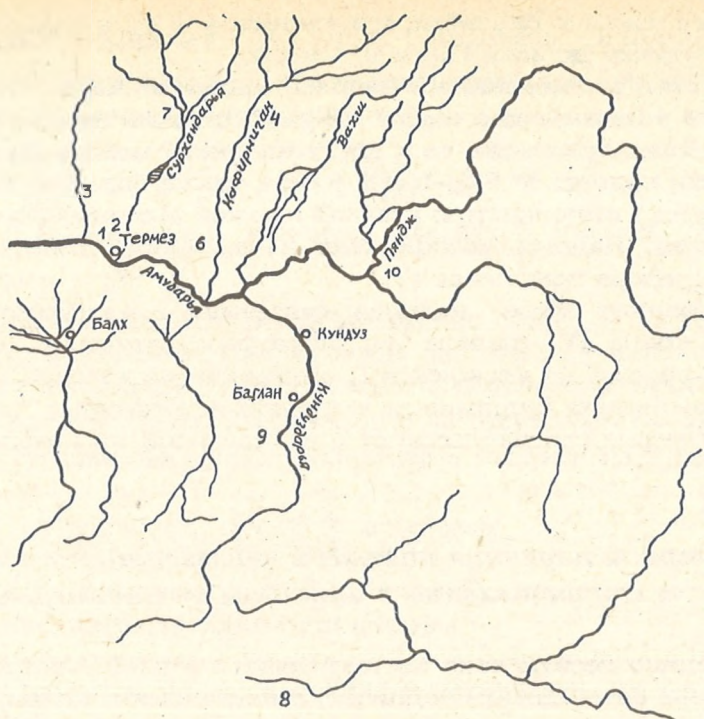
Кроме названных памятники неизвестного письма были обнаружены на хуме из Халчаяна⁶⁷, на венчике сосуда из Теккуз-тепа (Таджикистан)⁶⁸, на фрагментах сосудов из Кара-тепе, Фаяз-тепе⁶⁹, Чим-Кургана⁷⁰ и ряда других мест.

Во время раскопок Хатын-Рабата (30 км от Термеза) была найдена горловина хума, по венчику которого с внутренней стороны начертана надпись кхароштки, а с внешней – надпись неизвестным письмом⁷¹.

В 1978 г. при раскопках Ай-Ханума (Афганистан) был обнаружен серебряный слиток с надписью⁷², которая по характеру знаков близка иссыкской.

Суммируя предварительные данные, касающиеся находок неизвестного письма, можно отметить, что они занимают в основном территорию пра-

1 - КАРА-ТЕПЕ	6 - ХАТЫН-РАБАТ
2 - ФАЯЗ-ТЕПЕ	7 - ХАЛЧАЯН
3 - ЗАР-ТЕПЕ	8 - ДАШТЕ-НАВУР
4 - ТЕККУЗ-ТЕПЕ	9 - СУРХ-КОТАЛ
5 - ЧИМ-КУРГАН	10 - АЙ-ХАНУМ

45 0 45 90 км

Рис. 4

вобережной и левобережной Бактрии (см. рис. 4). Выделяется только находка в кургане Иссук (Южный Казахстан).

Из наблюдений над характером и стилем письма можно заключить, что находки из Кара-тепе, Халчаяна, Хатын-Рабата, Фаяз-тепе, Чим-Кургана и Теккуз-тепа принадлежат одному и тому же варианту этого письма и наиболее близки надписи из Даште-Навура. Надпись из Сурх-Котала стоит несколько особняком. Надпись из Ай-Ханума по характеру знаков близка иссыкской.

В результате можно сделать предположение о двух видах неизвестного письма: раннем, весьма конфигуративно ограниченном, наиболее отчетливо представленном в надписях Ай-Ханума и Иссика (III-II вв. до н.э.), и позднем, более сложном и представленном, в свою очередь, несколькими вариантами. Эти варианты складывались, видимо, на рубеже и в самом начале нашей эры.

Что касается вопроса о происхождении неизвестного письма, то В.А.Лившиц и П.Бернар высказали предположение о связи этого письма с арамейским алфавитом. Однако, не исключая возможности арамейских истоков, следует обратить внимание на ряд знаков надписи DN III, имеющих прямое соответствие в кхароштки (это отмечалось уже в публикации Ж.Фюсмана⁷³).

Таким образом, поздние варианты неизвестного письма кроме знаков раннего вида этого письма использовали некоторое количество знаков кхароштки, возможно при новых коннотациях. Причем эти знаки представляют не раннюю их форму в кхароштки, а форму, характерную для начала нашей эры.

Общая структура неизвестного письма, во всяком случае комплекса текстов начала нашей эры, близка индийским системам письма (слоговой принцип, диакритика).

Что касается языка, стоящего за неизвестным письмом, то на этот счет было высказано несколько предположений. Ж.Фюсман предполагал в нем камбоджи или пра-ормури (как древний местный язык Джагады)⁷⁴, П.Бернар – бактрийский язык⁷⁵, Б.Н.Мукерджи⁷⁶ – пракрит, Э.В.Ртвеладзе⁷⁷ – язык юэджей, В.А.Лившиц – сакский⁷⁷.

Нам представляется, что скорее следует говорить не о языке, а о языках, стоящих за разными видами этого письма.

Не берясь судить о ранней разновидности неизвестного письма, обратимся к материалам Кара-тепе.

Четыре надписи, найденные на Кара-тепе, видимо, имели разное значение. Одна из них – граффити не вполне официального характера – возможно, представляла имя собственное (№ 2 н.п.).

Вторая надпись (№ 1 н.п.) выполнена тщательно чернилами на тонкостенном светлоангобированном сосуде вдоль линии охристого ангоба, от которого сохранилось три фрагмента. Аналогичного типа и окраски фрагмент сосуда был найден в том же пещерном помещении (№ 1 комплекс В). На этом сосуде сходным образом (тоже вдоль линии охристого ангоба) была нанесена дарственная надпись кхароштки (№ 32 кх). В связи с этим можно предположить, что три фрагмента № 1 н.п. и надпись кхароштки № 32 кх принадлежали одному и тому же сосуду, на который была нанесена двуязычная надпись кхароштки – неизвестное письмо (подобно двуязычной надписи из Хатын-Рабата или трехязычной надписи из Даште-Навура). В этом случае надпись неизвестным письмом на сосуде могла быть простейшим переложением дарственной формулы кхароштки типа *atmano-[hitasukhaya]* "для собственного блага и счастья". Если это предположение справедливо, то другие надписи неизвестным письмом могли иметь то же назначение.

Все это приводит к заключению, что надписи на сосудах неизвестным письмом из Кара-тепе воспроизводят не просто местный язык, а тот язык, который на какой-то период имел определенную культурную значимость в кушанской Бактрии и на котором могли создаваться официальные дарственные надписи.

Двуязычная надпись кхароштки – неизвестное письмо (Хатын-Рабат)

исключает пракрит как предполагаемый язык неизвестного письма. Трехязычная надпись "бактрийский – неизвестное письмо – кхарошхи" (Даште-Навур) отсекает бактрийский язык как претендента на неизвестное письмо.

Что касается гипотезы пра-ормури, выдвинутой Ж.Фюсманом, то она вполне беспочвенна и от нее, по-видимому, отказался сам автор.

Юэджийская гипотеза Э.В.Ртвеладзе пока что вызывает меньше всего возражений. Учитывая значимость кочевнического юэджийского элемента в официальном ритуале кушанской Бактрии, нельзя исключить, что этот же элемент мог репрезентироваться и в сфере официального языка.

2. НАСТЕННЫЕ НАДПИСИ

Индийские настенные надписи из Кара-тепе не столь многочисленны, как надписи на сосудах, но достаточно репрезентативны, так как включают и официальную монастырскую деятельность (надписи-дипинти), и частные ритуальные акты отдельных лиц, приверженных буддизму (надписи-граффити). Рассмотрим каждый из этих видов.

Надписи-дипинти.

Проблема соотношения текста и изображения

Этот вид надписей использовал оба индийских алфавита: брахми и кхарошхи. Дошедшие до нас образцы – № 3 бр (ст) и № 6 кх (ст) – были обнаружены соответственно в пещерных комплексах Г и Д. Обе надписи нанесены красной краской и сопровождают живописные изображения. Надписи выполнены тщательно, композиционно организованы и соразмерены с элементами живописи, т.е. выполнены мастером по официальному заказу.

Надпись брахми из комплекса Г (восточный пещерный коридор, западная стена) (ил. 129–131) расположена над частью большой живописной композиции, выполненной красной краской, опубликованной Б.Я.Стависким¹. Эта часть композиции представляет самостоятельную сцену, в которой на фоне кирпичной арки с находящейся в ней сидящей фигурой (возможно, Будды) изображена лежащая навзничь мертвая женщина, пожираемая двумя собаками (ил. 128).

От надписи, начало и конец которой утрачены, сохранились следующие слова: "...вражды. Несчастный по рождению, низкий..."

Отношение изображения и надписи по-разному строилось в разные эпохи и в разных направлениях живописи. Например, для традиции Аджанти, наиболее близкой к нашему случаю, как справедливо отметил Д.Шлинглов², это отношение значительно произвольнее, чем для традиционного европейского искусства.

Типичными для Аджанти являются, с одной стороны, надписи, указывающие имена персонажей (богов, героев), с другой стороны, надписи, относящиеся к репрезентации живописных сцен. Часто это бывают отрывки

из известных сборников притч и легенд. Особенностью содержания такой надписи является то, что она, как правило, не описывает изображенную в живописи сцену, а высказывает отношение к тем или иным нравственным идеалам. Сравните, например, стихотворные строки из "Джатакама-лы", начертанные над изображением в сцене из пещеры II Аджанты³.

При исследовании отношения изображения и надписи встает вопрос о том, являются ли они одновременными, или, что нередко выявляется, надпись оказывается написанной значительно позже исполнения живописной сцены (ср. бактрийские надписи и расположенную под ними живопись в помещении № 16 из Дильберджина)⁴.

Все эти вопросы возникают и при изучении надписей-дипинти из Каратеппе. Возвращаясь к рассмотренной надписи брахми, можно предположить, что она скорее всего представляет часть метрического текста – гатхи. Поиски аналогий пока что не дали результатов (как и выявление сюжета живописной сцены), но можно думать, что текст этот, судя по сохранившимся словам, представлял собой нравственное толкование, а не описание сцены. Некоторым ориентиром в поисках истоков надписи (и сюжета сцены) могут быть данные палеографии (см. с. 29), которые свидетельствуют, что надпись относится к рубежу IV–V вв. и к матхурской письменной традиции. Нам представляется, что надпись и изображение скорее всего одновременны, ибо по стилистическим признакам нет оснований датировать живопись ранее той даты, которую дает палеография, т.е. ранее периода деятельности монаха Дживананды и "владельческих" надписей брахми.

Надпись кхароштки из комплекса Д (ил. 135), занимавшая в длину около полутора метров, также была связана с живописным изображением, в настоящее время почти утраченным. По ее заметным полукруглым очертаниям (ил. 134) можно предположить, что на стене было изображение Будды. В отличие от надписи брахми эта надпись была расположена под живописной композицией. Надпись выполнена профессиональным писцом и по некоторым особенностям знаков относится к III в.

На основе чтения слова *nivatiṇa* (б.скр. *nīvaṇa*?) "препятствие", употребляемого в буддийских контекстах в этическом значении (препятствие к нравственной жизни, грех), можно предположить, что надпись имела религиозно-этическое содержание, скорее всего призывала к устранению препятствий на пути к нравственной цели.

По-видимому, изображение и надпись были выполнены одновременно в период составления дарственных надписей кхароштки.

Сравнивая эти две надписи, можно заключить, что обе они одновременны с живописным изображением, обе, видимо, не дублируют словами живописный сюжет, а являются нравственными поучениями в связи с этим сюжетом. Но если надпись брахми (V в.) скорее всего является простым назидательным изречением, заимствованным из повествовательной литературы (джатак или авадан), то надпись кхароштки (III в.) содержит наставление отвлеченно-этического характера и может быть выдержкой из какого-либо религиозного текста (возможно, относящегося к учению махасангхиков).

Надписи-граффити и рисунки-граффити

Индийские надписи-граффити из Кара-тепе также известны на двух алфавитах: брахми и кхароштки. В основном это посетительские надписи, оставленные буддистами-паломниками. Среди них можно выделить два вида. Во-первых, это своего рода знаки религиозной принадлежности писавшего в виде начертания таких слов, как *saṃgha*, *buddha* и др. К ним примыкают более развернутые буддийские изречения типа *atapabodhara-ta*. Эти надписи, сделанные алфавитом кхароштки, функционально равнозначны настенным культовым рисункам-граффити, представляющим ступу, колесо дхармы, лотос, свастику и др. (ил. 140).

Второй вид надписи-граффити, состоящей из имени собственного в род. п., представляет регистрацию религиозной заслуги (посещения святого места) конкретным лицом. Эти надписи составлены на брахми.

Если рассмотреть размещение буддийских граффити по строительным комплексам Кара-тепе, бросается в глаза скопление надписей и рисунков в определенных местах, которые, будучи отмеченными буддистами-паломниками, привлекли к себе обильную бактрийскую, а позднее арабскую эпиграфику.

Прежде всего это места, расположенные в пещерных помещениях недалеко от входов: южный коридор П-I, южный коридор П-II, восточный коридор комплекса Г, а также удаленные части пещер комплекса Д вблизи сюжетной живописи и надписей-дипинти.

Основой датировки надписей, входивших в эти наборы буддийских граффити, могли бы быть надписи кхароштки, но ограниченность материала затрудняет датировку по данным палеографии. Надежно можно датировать только некоторые буддийские рисунки, прежде всего по форме лотов, ступ и др.

Рассмотрим для примера изображение ступы из комплекса Д (ил. 140). Ступа имеет круглый барабан, непосредственным продолжением которого является купол, завершающийся хармикой и мачтой (верхняя часть ступы сделана нечетко, как это бывает в большинстве изображений ступ-граффити).

Как можно видеть, это наиболее ранний тип ступы, известный со времен Бхаджи (II в. до н.э.)⁵ и запечатленный на многих рельефах из Амаравати (начало нашей эры)⁶. В сущности, это тот же тип, что представлен остатками ступы во дворе комплекса В (ил. 142) и ранней ступой из Фаяз-тепе (ил. 141).

Изображению ступы в комплексе Д хронологически, видимо, соответствует и надпись-граффити со словом *saṃgha*, сделанная алфавитом кхароштки на потолке той же пещеры вблизи надписи-дипинти (ил. 136-137).

Все эти наблюдения дают возможность предположить, что немногочисленные буддийские надписи кхароштки и рисунки-граффити буддийского содержания относятся к тому периоду жизни Кара-тепе, который соответствует функционированию пещеры 1 комплекса В, сооружению ступ этого комплекса и ранним дарственным надписям кхароштки, т.е. периоду III - начала IV в.⁷

Что касается надписей-граффити брахми, то две из них (№ 1 бр (ст) – ил. 119 и № 2 бр (ст) – ил. 120) палеографически датируются гуптским временем, скорее всего V в. Надпись № 4 бр (ст) (ил. 126) относится к VII–VIII вв. и является последним следом индийца-паломника на Каратепе (ил. 126). В это время монастырь был в запустении.

Рассмотрев распределение граффити по комплексам, нельзя не удивиться тому факту, что комплекс В, который дал большое число надписей на сосудах, почти лишен индийских граффити. До нас дошел только один рисунок-граффити (3,5 м длиной)⁸, нанесенный на полу двора этого комплекса (хронологически предпоследнем).

Рисунок представляет пурнагхату – священный сосуд с водой и произрастающими из него тремя растительными побегами (ил. 143–144). На сосуде начертана свастика. Сосуд ориентирован по линии восток–запад и обращен горлом к востоку (см. рис. 5). На расстоянии 1,5 м от сосуда на той же линии восток–запад вырезана еще одна свастика.

Для осмысления этого рисунка-граффити и особенностей структуры комплекса помещений следует прежде всего попытаться ответить на вопрос: кем и с какой целью был высечен сосуд-пурнагхата в центра двора?

Исследователи Каратепе не раз отмечали особую структуру комплекса В, отличную от всех других комплексов (особый вид пещерных помещений, наличие бассейна для омовения (ил. 1)), и указывали на ритуальный характер этого комплекса⁹. Нет сомнений, что изображение пурнагхаты было высечено монахами или по заданию монахов, которые были в основном индийцами. Все эти обстоятельства, как и изучение индийских ритуальных текстов, приводят к предположению о том, что в данном случае мы имеем дело с индийским ритуалом освящения места (возможно, после запустения) как способом организации культового пространства¹⁰.

Возможно, какая-то разновидность этого ритуала осуществлялась монахами Каратепе не только при первом освящении помещения, но и

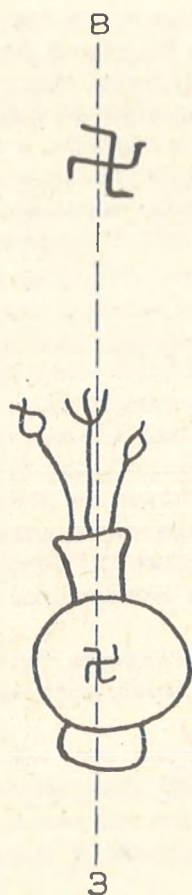

Рис. 5

регулярно, перед началом проведения упосатхи или других монашеских церемоний.

Желобок, который представляет контурную линию пурнагхаты, перед церемонией, очевидно, заполнялся водой, как это бывает и теперь в Индии перед индуистскими храмами, где канавки для заполнения водой могут иметь абрис различных геометрических фигур. Выбор пурнагхаты и свастики для рисунка-граффити кажется вполне естественным ввиду широкого распространения этих благоприятных знаков (*mangalā*) в начале нашей эры. Ср. по форме близкое изображение пурнагхаты на постаменте колонны из Матхуры, где знак сосуда сочетается со знаком свастики и с индийской дарственной надписью от имени монаха из Бадахшана (*vadakṣa*)¹¹.

Таким образом, в отличие от других комплексов Кара-тепе, приспособленных для большого числа паломников, комплекс В, видимо, предназначался для монашеских церемоний. Этим можно объяснить отсутствие буддийских паломнических граффити в помещениях этого комплекса.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ БУДДИЗМА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БУДДИЙСКОЙ ОБЩИНЫ НА КАРА-ТЕПЕ ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИКИ

Среди огромного числа проблем, которые возникают в связи с изучением буддизма в древней Бактрии, и в частности на Каре-тепе, мы ограничимся здесь лишь теми, которые сейчас можно реально поставить на имеющихся материалах эпиграфики.

1) Какая школа (школы?) буддизма принесла это учение в район Термеза и возможно ли выявить хотя бы некоторые моменты буддийского учения, бытующего на Кара-тепе?

2) Каковы были отношения буддийской общины и местного населения? (В частности, можем ли мы говорить о мирянах-упасаках Термеза или лишь об окружающем монастырь населении? К кому была обращена проповедь?)

3) Каковы отношения буддийской общины и местной администрации?

В настоящее время на основе четырех дарственных надписей клароштки (№ 2 кх, № 6 кх, № 36 кх, № 63 кх) можно считать доказанным, что на Кара-тепе пребывала школа махасангхика. Еще четыре надписи клароштки свидетельствуют об этом косвенно. По данным надписей, со школой махасангхика связаны только тексты на сосудах общинного пользования. Эти надписи известны уже в ранний период жизни Кара-тепе (до закладки ряда помещений и тем более до периода появления захоронений в отдельных пещерах).

Известный текст школы махасангхика "Махавасту" сохранил в коллофоне более точное название северной разновидности этой школы — "Махасангхика-локоттаравата".

В последнее время Г.Рот осуществил публикацию еще двух текстов этой школы: "Бхикшуни-винаи"¹ и "Дхармапады" из Патны². Им проведены предварительные исследования этих текстов и сделан ряд важных выводов относительно ранней истории махасангхиков и языка их текстов.

Эти тексты, как установил Г.Рот, были связаны с той ветвью махасангхиков, которая придерживалась концепции трансцендентной природы Будды (*lokottara*) и, согласно традиции, отделилась от основной общины махасангхиков после III в. до н.э., продвигаясь из района Паталипутры в западном направлении.

В начале и середине I тысячелетия н.э., по свидетельству многих источников, школа махасангхика-локоттаравата пребывала в Бамиане. В 1932 г. там был обнаружен фрагмент "Винаи" этой школы (рукопись VI в.)³.

Из текста "Махавасту" и ряда других буддийских источников нам известно, что махасангхики кроме учения *lokottara* разрабатывали доктрину бодхисаттвы.

Теперь, если обратиться к каратепинским надписям, то можно сделать ряд наблюдений над характером буддийского учения на основании некоторых терминов и завершающих надписи призывов-заклинаний. Так, призыв на сосуде № 36 кх, где упомянута школа махасангхика, по-видимому, относится к доктрине *mahākāraṇā* и провозглашает идею абсолютной любви и самопожертвования бодхисаттвы.

Надо заметить, что некоторые исследователи соотносили концепцию *mahākāraṇā* с развитой махаяной. В связи с этим те места из "Махавасту", где описывается *mahākāraṇā-saṃprayuktaṃ cittaṃ* "сознание, охваченное махакаруной"⁴, такие исследователи, как Рахула и Сузуки, считали поздними интерполяциями.

Однако провозглашение махакаруны в надписи махасангхиков из Каратепе скорее свидетельствует об аутентичности указанных отрывков из "Махавасту" и о разработке этой школой доктрины *mahākāraṇā* как основного признака 8-го уровня бодхисаттвы⁵, на котором последний становится не подверженным возвращению на более низкие уровни (*avai-vartika*).

О возможности смены школы махасангхика школой сарвастивада в Средней Азии высказал мнение Я.Харматта, который связывал употребление алфавита кхароштии в Средней Азии со школой махасангхика, а алфавита брахми – со школой сарвастивада⁶. Мы тоже в наших прежних публикациях допускали возможность появления новой школы на Каратепе и связанной с этим сменой письма в границах кушанского периода⁷.

Выявление на основе палеографии брахми целого периода жизни на Каратепе, датируемого концом IV – началом VI в.⁸, приводит нас к выводу о притоке новых групп монахов, сначала из культурного ареала Матхуры, а затем из ареала Центральной Индии и Декана. С появлением этих групп, по-видимому, связано появление "владельческого" типа надписи брахми, который становится основным типом надписи на сосуде.

Возможность присутствия других школ на Каратепе находит некоторое подтверждение в надписи № 26 кх, где употреблено словосочетание *buddha-saṃmata*. Термин *saṃmata* (скр. *svāmata*-) "учение о „я“", употребленный применительно к Будде, имеет, как это доказано последними исследованиями Б.Чхабры и Г.С.Гаи, непосредственную связь со школой самматия (*sāṃmatīya*)⁹.

Напомним, что школа самматия – одна из школ традиции ватсипутрия, или индийских персоналистов, основным положением которой было утверждение о существовании "я" или личности (*pudgala*)¹⁰.

От самматиев дошли до нас их постканонический трактат "*Aśrayaprajñaptiśāstra*", или "*Sāṃmatīyaśāstra*"¹¹, сохранившийся в китайском переводе, и небольшой текст "Винаи".

В IV в. школа самматия известна по надписям из Матхуры и Сарнатха¹², в V в. основной территорией ее распространения являются Мальва (ср. надпись из Манкувара¹³) и Западная Индия, где в это время возникает знаменитый буддийский университет хинаянского толка в Валлабхи с приоритетом школы самматия¹⁴.

В дальнейшем эта школа приобретала все большую популярность и в VII в., по сообщению Сюань-цзана¹⁵, была одной из самых многочисленных в Индии.

Вопрос об отношении буддистов Кара-тепе и местного населения довольно сложен.

Что касается монахов, обитавших в монастыре, то рассмотренные нами надписи дают следующие термины: *bhikṣu* (№ 25 бр) "буддийский монах", *bhadanta* (№ 15 бр) "благой" (эпитет буддийского монаха; часто дается при имени собственном), *dharmakathika* (№ 1 кх) "проповедник дхармы", *maḥādharmakathika* (№ 11 бр) "известный проповедник дхармы". Характерно, что все эти термины засвидетельствованы во "владельческих" надписях брахми (и в двух текстах кхароштки, являющихся "переводом", точнее, транслитерацией текстов брахми).

Эти термины встречаются вместе с буддийскими именами индийского происхождения *Buddhaśīra*, *Buddhamitra*, *Jīvananda*. При этом имя *Buddhaśīra* в одной надписи сочетается с термином *bhikṣu*, в другой – с термином *dharmakathika* и, наконец, с *maḥādharmakathika*, что отражает, по-видимому, постепенный рост учености и популярности этого монаха.

В связи с этим следует остановиться подробнее на термине *dharmakathika*.

Т.В.Грек, впервые опубликовавшая надпись с этим термином, считала его должностным лицом в общине¹⁶. М.И.Воробьева-Десятовская более обоснованно считает этот термин ученым званием, однако отмечает, что "нет санскритских или палийских текстов, которые содержали бы описание буддийского церемониала с обозначением принимающих в нем участие лиц"¹⁷. Это толкает ее на поиск соответствия этому термину в китайских текстах и приводит к выводу о том, что вопрос о значении термина *dharmakathika* в санскритских votивных надписях нельзя считать решенным¹⁸.

Наши последние исследования контекстов этого термина в произведениях разных жанров привели к заключению, что в текстах палийской "Винаи" определенно прослеживаются своего рода уровни обучения и постижения знания в буддийских монастырях¹⁹. Этих уровней насчитывается пять, и термин *dharmakathika* определенно относится к четвертому и пятому уровням постижения, которые обозначаются как "исследовать смысл" *atthaṃ upaparikkhati*²⁰ и "достичь совершенства в понимании учения" *dharmānudhammaṃ patipajjati*²¹.

Эти два уровня противопоставляются трем более низким уровням: *suṇāti* "слушать", *pariyāpunāti* "учить наизусть", *dhareti* "держат в уме".

Именно к лицам, постигшим учение на четвертом и пятом уровнях, в терминах прилагаются слова: *-kathika*, *-desaka* "разъясняющий", "проповедующий" (в отличие от терминов, оканчивающихся на *-dhara* "держат в памяти", "знающий").

Еще большую информацию о термине *dharmakathika* дают тексты повествовательной (санскритской и палийской) литературы, где образ этого деятеля буддийской общины вырисовывается довольно ярко.

Примечательно, что только к нему (в отличие от терминов, обознача-

ющих знатоков: *vinayadhara*, *dhammadhara*) прилагаются эпитеты *citrakathī* "красноречивый" и *madhurakatha* "сладостно говорящий".

Еще более существенна связь дхармакатхикки с *paññarasuposatha*, т.е. с церемонией упосатха²² в день полнолуния, который так и называется *dhammakathā-divasa* "день проповеди дхармы", когда люди, как повествует одна из джатак, толпами приходят к монастырю слушать дхарму (*dhammakatham sotum gacchanti*).

В другой джатаке рассказывается о дхармакатхике, который проповедует (разъясняет) дхарму множеству людей (*mahājanassa dhammam desento*), при этом он описывается как "прославившийся на всю Джамбудвипу"²³.

Чтобы уяснить отношения монастыря и мира, следует обратить особое внимание на имена и титулы донаторов в votивных надписях. (Мы уже отмечали, что "владельческие" надписи Кара-тепе содержат только буддийские имена.)

Из титулов в votивных надписях упоминаются следующие: прежде всего *khadewaka* "правитель" (№ 36 кх), скорее всего наместник. Надо заметить, что основание вихары царем (наместником) – явление довольно обычное, особенно в период распространения буддизма на новые территории. Следует напомнить, сколь велика заслуга (на это указывают тексты) того, кто основывает ступу (или вихару) на том месте, где раньше никто ее не основывал (*apratithapita thane*).

Еще один важный термин – *marjhaka* (№ 53 кх), соответствующий сакс. *malysakā* "казначей". Этот термин засвидетельствован в качестве титула Канишки (видимо, имеется в виду Канишка III) в надписи из деревни Зеда, датированной 11-м годом правления Канишки.

Контекст в каратепинской надписи не сохранился, но едва ли могут быть сомнения, что выбор может быть только из двух вариантов: *marjhaḥkasa danamukha* "дар казначея" или *marjhaḥkasa vihamami* "вихаре казначея".

Что касается имен собственных донаторов, то в votивных надписях засвидетельствованы в основном имена иранского происхождения. В числе их оканчивающееся на -вхара имя сына Гулавхары (Гондофара) (№ 58 кх), Асвавхара (№ 40 кх), имя, оканчивающееся на -за перед словом *deyadharme* (№ 36 кх), и, наконец, имя *khagu*, которое встречается в сочетании с *danamukha* (№ 50 кх) и, видимо, соответствует *haku* в надписях Западной Индии. *Haku* входит в состав ряда имен правителей и знати. Ср. *Hakusiri*, *Hakudatta*, *Mahāhakusiri* и др.

Таким образом, имена и титулы донаторов в надписях относятся к правителю, сыну правителя и лицам, представляющим местную знать: военачальника (?), казначея. Именно эти лица покровительствовали сангхе и кроме дарений, возможно, совершали в монастыре простейший ритуал почитания ступы и обхода святилищ.

Что касается местного населения древнего Термеза, то создается впечатление, что оно не было тесно связано с сангхой, которая была достаточно замкнутой религиозной общиной и, по-видимому, не оказывала воз-

действия на повседневный быт, а обслуживала в основном паломников-буддистов.

Адаптация сангхи к жизни страны проходила в основном через представителей местной власти, т.е. через их обращение к сангхе и постепенное включение буддийских элементов в свой ритуал. Именно это привело к первым шагам культурной адаптации, которая осуществлялась прежде всего в сфере изобразительной (ритуальной) деятельности и не затрагивала сферы самого учения как сакральной ценности.

Теперь, имея некоторые представления о взаимодействии местной знати с буддийским монастырем, остановимся несколько подробнее на упоминавшемся уже термине "вихара" и его связи с помещениями Кара-тепе.

В настоящее время известно пять надписей с наименованиями вихар. Все они выполнены на сосудах алфавитом кхароштки и являются дарственными. Поскольку в двух случаях названия повторяются, то следует рассмотреть три следующих текста: 1) *khadevaka-viha(ra)[mi]* "Вихаре государя (хидева)" – № 31 кх (это же наименование реконструируется в № 36 кх и в № 52 кх); 2) *oka-viharami* "Вихаре-прибежищу(?)" – № 26 кх (реконструируется также в № 52 кх); 3) *-vihara-gulavhara-jhada-vi(ha)rami* "Вихаре [ ]вхары, сына Гулавхары (Гондофара)" – № 58 кх.

Первая надпись свидетельствует о том, что вихара основана правителем (хидевом) в относительно ранний период жизни Кара-тепе (до закладки пещеры 1 комплекса В). Находка всех трех надписей с этим названием в разных помещениях на южной вершине Кара-тепе (см. рис. 1) свидетельствует о том, что этот термин скорее всего относится ко всему застроенному холму²⁴, который состоял из ряда пещерных и наземных святилищ с примыкающими к ним дворами в первом ярусе и из ряда жилых помещений для монахов – во втором. Упоминание в № 36 кх слова "махасангхика" свидетельствует о том, что монастырь назывался "Государевой вихарой" во время пребывания в нем монахов школы махасангхика.

Сравнительно небольшие монашеские помещения, огромные дворы с айванами и в некоторых случаях с длинными скамьями (*koḍhi*), предназначенными для отдыха паломников, – все это свидетельствует скорее всего о том, что перед нами *paribbajaka-vihara* "вихара для паломников". Вихара обслуживалась небольшой сангхой монахов, которые занимали помещения второго этажа, где были обнаружены суфы для лежания, остатки бытовой посуды и хорошо отлаженный слив воды.

Информативность второй надписи с наименованием вихары невелика из-за того, что перед словом *-oka* надпись повреждена и нельзя с уверенностью сказать, является ли этот термин самостоятельным словом или окончанием другого слова (например, *khade-oka-vihara*).

Третья надпись (№ 58 кх) была найдена в помещении на северной вершине Кара-тепе (см. рис. 2), представляющем, как выясняется из последних археологических работ, большое наземное здание. По всей видимости, это здание и было "Вихарой сына Гулавхары (Гондофара)". О времени основания этой вихары сказать трудно. Скорее всего она основана позже "Вихары хидева".

К сожалению, в надписях брахми позднего периода жизни монастыря сведений о наименовании вихар не содержится. Тем не менее, исходя из датировки этих надписей, можно с уверенностью сказать, что в V – начале VI в. буддийская община с ее знаменитыми монахами и проповедниками (Дживанандой, а позднее – Буддхаширой) могла быть современницей Чаганианских правителей V–VI вв. Таким образом, можно думать, что покровителями этой поздней сангхи на Кара-тепе могли быть либо безымянные хидевы, либо правители, известные по монетам под именами $\sigma\theta\rho\sigma \chi\delta\eta\sigma$ "Сошро хидев" и $\zeta\sigma\rho\iota\nu\sigma \chi\delta\eta\sigma$ "Зорино хидев".

Кроме того, индийские надписи дают некоторые основания для того, чтобы коснуться вопросов социальной жизни монастыря. Прежде всего, это вопрос о распределении монастырской утвари. Если согласно правилу "Винаи" о пользовании глиняной утварью (*maṭṭika-bhanda*), последняя не должна была ни распределяться между отдельными монахами (*avebhan-gīya*), ни выноситься из монастыря (*avissajjanīya*), то, как можно видеть из практики Кара-тепе, это правило не только не соблюдалось, но сосуды для воды (кундики) являлись предметом специального распределения. По-видимому, такое распределение носило ритуальный характер. На это указывает появление довольно развитой и стабильной структуры "владельческих" надписей с благопожеланием вначале и призывом-оберегом в конце. "Владельческая" надпись являлась своего рода подтверждением личности монаха, его индивидуальных заслуг, что выражалось в регистрации его званий (*bhikṣu*, *śrāvaga*, *dharmakathika*, *mahādharmakathika*). Кроме того, сосуд для воды являлся как бы оберегом монаха, которому он был приписан. Одному монаху могло быть приписано несколько кундик. Так, согласно сохранившимся надписям, Буддхашире было приписано восемь кундик, Дживананде – четыре кундики.

Следует отметить, что термин "владельческий" в применении к этим надписям употреблен нами условно. Имеется в виду не собственность на имущество, а различные формы пользования им, что выразилось в противопоставлении *sāṃghika-paudgalika*, т.е. то имущество, которое находилось в общем распоряжении, и то, которое было распределено, став предметом индивидуального пользования (*paudgalika-paribhoga*). Ср. в "Дивьявадане": *sāṃghika puṣpavrkṣā paudgalika paribhogena bhuktāḥ* "Принадлежащие сангхе цветущие деревья стали предметом индивидуального пользования".

Надписи позволяют также поставить вопрос о дарениях общине. До сих пор в каратепинской эпиграфике были засвидетельствованы только дарения сосудов. Одна из последних находок (№ 6 бр–кх) содержала надпись о денежном пожертвовании, причем о пожертвовании драхм (*bharthadamma*).

Следует отметить, что надписи о денежных пожертвованиях монастырям известны в основном из надписей Юго-Западной Индии сатаваханского времени. Так как правилами "Винаи" монахам строго запрещалось иметь дело с деньгами, то передача дара осуществлялась в форме денежного вклада в какую-либо ремесленную корпорацию, проценты от этого капитала (*akṣaya-nīvā*) шли на поддержание монастыря (согласно надписям, на одежду и обувь монахов, на восстановление помещений, на про-

питание и на святые заслуги, например на возжигание ламп в святилищах).

В Северной Индии эта система пожертвований не получила распространения (известна лишь одна надпись из Матхуры о вкладе под проценты на содержание брахманов).

В гуптский период практика Юго-Западной Индии получила распространение в Центральной Индии, причем по некоторым надписям можно заметить, что практика вкладов под проценты заменяется прямой передачей денег сангхе с указанием цели пожертвования.

Поскольку надпись о пожертвовании драхм из Кара-тепе палеографически датируется гуптским временем, точнее IV – началом V в., то есть основания сопоставить ее с надписью Чандрагупты II из Санчи (412 г.).

Хотя есть и другая интерпретация надписи Чандрагупты II (в значении *akṣaya-nivī*), по нашему мнению, надпись скорее всего регистрирует непосредственную передачу 25 динаров Амракардавой, приближенным Чандрагупты II, буддийской сангхе. Деньги предназначены на пропитание пяти монахов и на "возжигание ламп" (т.е. на приобретение масла для ламп).

Можно думать, что надпись из Кара-тепе составлена под влиянием подобных гуптских надписей. Как и надпись Чандрагупты II, каратепинская надпись, по-видимому, фиксирует передачу денег сангхе каким-то знатным мирянином. Сохранившийся как продолжение этой надписи брахми текст кхароштки с благопожелательной дарственной формулой указывает, что переданные деньги были предназначены в качестве святой заслуги, возможно на "возжигание ламп". Использование алфавита кхароштки как вторичного и сакрального в этой надписи свидетельствует о том, что сосуд был подписан на месте, а не вывезен из Центральной или Западной Индии, хотя сама практика регистрации подобных пожертвований скорее всего восходит к практике Центральной Индии раннегуптского времени.

Рассмотренная надпись из Кара-тепе требует дальнейшего изучения, как и сама практика денежных отношений мирян с монастырями в Индии.

* * *

В заключение хочется провести краткое сопоставление двух близлежащих буддийских памятников: Кара-тепе и Фаяз-тепе.

В целом материал Фаяз-тепе соответствует раннему периоду жизни Кара-тепе, перекрытому впоследствии комплексом, соотносящимся с надписями брахми об индивидуальном пользовании (IV–VI вв.). На Фаяз-тепе, кроме одного фрагмента надписи брахми, по стилю письма отчетливо южноиндийского происхождения, возможно попавшего случайно, этот материал не просматривается.

Надписи кхароштки из Фаяз-тепе обнаруживают гораздо большее разнообразие индивидуальных почерков и стилей письма, чем на Кара-тепе, свидетельствующих о живом бытовании там рукописной традиции кхароштки. (Подобная картина на Кара-тепе характерна лишь для материалов

пещеры 1 комплекса В, заложенной во время активной жизни монастыря.)

Для обоих монастырей засвидетельствовано название *vihāga*. Для Кара-тепе наименование двух выявленных по надписям вихар дано по их основателям: местному правителю хидеву и сыну Гондофара, также, видимо, одному из местных правителей. Название Фаяз-тепе *Naṇa-vihāga* (ср. наше сопоставление *naṇa* с скр. *naṇa* "конь" и *naṇapati* – название должностного лица) требует дальнейшего изучения.

Сравнение дарственных формул, засвидетельствованных в надписях, говорит о пребывании в них одной и той же буддийской школы махасангхика и тех же формах регистрации дарений с помощью формул. Однако на Фаяз-тепе при сравнительно большом наборе формул неизвестны формулы: *agrapadisaṇṇa*, *agrabhagāe*, *imena kuśalamulena*, широко представленные на Кара-тепе.

Оба монастыря в качестве предмета дарения сангхе засвидетельствовали сосуд *ghaṭa* (*ghaṭṭa*) – сосуд в форме миски, надпись на котором наносилась по краю венчика (ил. 16). Кроме надписи № 54 б, на Фаяз-тепе отсутствуют "владельческие" надписи на кундиках.

Что касается терминов, относящихся к званиям буддийских монахов, то на Кара-тепе мы имеем большой набор таких терминов: *bhikṣu* "монах", *śravaga* "шравака", *dharmakathika* "проповедник учения", *maḥā-dharmakathika* "великий проповедник учения", между тем как на Фаяз-тепе засвидетельствован один только термин *asega* (скр. *ācārya*-) "учитель". Этот термин относился к учителям высокого класса, которые вели систематическое обучение монахов. Термины, упомянутые на Кара-тепе, свидетельствуют скорее не об обучении, а о широкой проповеди, которая была ориентирована в основном на паломников, переправлявшихся через Окс и останавливавшихся в "Государевой вихаре". Это согласуется с нашим предположением об отнесении "Государевой вихары" к категории *paṭibhājaka vihāga* "вихара для паломников".

СВОД ИНДИЙСКИХ НАДПИСЕЙ И НАДПИСЕЙ НЕИЗВЕСТНЫМ ПИСЬМОМ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

1. НАДПИСИ КХАРОШТХИ НА КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДАХ

№ 1 а, б, в, г

Четыре фрагмента одного сосуда были найдены в различных помещениях комплексов А и Б. Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением.

Фрагмент 1а размером 3,4×5,7 см (ил. 2а) был найден в С-3 углу храмового двора комплекса А в завале. На фрагменте сохранилась надпись из четырех акшар (верхние части двух последних утрачены).

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 62–63, рис. 42А), затем В.В.Вертоградовой (IUL, с. 10, ил. 22а); рассмотрена Я.Харматтой (КТ II, с. 33–34), Т.В.Грек (КТ III, с. 114–115), М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 30), В.В.Вертоградовой (Notes, с. 161).

Текст:

𑀅𑀲𑀓𑀲

Транслитерация: *a-yaṁ-pā-(ni)-[*

Первое слово *ayaṁ* – указ. местоим. м. р. (скр. *ayaṁ*). Справа от акшары *a* не видно следов знаков, т.е. данное слово начинается надпись. Реконструкция второго слова вызвала больше затруднений. Чтения, предложенные Т.В.Грек: *kue*, *pukarini*, *kunda-*, *put-*, *pātra-* – не подтвердились. Чтение Я.Харматты *kā[śi]* ценно только тем, что им установлено присутствие на Кара-тепе диакритических знаков для долгих гласных в надписях кхароштли.

Наше чтение фрагмента и чтение М.И.Воробьевой-Десятовской совпадают.

Фрагмент 1б размером 6×5 см (ил. 2б) был обнаружен к западу от входа в келью в северном коридоре пещерного "храма" П-II в комплексе Б. Надпись состоит из семи акшар.

Опубликована Т.В.Грек (КТ III, с. 114–115), затем В.В.Вертоградовой (IUL, с. 10–11, ил. 22б); рассматривалась М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 30), В.В.Вертоградовой (Notes, с. 161).

Текст:

𑀅𑀲𑀓𑀲𑀓𑀲𑀓𑀲

Транслитерация: *](y)a-kum-ḍi-ka-bu-dha-śi-[*

Чтение *-piṇḍika-*, предложенное Т.В.Грек, и реконструкция имени *Apathariṇḍika* не имеют оснований. Вторая акшара дана в той же форме, что и четвертая, и может быть только *ka*. При этом огласовка *u*, представ-

ляющая собой поврежденную петлю, и подписной знак анусвары ясно устанавливают акшару kuṁ. (Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской kuḍika неточно.) Составление двух фрагментов (а и б) обнаружило их стыковку и дало возможность связного чтения. При учете утраты верхних частей двух акшар на стыке черепков эти акшары можно восстановить как pi-ya (наше прежнее чтение pi-yo неточно).

Таким образом, надпись на двух фрагментах следует читать: *ayaṁ-pā-(ni)ya-kumḍika-budhaśi-*. Последнее слово на этом фрагменте было надежно восстановлено Т.В.Грек как *budhaśi[ra]*, являющееся именем собственным (скр. *Buddhaśira*).

Фрагмент 1в размером 7×7,5 см (ил. 2в) был найден вместе с фрагментом 1б. Надпись состоит из двух акшар, слегка поврежденных в верхней части.

Опубликована Т.В.Грек (КТ III, с. 114, табл. XX слева, без чтения и интерпретации), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 11, ил. 22с); рассмотрена М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 31), В.В.Вертоградовой (Notes, с. 161), ею же (Некоторые проблемы, с. 24).

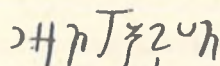
Текст:

Транслитерация:]-(g)a-li[

Наши прежние чтения *-dajha-* и *-dala-* и чтение М.И.Воробьевой-Десятовской *-datra-* следует исключить. Акшара *la* в надписи вполне отчетлива. Слева сохранилась часть вертикальной линии, обозначающей огласовку *i*, а под акшарой *la* начертан знак долготы в виде вертикальной черты, соединенной с акшарой. Сохранившийся фрагмент первой акшары вполне надежно восстанавливается как ga.

Фрагмент 1г размером 6,5×5 см (ил. 2г) был найден вместе с фрагментом 1б. Надпись содержит семь акшар.

Опубликована Т.В.Грек (КТ III, с. 115–116), без фотографии, рассмотрена В.В.Вертоградовой (IUL, с. 11, ил. 22d), М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 30–31), В.В.Вертоградовой (Notes, с. 169).

Текст:

Транслитерация:]-ka-ma-hā-dha-rma-ka-thi[

Первая акшара *ka* представляет конец слова. Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской *ya* не подтверждается. Ср. знак ya в той же надписи.

Акшара ka имеет черту влево. Нижняя часть левой вертикали повреждена. Кроме того, имеется полная аналогия с № 11 бр, где ясно читается: *-līka-mahādharmakathika-*. Учитывая, что фрагменты 1в и 1г стыкуются, текст на них следует читать:]-(g)alīka-mahādharmakathi-

Теперь можно предположить следующую реконструкцию текста на четырех фрагментах: *ayaṁ-pā(ni)-(ya)kumḍika-budhaśi[ra-pu](g)alīka-mahādharmakathi[kasa]*.

Исходя из надписей, найденных позднее, можно заключить, что квалификация этой надписи как дарственной, что утверждалось всеми прежними исследованиями, в том числе и нашими, теперь должна быть отвергнута. Это надпись о личном пользовании и фиксирует принадлежность сосуда Буддхашире.

Как нам удалось показать (см. с. 13), надпись является компилятивной и составлена из двух блоков, соединение которых привело к некорректной грамматической структуре. Однако смысл надписи можно передать следующим образом: "Этот сосуд для воды Буддхаширы, проповедника дхармы, личный".

Nº 2

Два смыкающихся фрагмента одного сосуда общим размером 5,5 × 3,7 см (ил. 17) были найдены на заднем дворе комплекса А, в свалке. Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением. Надпись содержит пять акшар, первая и последняя частично утрачены.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 65–66, рис. 426), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 12, ил. 23d), рассмотрена Я.Харматтой (КТ II, с. 34), М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 31).

Текст:

37472

Транслитерация:]-(h)ā-sam-ghi-kā-(n)am-[

Чтение, предложенное Т.В.Грек, *-saghika-* для полностью сохранивших-ся знаков достаточно надежно, но не учитывает долгих гласных и анусвары в слове *saṁ*. Однако реконструкция *-saghika[ṣyaviana]* не имеет оснований.

Более обоснована реконструкция Я.Харматты [ma]hāsamghikā[naṃ], под-
держанная Воробьевой-Десятковской. Надо заметить, что нижняя часть
последней акшары naṃ ясно видна на фрагменте, что позволяет

надежно читать: [ma](h)ā-saṃghikā(n)aṃ, род. п. мн. ч. от слова mahāsaṃghika, названия одной из буддийских школ. Это слово представляет часть известной формулы: acāryānaṃ mahāsaṃghikānaṃ parigrahe. "для принятия учителями махасангхика" – и находит аналогии в ряде других надписей Кара-тепе.

Nº 3

Два смыкающихся фрагмента толстостенного сосуда с ручкой общим размером 18,5×14,5 см (ил. 35) были найдены на заднем дворе комплекса А, в свалке. Сосуд, по-видимому, был двуручный, покрыт светло-желтым ангобом без лощения. Сохранилось восемь акшар надписи, первая акшара повреждена.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 66–67, рис. 42В), затем В.В.Вертоградовой (IUL, с. 12, ил. 1а), рассмотрена Я.Харматтой (КТ II, с. 34), М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 32).

Текст: *ṇṣṣṣṣṣṣ*

Транслитерация:]-(y)am-saṃ-gha-mi-ca-du-diśa-[x]-[

Мнение Т.В.Грек о том, что на фрагменте представлены начало и конец надписи, не обосновано, так как ручка разрывает слово *cadu-diśami*. Видимо, надпись начиналась слева от второй ручки и опоясывала весь сосуд.

Чтение Т.В.Грек *divase* и *saṃghamitrena*, поддержанное М.И.Воробьевой-Десятовской, кажется неудовлетворительным.

Более обоснованно чтение Я.Харматты (*adhi*)*saṃghami cadudiśa(mi)*. Однако реконструкция первых двух акшар как *a* и *dhi* не может быть принята. Скорее всего первые знаки представляют акшару *yaṃ* с удлиненной левой вертикалью (ср. Кара-тепе, № 366). Возможно, *yaṃ* является концом словосочетания *deyadharmouyaṃ* "этот благочестивый дар", которое нередко встречается в надписях кхароштки и где указ. местоим. *yaṃ*(=*aṃ*) выполняет функцию определенного артикля.

Таким образом, текст на фрагменте можно восстановить как [*deyadharmou*](y)am-saṃghami-cadudiśa[mi] "(благочестивый дар) сангхе четырех сторон света". Далее могло быть обычное продолжение формулы: *acaryaṇaṃ-mahāśaṃghikāṇaṃ-parigrahe*, как и в № 2.

№ 4

Фрагмент сосуда размером 7×3,8 см (ил. 20) был найден на заднем дворе комплекса А в свалке. Сосуд покрыт красным ангобом с лощением. Сохранилось пять акшар надписи.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 68–70, рис. 43А), рассмотрена Я.Харматтой (КТ II, с. 34), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 12–13), М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 32).

Текст: *ṣṣṣṣṣ*

Транслитерация: *saṃ-gha-a(ṃ)-laṃ-(sa)-[*

Чтение Т.В.Грек первых двух акшар как *saṃgha-* и двух других как *-alaṃ-* вполне надежно, однако восстановление *alamban-* или *alamkṛta-* мало убедительно.

Реконструкция фрагмента Я.Харматтой как *saṃghapaṃlaṃ(sa)*, т.е. род. п. от имени *saṃghapa(ṃ)la* (скр. *saṃghapāla*), кажется допустимой.

Однако третья акшара надписи } может читаться только как *aṃ* (возможно, графический вариант акшары *a*).

Утверждение М.И.Воробьевой-Десятовской, что после слова *saṃgha-* написаны не две акшары, а одна (*ya* или *śa*), не имеет оснований.

Последняя акшара надписи плохо различима, но наиболее вероятно чтение *sa*.

Таким образом, надпись следует читать: *saṃghaṃlaṃ(sa)* "Сангхапалы". Скорее всего надпись была владельческой.

Фрагмент сосуда, имеющего форму блюда или миски размером 9,2 × 5,8 см (ил. 13г), был найден на заднем дворе комплекса А в свалке. Сосуд покрыт оранжевым ангобом без лощения. Надпись, состоящая из пяти акшар, расположена по краю венчика.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 70–72, рис. 43Б), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 13, ил. 24b), рассмотрена М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 32).

Текст: 4847 7

Транслитерация: *i-[x]-bhi-kṣ(a)-gha-(da?)*[-]

Чтение Т.В.Грек: *i-bhikṣu-ghaṭa*. Это же чтение дается М.И.Воробьевой-Десятовской.

В нашем прежнем издании мы предполагали восстановление первого слова надписи как *[su]i* "благой, чистый". Однако теперь это кажется сомнительным. Так как после акшары *i* в надписи пробел, то скорее всего можно предположить, что второй знак утрачен и им могла быть акшара *ṃ* уо. Тогда на фрагменте можно восстановить слово *iyo* "этот". Это местоимение характерно для ряда надписей кхароштии (ср. № 36 кх).

Что касается следующего слова *bhikṣu*-, то огласовки *u* в надписи не видно, так что это слово могло читаться *bhikṣa*- (скр. *bhikṣā*) "милостыня". В пользу этого говорит также то, что в литературе есть примеры, когда слово *bhikṣā* образует сложное слово с названием сосуда (ср. *bhikṣābhāṇḍa*, *bhikṣāpātra*), тогда как ни один текст не дает комбинации названия сосуда со словом *bhikṣu*-.

Чтение *ghaṭa*, предложенное Т.В.Грек, не имеет основания, так как *ṭ* *ta* в конце слова не читается. Этот слабо различимый знак и по следам акшары, и типологически скорее всего соответствует *ṭ* *da*.

С этим текстом целесообразно сопоставить начало надписи № 29 из Фаяз-тепе, где читается *ayo ghaḍa*- (чтение М.И.Воробьевой-Десятовской *ayam gaḍa*- неточно).

Таким образом, на Кара-тепе и на Фаяз-тепе обнаружены сосуды, обозначенные словом *ghaḍa*- (скр. *ghaṭa*-). Один из них – в виде миски, форма другого неясна. Надписи читаются:

Кара-тепе: *i [yo]-bhikṣ(a)-ghaḍa*-

Фаяз-тепе: *ayo-ghaḍa*-.

Дать окончательное заключение о типе надписей затруднительно. Однако то обстоятельство, что все надписи из Кара-тепе, нанесенные по венчику сосуда, являются дарственными, свидетельствует в пользу дарственного характера рассматриваемой надписи.

Фрагмент сосуда размером 4,5 × 6,2 см (ил. 33) был найден на заднем дворе комплекса А в свалке. Сосуд светлоангобированный. Сохранилась полностью одна акшара и часть двух акшар по обеим сторонам.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 73, рис. 43Г), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 13-14, ил. 8b), рассмотрена Я.Харматтой (КТ II, с. 34), М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 32).

Текст: 382

Транслитерация:]-(h)a-sa-[.]m-[

Т.В.Грек читает одну акшару *sa* или *saṃ*, М.И.Воробьева-Десятовская — *sa*.

Я.Харматта реконструирует первую акшару как *ha*, третью как *ghim* и восстанавливает слово [*ma*]-(*hā*)-*saṃ*-(*ghim*)-[*kā*-*naṃ*]. Мы тоже допускали возможность этой реконструкции в нашей прежней публикации. Однако в слогe *sa* назализация не выражена. Поэтому надежным можно считать только чтение -(*ha*)*sa*-. От следующей акшары сохранилась только анусвара.

№ 7

Фрагмент размером 3,8 × 3,00 см (ил. 52) был найден на заднем дворе комплекса А в свалке. Сосуд светлоангобированный. Сохранилась одна акшара надписи и следы двух других по обеим ее сторонам.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 73, рис. 43Ж), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 14, ил. 8a), рассмотрена Я.Харматтой (КТ II, с. 35), М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 33).

Текст: 847

Транслитерация:]-(va) ca-du-[

Т.В.Грек читает надпись как -*ca-na*-, что представляется некорректным.

Я.Харматта предложил чтение -(*mi*)-*ca*-(*du*)- и восстановление надписи как [*saṃ*-*gha*]-(*mi*) *ca*-(*du*)-[*di*-*śa*-*mi*]. Это представляется вполне допустимым.

Однако более вероятно чтение первого знака как 7 *va*, имея в виду, что пересечение вертикальной линии в 7 *mi* должно было бы быть ниже. Частица *va* имеет значение "только, именно". В этом случае надпись читается как № 366: [*saṃghami*]-*va*-*cadudi*(*m*)*śami* "именно сангхе четырех сторон света".

№ 8

Фрагмент сосуда размером 5,8 × 4,8 см (ил. 13д) был найден на заднем дворе комплекса А в свалке. Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением. Надпись состоит из четырех акшар.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 73, рис. 43Е), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 14, ил. 9b), рассмотрена М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 33).

Текст: 989

Транслитерация:]-[x]-na-gha-sya.

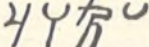
Мы исключаем возможность прочтения слова *ghaṭa*- "сосуд", предложенного Т.В.Грек. Это же чтение приводится М.И.Воробьевой-Десятовской. Последняя акшара на фрагменте ясно читается как *ṣa*, а не *ṣa*. Наше прежнее чтение *gha* также неточно.

Интерпретация затруднительна.

№ 9

Фрагмент сосуда размером 3,5×3,0 см (ил. 13а) был найден на заднем дворе комплекса А в свалке. Сосуд покрыт красным ангобом с лощением. Сохранилось три знака надписи и следы четвертого.

Фотография надписи опубликована Т.В.Грек (КТ I, рис. 43Д), надпись рассматривалась В.В.Вертоградовой (IUL, с. 15), М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 32).

Текст:

Транслитерация:]-ma-bhi-[x]-jha-[

Чтение *tre*, предложенное Т.В.Грек для сосуда с этим шифром, по-видимому, относится к другому фрагменту.

М.И.Воробьева-Десятовская предлагает для этой надписи чтение *k[u]ḍa* "сосуд". Однако это чтение не имеет отношения к данной надписи, на которой видны четыре акшары: первая – *ma*, вторая – *bhi*, третья, слабо различимая *kṣa* или *na* и последняя – *jha*.

№ 10

Фрагмент размером 2,5×5,0 см (ил. 28б) был найден на заднем дворе комплекса А в свалке. Сосуд покрыт красным ангобом со следами лощения и украшен двумя орнаментальными горизонтальными полосами.

Фрагмент опубликован В.В.Вертоградовой (IUL, с. 15, где дается прорисовка без фотографии).

Текст:

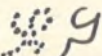
Транслитерация:]-[x]-bu-[x]-[

Интерпретация надписи затруднительна.

№ 11

Фрагмент размером 5,0×4,9 см (ил. 13б) был найден в С-3 углу бокового помещения пещерного храма П-І комплекса А, в завале. Сосуд покрыт красным ангобом.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 73, рис. 43В), рассмотрена Я.Харматтой (КТ II, с. 34), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 15), М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 32).

Текст:

Транслитерация: sa(m)-(gha)-[

Справа от акшары *saṃ* нет никаких знаков. Видимо, здесь начиналась надпись. По следам второго знака восстановление Т.В.Грек слова *saṃgha* вполне вероятно, так же как и реконструкция Я.Харматтой формулы *saṃ(gha)[mi-cadudiśami]*.

№ 12

Фрагмент размером 5,0 × 4,9 см был найден в С-3 углу бокового помещения храма П-I комплекса А. Верхняя часть сосуда покрыта коричневым, нижняя – светло-желтым ангобом. Надпись расположена под линией, отделяющей темную поверхность.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 16, без фотографии).

Текст: ॐ

Транслитерация: *a-yaṃ*

По-видимому, перед нами начало надписи. После указательного местоимения *ayaṃ* "этот" следует ожидать названия сосуда. Санскритизированная форма *ayaṃ*, употребленная в надписи кхароштки вместо ожидаемых пракритских *iyo* или *ayo*, свидетельствует о санскритизации текста и, возможно, о позднем характере надписи, которая скорее всего могла быть надписью о личном пользовании.

В этом случае текст может быть реконструирован примерно так: *ayaṃ[kuṇḍika-bhikṣu-]* "Этот [сосуд для воды монаха ...]".

№ 13

Фрагмент размером 6,3 × 5,8 см (ил. 4) был найден в верхней комнате пещерной кельи комплекса Б. Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением. Надпись расположена под двумя рельефными полосами.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ III, с. 116, табл. XX, справа), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 16, ил. 23с), М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 33).

Текст: ॐ ॐ ॐ ॐ

Транслитерация: *]da-ṭha-ya-bha-va-tu*

Т.В.Грек читает в надписи *-ṭhaya* и *bhavatu*. То же чтение у М.И.Воробьевой-Десятовской.

Первая акшара надписи – вполне четкое *da*, далее следует церебральное *ṭha* (а не *tha*). Сообразуясь с типологией надписей, можно думать, что данная надпись – votивная и сохранившийся фрагмент представляет ее конец. Здесь можно выделить слово *aṭhaya* (пали *atthaya*, скр. *arthaya*) "ради" и *bhavatu* "да будет!" – императив от глагола *bhū-*.

Таким образом, эта надпись заканчивается своего рода призывом-заклинанием: "пусть будет ради того-то!" (ср. № 36 кх).

№ 14

Фрагмент толстостенного сосуда с остатками ручки (видимо, сосуд был двуручный) размером 15,5 × 10,3 см был найден в верхнем помещении

пещерной кельи комплекса Б (ил. 55). Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением. На уровне основания ручки видны две рельефные полосы. Под ними находилась надпись, от которой сохранились три акшары.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ III, с. 116, табл. XXII, в тексте табл. XXIб указана неверно), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 16, ил. 1б), рассмотрена М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 33).

Текст:

Транслитерация: }-va-tu-ga-[

Это чтение дают все исследователи. Интерпретация затруднительна. Возможна реконструкция слова [bha]vatu "да будет!".

№ 15 а, б

Два фрагмента небольшого сосуда с шаровидным туловом (ил. 3а, б) были найдены в верхнем помещении пещерной кельи комплекса Б. Сосуд покрыт красным ангобом и украшен фигурным лощением. В верхней части сосуд опоясывают три рельефные полосы. Надпись расположена на 1 см ниже этих полос. Фрагменты 15а и 15б стыкуются таким образом, что в надписи оказывается лакуна размером в одну акшару. Последняя акшара на фрагменте 15а и первая на фрагменте 15б повреждены.

Фрагмент 15а размером 7,2×6,5 см (ил. 3а) был опубликован Т.В.Грек (КТ III, с. 116, табл. XXIа – указание в тексте на табл. XXIв неверно), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 16–18, рис. 2, ил. 16а).

Фрагмент 15б размером 5,2×2 см (ил. 3б) опубликован В.В.Вертоградовой (IUL, с. 17, рис. 2, ил. 6б), рассмотрен ею же (Некоторые проблемы, с. 24).

Текст (15а):

Транслитерация: bu-dha-si-r(a)

Чтение Т.В.Грек *buddhas*-, поддержанное М.И.Воробьевой-Десятовской, представляется некорректным. Вторая акшара надписи *dha*, а третья четко различима как *si*. Последняя акшара на этом фрагменте, нижняя часть которой отбита, достаточно ясно восстанавливается как *ga*, у которой в соответствии со стилем этой надписи высоко поднята верхняя петля (ср. первую акшару *bu*). Так что имя *Budhaśira* читается здесь вполне надежно.

Текст (15б):

Транслитерация: }-(g)a-li-ka-sya

Наша предыдущая реконструкция первой акшары на этом фрагменте как *jha* или *da* и соответственно восстановление всего слова как *veda-jhaka*- или *vedalika*- представляются некорректными.

Первая акшара скорее всего *ga*, частично закрытая полосой ло-

щения, а вторая – четкое *li*. Таким образом, на двух фрагментах надежно читается *budhaśira[x](g)alikasya*. Принимая во внимание, что лакуна между двумя фрагментами составляет одну акшару, а также что на фрагменте 15а сохранилась вертикальная черта над утраченной акшарой, этот знак скорее всего следует восстановить как *ḍ* *ṛi* с высокой ле-

вой вертикаль, характерной для этой надписи (ср. *bu*). Тогда вся

надпись может быть восстановлена как *budhaśīra-(p)u(g)alikaśya*. Это чтение теперь надежно поддерживается текстом кхароштхи трехязычной надписи (№ 3 бр-б-кх), где допущена ошибка в согласовании: *budhaśīra-sya-pugaligasya* вместо *budhaśīrasya-pugaliga*. Видимо, подобного рода ошибка автоматически могла попасть и на сосуд № 15. В данном случае слово *budhaśīra* выступает не оформленным флексией.

При буквальном переводе надпись бессмысленна, но, видимо, подразумевала смысл, характерный для многих надписей: "(сосуд) Буддхаширы личный". Ясно, что полный текст подобного рода надписей подвергался различным редуциям.

Nº 16

Два стыкующихся фрагмента размером 3,8×2,6 см и 2,2×1,8 см (ил. 28а) были найдены у южного айвана во дворе комплекса Б. Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением и украшен двумя горизонтальными рельефными полосами.

Сохранилось шесть акшар надписи. Нижние части знаков утрачены, но легко восстанавливаются.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 140–141, ил. 216, а),
ею же (IUL, с. 18, ил. 25d, е).

Текст: 99m3yy

Транслитерация:]-(ksu)-(bu)-dha-si-ra-(sa)-[

В надписи надежно читается имя *Budhaśira*. Акшара перед началом имени скорее всего реконструируется как *kṣu*. Учитывая типологию надписей, текст на фрагментах можно восстановить как *[bhi](ksu)-budhaśirasa*.

По-видимому, перед нами надпись о личном пользовании и предполагает либо полный текст типа: [ayo-kumḍika-bhi](kṣu)-budhaśīrasa-[pugaligasa] (ср. № 3 бр-б-кх), либо сокращенный его вариант: [bhi](kṣu)-budhaśīrasa (ср. № 4 бр-б-кх).

Nº 17

Фрагмент сосуда размером 6,5×5,5 см (ил. 22) был найден в нише у южного входа в пещерный храм П-П комплекса Б. Верхняя часть сосуда покрыта красным, нижняя – светлым ангобом. Надпись сделана вдоль границы красной поверхности.

Фрагмент опубликован В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 141, ил. 21в), ею же (IUL, с. 18).

Текст: ୨୩

Транслитерация:]-śi-(ra)-[

Имея в виду довольно ограниченный лексический состав надписей, на фрагменте скорее всего можно восстановить имя [budha]śi(ra) и предположить "владельческий" характер надписи (как и в № 16).

№ 18

Фрагмент сосуда размером 6,3 × 4,7 см был найден в северной части двора комплекса Б. На фрагменте сохранилась надпись, расположенная вдоль верхней красноангобированной поверхности. Надпись состоит из трех акшар.

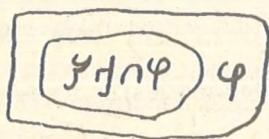
Опубликована Т.В.Грек (КТ III, с. 116, табл. XXIг, неразборчива), рассмотрена В.В.Вертоградовой (IUL, с. 18–19); М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 33).

Текст: ୧୩୧

Транслитерация:]-(ḡ)a-ya-la-[

Чтение Т.В.Грек -bani-, которое воспроизводится и М.И.Воробьевой-Десятовской, не соответствует фрагменту. Первая акшара, хотя верхняя часть ее повреждена, легко восстанавливается как ୧ ḡa. Акшара начертана с диакритическим знаком, который скорее всего указывает на фрикативное произношение (ср. № 60 кх). Следующие акшары четко читаются как ୩ ya и ୩ la.

Окончательную интерпретацию надписи дать затруднительно. Однако следует напомнить надпись кхароштки на каменной палетке из Таксилы, опубликованную С.Коновом¹. Надпись сделана в средней части палетки и заключена в овальный картуш. Текст надписи читается *gayalasa* – по мнению Конова, род. п. от имени *Gayala*. В эпиграфике, кроме того, засвидетельствовано слово *gayāda*- (видимо, вариант *gayāla*-) в значении "дворец". Это слово известно и как царское имя².

№ 19

Фрагмент размером 4,8 × 3 см (ил. 26) был найден во дворе комплекса Б, у южного айвана. Сосуд – светлоангобированный. Сохранилась одна акшара. Опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 19, ил. 7d).

На фрагменте сохранилась одна акшара ୨ го. Наша прежняя реконструкция знака как части акшары ୨ gho не подтверждается.

Справа от акшары видны следы еще одного знака. Слева – интервал или конец надписи.

Интерпретация затруднительна.

Фрагмент размером 12×5,5 см (ил. 9) был найден в свалке к северу от комплекса Б. Верхняя часть сосуда покрыта красным, нижняя – светлым ангобом. Надпись, состоящая из 9 акшар, расположена на светлой поверхности, вдоль линии красного ангоба.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 19, ил. 3б).

Текст: 127357782

Транслитерация:]-(ha)-spā-bha-va-do-sa-vi-gā-l[·]H

Первая акшара надписи сохранилась частично и может быть восста-
новлена как *ha* или *sya*, вторая *spa* засвидетельство-
вана в документах из Нийи.

Далее представляется возможным прочесть два слова: *bhava* (скр. *bhava-* или *bhāva-*) "природа, существование" (в буддийских текстах употребляется в особом значении: "состояние сознания, ментальность") и *dosa* "недостаток, плохое качество, порок". Затем ясно читаются акшары

7 vi и 2 ga. Последняя акшара повреждена, скорее всего восстанавливается как 1 la. Нельзя исключить, что в конце надписи начертано слово *vigalita* – прич. от глагола *vigal-* “падать, исчезать”.

Таким образом, текст на фрагменте читается так:]-(ha)s^{pa}-bhava-dosa-vi^{ga}(l)[ita].

Хотя перевод надписи мы пока дать не решаемся, однако рассмотрение словосочетаний с выявленными единицами текста приводит к поискам смысла в двух направлениях: либо речь идет о пороках нрава (характера), либо о недостатках сознания (ментальности) (*bhava-dosa*-), которые должны исчезнуть. Но это лишь самые предварительные замечания, ибо при наличии более широкого контекста слова надписи могут быть сгруппированы иначе, например *aspa-bhava*- и пр.

По всей видимости, текст на сосуде был либо добавлением к вотивной формуле, либо отдельным изречением.

Следует обратить внимание на то, что по характеру письма надпись представляет полную аналогию текстам документов из Нийи (III-IV вв.). Употребление акшар с дополнительными диакритическими знаками *ḥ ga* и *ḥ spā* также является типичным для центрально-азиатского кхароштки.

Фрагмент сосуда с остатками ручки размером 7,7×11,5 см был найден в свалке к северу от комплекса Б. Сосуд покрыт красным ангобом со следами лошения.

Опубликован В.В.Вертоградовой (IUL, с. 19, с прорисовкой, без фотографии).

На фрагменте сохранилась одна акшара *ḥga*. Имея в виду ограниченный набор формульных словосочетаний в надписях, можно предложить реконструкцию известной вотивной формулы *[a]ḡga-[bhagāe-bhavatu]* "пусть будет для лучшей доли!" (ср. № 60 кх).

№ 22

Фрагмент сосуда размером 4,3×4 см (ил. 53а) был найден в свалке к северу от комплекса Б. Надпись расположена ниже границы красной ангобированной поверхности и содержит две акшары и следы третьей.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 141, ил. 19в), ею же (IUL, с. 19).

Текст: *ḥḥ*

Транслитерация: *su-ha*

Слово *suha-* (скр. *sukha-*) "счастье" в буддийских текстах обычно встречается в составе формулы *hida-suhae* "ради блага и счастья". Однако слева от акшары *ha* на фрагменте не видно никаких знаков.

№ 23

Фрагмент размером 5,2×3,1 см (ил. 61) был найден в помещении X-1, возведенном над пещерным храмом II-II комплекса Б в завале. Сосуд покрыт красным ангобом. Видны следы трех акшар.

Фрагмент опубликован В.В.Вертоградовой (IUL, с. 20, ил. 12b).

В надписи читается отчетливо только одна акшара *ḥsa*. Две другие неразборчивы. Интерпретация затруднительна.

№ 24

Фрагмент сосуда размером 20,3×11,2 см (ил. 10) был найден в наземном помещении X-3, возведенном над пещерным храмом II-II комплекса Б. Сосуд покрыт темно-красным ангобом с сетчатым лощением. Надпись состоит из шести акшар.

Опубликована В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 140), ею же (IUL, с. 20, без фотографии).

Текст: *ḥḥḥḥḥḥ*

Транслитерация: *ḥ-[x]-(ya)-ka-la-de-ya-dham-[*

В начале надписи читается конец слова, возможно, имени собственно-го *-kala*. Акшара, стоящая перед ним, неразборчива, скорее всего *ya*. Далее читается слово *deyadham-*, которое восстанавливается как *deya-dhamṭe* "посвятительное дарение".

Очевидно, надпись дарственная, адресованная сангхе.

№ 25

Фрагмент сосуда размером 6,0×4,5 см (ил. 30) был найден в Ю-В углу

наземного помещения комплекса Б, в завале. Сосуд покрыт красным ангобом с полосчатым лощением. Надпись состоит из четырех акшар.

Опубликована В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 139–140, ил. 206), ею же (IUL, с. 20).

Текст: 𑀧𑀺𑀓𑀲

Транслитерация:]-(śa)-me-ra-ka-[

Чтение *-meraka-* можно сопоставить со словом *meriakha-* в надписи Сенавармы, опубликованной Г.В.Бейли³. Это слово соответствует греческому термину *μερίδαρχης* "областной чиновник", ср. также *meṭa* и *merekhisu* в надписях из Гильгита.

№ 26

Фрагмент сосуда размером 17,2×8,2 см (ил. 37) был найден в Ю-3 углу наземного помещения комплекса Б, в завале. Верхняя часть сосуда покрыта коричневым, нижняя – светло-желтым ангобом. Надпись, состоящая из шести акшар, расположена на светлой поверхности вдоль линии темного ангоба.

Опубликована В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 134, ил. 18а, б), ею же (IUL, с. 21, ил. 5b).

Текст: 𑀧𑀺𑀓𑀲𑀓𑀲

Транслитерация:]-o-ka vi-ha-ra-mi

Начнем рассмотрение надписи со второго ее слова *viḥarami*, которое представляет собой местн. п. ед. ч. от слова *viḥara-* (скр. *viḥāra-*) "буддийский монастырь, вихара".

Что касается первого слова, которое, очевидно, должно было служить названием монастыря, то нет достаточной ясности, является ли *oka* самостоятельным словом или окончанием другого слова.

В связи с этим можно сделать два предположения. Во-первых, в контексте других надписей со словом *viḥara-* можно считать *-oka-viḥara* частью надписи [*khade*] *oka-viḥara-*, в свою очередь являющейся вариантом *kḥa-devaka-viḥara-* (№ 36 кх). В этом случае следует говорить о влиянии бактрийской графики на текст кхароштки (ХОАДНО-ГО → *kḥadeoka*).

С другой стороны, если считать *oka* самостоятельным словом, которое засвидетельствовано в ведийском языке и в пали со значением "прибежище, пристанище, место отдыха, жилище", то смысл надписи можно передать как "вихара-пристанище". Ср. пали *okaṃ anokaṃ āgammā* "перейдя от жизни дома к бездомности"⁴ или *okaṃ okaṃ jahanti* "какие у них есть прибежища, они их оставляют"⁵.

Объяснение палийскими комментаторами слова *oka-* через *ālaya-* "прибежище, укрытие" (синонимы: *laya-*, *layana-*, *lena-*) можно сопоставить с употреблением для буддийских пещер слова *lena-*, *lina-*.

Дать однозначную интерпретацию наименования *oka-viḥara-* без контекста едва ли возможно. Однако местн. п. *viḥarami* определенно сви-

детельствует о том, что надпись дарственная и, по всей видимости, содержала вотивную формулу: [saṃghami-cadudīśami]-oka-viharami-[aśaṣyana-maha-saṃghigana-parigrahe] "[Сангхе четырех сторон света] в ока(?)-вихаре, [для принятия учителями махасангхика]".

Слово *oka*- засвидетельствовано еще в одной надписи из Кара-тепе (№ 52 кх), но надпись фрагментарна и не дает новой содержательной информации.

Следует напомнить, что слово *oka*- в форме *oke* было прочитано С.Коновом в надписи из Джамальгархи⁶ и интерпретировано как "вид здания". Однако эта часть надписи плохо сохранилась, и чтение не вполне надежно.

№ 27

Фрагмент сосуда с остатками отбитой ручки размером 11,5×10 см (ил. 29) был найден в Ю-В части двора комплекса В. Верхняя часть сосуда покрыта коричневым, нижняя – светло-желтым ангобом. На фрагменте имеется надпись из четырех акшар, причем текст на фрагменте является продолжением текста, располагавшегося по другую сторону ручки. Видимо, сосуд был с двумя ручками, и надпись начиналась слева от одной ручки, проходила мимо другой и заканчивалась справа от первой (судя по характеру текста, надпись была длинной).

Опубликована В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 142, ил. 20а), ею же (IUL, с. 22, ил. 7с).

Текст:

Транслитерация: j-rva-sa-tva-(na).

Надпись вполне надежно реконструируется как [sa]rvasatvana "всех живых существ". Очевидно, надпись была дарственной, и сохранившееся слово представляет часть одной из вотивных формул, являющихся благожелательными заклинаниями и обычно завершающими текст.

Это слово засвидетельствовано на каменном резервуаре для воды из буддийского помещения, открытого вблизи Термеза, в формуле: sarvasatvana hīdaye suhaye "ради блага и счастья всех живых существ"⁷. Эта формула многократно встречается в вотивных надписях из Индии.

В надписи на сосуде из Хидды (Афганистан) это слово засвидетельствовано в формуле sarvasatvana nirvaṇasaṃbharae "для достижения нирваны всеми живыми существами"⁸.

Весьма популярна была также формула sarvasatvanam agre pratiyaṃśo "в будущем благая доля для всех живых существ", которая встречается на сосуде из Тор-Дхераи⁹. На Кара-тепе эта формула засвидетельствована в № 36 кх и № 21 бр.

№ 28

Фрагмент сосуда размером 9,5×6 см (ил. 6) был найден в нише с лестницей комплекса В, в завале. Сосуд покрыт светло-желтым ангобом и, по-видимому, имел форму миски. Надпись нанесена вдоль венчика и со-

хранила следы 10 акшар. Только три из них с правой стороны надписи читаются.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 142), ею же (IUL, с. 22, ил. 11а).

Текст: *Упх*

Транслитерация: *]-di-sa-mi*

Надпись достаточно надежно может быть восстановлена как часть известной вотивной формулы: *saṃghami-cadudisāmi* "сангхе четырех сторон света". Эта формула восстанавливается в ряде других надписей из Каратеппе и может сочетаться с наименованием викары и буддийской школы, обитавшей в монастыре (ср. № 36 кх).

№ 29

Фрагмент сосуда размером 4,5 × 4,8 см был найден в нише с лестницей комплекса В, в завале. Верхняя часть сосуда покрыта коричневым, нижняя – светло-желтым ангобом. Надпись расположена вдоль линии темного ангоба и содержит остатки трех акшар.

Опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 23, с прорисовкой, без фотографии).

Текст: *...7...*

Транслитерация: *]-[x]-va-[x]-[*

В надписи ясно читается только акшара *va*. Две другие неотчетливы.

№ 30

Фрагмент сосуда размером 3,5 × 3,5 см (ил. 23) был найден в третьем айване комплекса В. Верхняя часть сосуда покрыта коричневым ангобом, нанесенным широкими полосами, нижняя – светло-желтым. Надпись, состоящая из пяти акшар (первая – неотчетлива), расположена вдоль линии темного ангоба.

Опубликована В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 141, ил. 196), ею же (IUL, с. 23).

Текст: *Х 75П*

Транслитерация: *]-[x]-ya-da-e-bha-[*

По-видимому, текст содержит остатки двух слов. Часть первого слова: *-yadae* (или *-sadae*) может быть характеризована только грамматически как среднеиндийская форма дат. п. ед. ч. имени.

Второе слово скорее всего можно реконструировать как *bha[vatu]* – императив 3 л. ед. ч. от глагола *bhū-*. Возможно, текст представляет часть заключающего надпись призыва-заклинания: "пусть будет ради того-то!"

Фрагмент сосуда размером 3,4 × 8,2 см (ил. 15) был найден в третьем айване комплекса В. Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением. Надпись, содержащая шесть акшар и следы седьмой слева, выполнена в средней части тулова.

Надпись опубликована В.В.Вертоградской (О наименовании буддийского пещерного монастыря в Старом Термезе. – Санскрит и древнеиндийская культура. Т. I. М., 1979, с. 83–96), ею же (КТ V, с. 135–139, ил. 19а), ею же (IUL, с. 23, ил. 3а), рассмотрена Ж.Фюсманом (Chronique des études couchans. – JA. 1987, t. 275, № 3–4, с. 348.)

Текст: 9277755

Транслитерация: *kha-de-va-ka-vi-ha-(ra)-[*

В первом слове на этом фрагменте *khadevaka*- начальная акшара *Ḫha* отличается от обычного *Qha* дополнительным диакритическим знаком (горизонтальной чертой вправо от основания акшары). Этот знак часто встречается в документах из Нийи, где употребляется для передачи иранского фрикативного *χ*.

Второе слово на этом фрагменте читается *viha*- со следами следующего знака, который легко восстанавливается как *ta*. Так что слово может быть реконструировано как *viharami* (ср. № 26 кх).

Следует отметить, что начало слова *khade-*, начертанное на большом сосуде (№ 36 кх), по-видимому, представляет собой фрагмент того же словосочетания, что и рассматриваемая надпись. Так что оба текста могут быть восстановлены следующим образом:

Nº 31: *k'ha-de-va-ka-vi-ha-(ra)-[mi]*

Nº 36: *kha-de-[va-ka-vi-ha-ra-mi]*

Поскольку слово *khadevaka* едва ли можно объяснить с позиции индоарийских языков, есть все основания предполагать, что это слово является рефлексом бактр. ХОАДНО.

Бактр. ХОАДНО (*xwadēw*) восходит к др.-ир. **hvatavya* "господин, правитель"¹⁰. Эта этимология впервые была установлена А.Мейе¹¹ в связи с н.-перс. *hudāy*. Отсутствие производных от **hvatāw-* в ахеменидских надписях и в Авесте позволило А.Мейе сделать предположение, что слово **hvatāw-* могло быть скалькировано иранцами во времена Аршакидов с греч. αὐτοκράτωρ, которое было для того времени обычной передачей лат. *imperator*. Иная этимология этого слова была предложена В.Эйлерсом¹², который видит в нем образование от др.-ир. **xatāvant*. Эта этимология представляется менее обоснованной.

Производные от др.-ир. *hvātāv- засвидетельствованы во многих среднеиранских языках: парфянском, среднеперсидском, согдийском. Что касается содержания этого термина, то в разных иранских языках и в различных государственных образованиях он мог иметь разные значения, являвшиеся вариантами основного значения "властелин".

Специального исследования значений этого термина по всем иранским языкам не проводилось. Здесь мы ограничимся привлечением только бак-

трийских надписей, которые сохранили наиболее ранние случаи употребления этого термина. Эти надписи неоднократно рассматривались исследователями. Отметим, что обе упомянутые заметки по этимологии н.-перс. *xudā(i)* были написаны до открытия бактрийских текстов.

В кушанский период слово ХОАДНО засвидетельствовано дважды в большой сурхкотальской надписи. В первом случае в контексте МАРНГО ПІДО І ХОАДНО ФРОМАНО (версии М и В) "покорный приказу государя"¹³, во втором случае – в сочетании ФРЕІХОАДНОГО (все три версии), которое толкуется исследователями либо как почетный эпитет ("любимец государя")¹⁴, относящийся к наместнику (КАРААРАГГО), либо как имя собственное с патронимическим суффиксом -ГО, т.е. "сын Фрихвадева"¹⁵, и находит аналогию в надписи на гемме, изданной А.Каннингэмом, где читается это же слово¹⁶.

Однако, какую бы функцию ни выполняло сочетание ФРЕІХОАДНОГО, едва ли могут быть сомнения, что слово ХОАДНО в кушанский период имело значение "царь" и в большой сурхкотальской надписи – в чем можно согласиться с В.Хеннингом, "it clearly denotes the Kuṣān emperor".

Тем не менее место термина ХОАДНО в титулатуре кушанского времени не совсем ясно. Дело в том, что в большой сурхкотальской надписи этот термин употреблялся наряду с термином РАО, засвидетельствованном в титуле ВАГОРАО "владыка-государь".

Термин ХОАДНО был прочтен в найденных при раскопках на Дильберджине фрагментах бактрийской надписи на каменном блоке. Однако смысловой контекст этого слова недостаточно ясен¹⁷.

Других упоминаний термина ХОАДНО для данного периода нет. Некоторое свидетельство о титуле ХОАДНО дают легенды монет эфталитских правителей (IV–VII вв), которые, завоевав Бактрию, приняли в качестве официального языка бактрийский и, видимо, заимствовали бактрийскую титулатуру.

На эфталитских монетах употребляются параллельно оба титула: ХОАДНО (или ХДНО) и РАО (или РАУО).

Ср. $\left. \begin{array}{l} \text{XIONO XДНО}^{18} \\ \text{РАУО XIONO}^{19} \end{array} \right\} \text{ "государь хионитов".}$

Многие эфталитские монеты засвидетельствовали полный титул ВАГО ХОАДНО. Например: ΣΡΙ ВАГО OZPOBADIΓO ΣANANO ВАГО ХОАДНО "Достопочтенный владыка Озробадиго (?), одолевший врагов (?) владыка-государь"²⁰.

На этой же монете засвидетельствована одновременная передача этого титула алфавитом брахми: **𑀅𑀲𑀭𑀺**:

Надпись читается *vakhudivaḥ*²¹ и соответствует полному титулу ВАГО ХОАДНО.

Сравнивая индийскую передачу термина ХОАДНО в надписях из Кара-тепе и в эфталитской монетной легенде, можно заметить, что кара-тепинское *khadevaka* достаточно точно воспроизводит бактрийское написание этого слова в сурхкотальской надписи. Отказ от передачи начального хва- можно объяснить стремлением воспроизвести реальное звучание ХОАДНО, которое должно было в это время произноситься в

соответствии с уже осуществившимся переходом *xwa* > *xə*, причем краткое *ə* в начальном слоге могло выступать по диалектам в виде любого краткого редуцированного гласного (*ə*, *ĩ*, *ũ*), т.е. слово это могло реально существовать в трех фонетических вариантах: *xəḍew*, *xũḍew*, *xĩḍew* с последующим сужением *ē* > *ĩ* в последнем слоге. Поздняя индийская передача *vakhudivaḥ*, видимо, вполне точно воспроизводит реальное произношение того времени: *vakhudivaḥ* < *vak-khudivaḥ* < *bag-xu-diw*²².

Что касается суффикса *-ka* в слове *khadevaka*, то этот суффикс был распространен как в среднеиндийских, так и в среднеиранских языках (в бактрийском выступает в виде *-ГО*) и представлял так называемое *-ka svarthe*, т.е. *-ka*, не изменяющее основного значения слова²³ или близкое к значению определенного артикля²⁴.

Следует обратить внимание на то, что во время раскопок городища Будрач (Чаганиан), расположенного в 6 км от Денау, Узбекистан (раскопки Э.В.Ртвеладзе), было найдено около тысячи серебряных монет, как подлинных Пероза и Хосрова I, так и подражаний Хосрова. Исследования Э.В.Ртвеладзе показали, что на монетах имеется титул ХДНО. При этом на монетах Пероза (V-VI вв.) значится только слово ХДНО, а на монетах Хосрова (VI в.) титул ХДНО дается в сочетании с именем собственным: *ΣΟΡΡΟ ХДНО*, *ΣΟΡΙΝΟ ХДНО*²⁵.

Таким образом, в правобережной Бактрии еще в V в. термин ХДНО применялся в качестве титула правителя.

Исследовавшие бактрийскую надпись-граффити из Кара-тепе (сасанидского времени) В.А.Лившиц и Я.Харматта при всех их разногласиях сходятся на возможности восстановить термин ХОАДНО в надписи № 61 (по нумерации Харматты), где сохранилось написание ОАДНО²⁶.

В связи с изучением рассматриваемой нами надписи из Кара-тепе следует упомянуть мнение Ж.Фюсмана, высказанное им в обзоре публикаций по Средней Азии²⁷. Касаясь данной надписи, Ж.Фюсман замечает, что она может читаться *khra devaka*- и означать собственное имя.

Надо сказать, что первая лигатура надписи, фотография которой достаточно четкая, начертана как *k'ha*. Этот же знак теперь засвидетельствован на Кара-тепе еще в трех надписях (№ 36 кх, № 51 кх, № 53 кх).

Что касается лигатуры *khra*, которую пытается прочесть Ж.Фюсман, то она в текстах кхароштки не засвидетельствована, как не существует и имени *khra devaka* ни в индийских, ни в иранских языках.

Таким образом, надпись на рассматриваемом фрагменте следует читать как часть дарственного текста: *khadevaka-viha(ṛa)[mī]* "Государевой вихаре".

№ 32

Фрагмент сосуда размером 5×5 см (ил. 24) был найден в Ю-3 углу первой пещеры комплекса В, в нише. Фрагмент является частью тонкостенного сосуда, покрытого светлым ангобом. Надпись состоит из трех акшар.

Опубликована В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 142-143, ил. 18в), ею же (IUL, с. 26, ил. 24с).

Текст: १५७

Транслитерация: *a-tma-(na/no)*

Огласовка последней акшары неясна. Однако, судя по текстам вотивных надписей, текст на фрагменте следует восстановить либо как *atma-no*, либо как *atmanasa* "свой". Ср. в надписи из деревни близ Багнилаба: *atmanasa sabharya[sa] saputrasa anugraharthae...* "ради своего благополучия вместе с женой и сыном..."²⁸.

Это же слово в форме *atvano* засвидетельствовано в надписи на серебряной пластинке из Таксилы, где встречается формула *atvano arogadakṣinae*²⁹ "ради своего благополучия".

Ср. также формулу *apanage vihare* "в своей собственной вихаре" в надписи из Маникьялы³⁰, где *apanage* есть рефлекс слова *atmanaka*-, трансформированного в *appanaka*-. Форма притяжательного местоимения *appa*- известна в шаурасени. Форма *atmano* засвидетельствована во многих буддийских текстах в формуле *atmano arogadakṣinae ñati-mi-ta-salohidana arogadakṣinae* "Ради своего здоровья и ради здоровья родственников, друзей и кровных сородичей".

Ср. также форму *ata-* (*atta*- < *atma*-) в № 4 кх (ст) и в надписи на печати из Таксилы³¹: *ata-vihare mudrasatasa* "Мудрасаты в его собственной вихаре".

№ 33

Фрагмент сосуда размером 6,1×6,2 см был найден в Ю-3 углу пещеры 1 комплекса В, в нише. Сосуд покрыт светлым ангобом. На фрагменте сохранились две акшары.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 26, без фотографии).

Текст: ६३

Транслитерация:]-aṃ-ta-[

Интерпретация затруднительна.

№ 34

Фрагмент сосуда размером 13,5×7 см (ил. 56) был найден в Ю-3 углу пещеры 1 комплекса В, в нише. Верхняя часть сосуда покрыта светлым, а нижняя – коричневым ангобом. Надпись расположена на коричневой поверхности вдоль линии светлого ангоба.

Опубликована В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 140, ил. 19г), ею же (IUL, с. 26).

Текст: १५

Транслитерация:]-[x]-me-la-[x]-[

Рассматривая эту надпись, следует обратить внимание на то, что сочетание темного и светлого ангоба на этом сосуде отличается от всех остальных, где нижняя часть всегда светлая, а верхняя – темная.

Первое слово на фрагменте № 36а (ил. 18а) и первое слово надписи *iyo* – одна из среднеиндийских форм указательного местоимения (скр. *ayam*). Следующее слово начинается акшарой *ra*. Нижняя часть ее отбита, однако реконструкция *ri*, как мы предполагали ранее, маловероятна. Вторая поврежденная внизу акшара этого слова может быть восстановлена как *ŕ* *ni*. Она близка по форме акшаре *ni* на фрагменте

№ 36б. Чтение *ne*, допускавшееся нами прежде, следует отвергнуть.

Поскольку текст далее обрывается, второе слово можно восстановить как *raṇi[ya]* – “питьевой, для питья”. Это слово засвидетельствовано в ряде надписей в сочетании с *kuṇḍika* – “кувшин для воды”. Причем наряду с сочетанием *rāṇiya-kuṇḍika* (№ 1 кх) встречается и форма *raṇi-kuṇḍiya* (№ 46 кх).

Однако данный сосуд по величине значительно превосходит кундики. Возможно, в надписи употреблено другое название сосуда. В палийских текстах, например, засвидетельствовано название *rāṇīyaghaṭa*³², в надписи из Канхери: *rāṇīyabhājana deyadharma* “сосуд для воды – посвященный дар”³³.

Наши прежние варианты восстановления первого слова как *riṇe* или *riṇṇaghaṭa* теперь следует отвергнуть.

Следующим по порядку фрагментом скорее всего является № 36б (ил. 18б). От первого знака на фрагменте сохранилась только часть. Реконструкция ее затруднительна. Более вероятным кажется восстановление акшары *ŕ* *gho*. Второй знак на фрагменте представляет так называемое угловатое *ḥ* *jha*, написанное с дополнительным диакритическим знаком и обозначающее, видимо, звонкий сибилант *ḥa*.

Следующее слово на этом фрагменте *deyadharṇe* “благочестивое дарение”. Употребление этого термина заставляет предположить в остатках первого слова на фрагменте – имя собственное, оканчивающееся на *-jha(-za)*. Идентификация его с *ghoza(=ghosa)*, предложенная в нашей прежней публикации, представляется вероятным, но недоказанным. В надписях кхароштки слово *deyadharma* вместе с именем засвидетельствовано в надписи из Тор-Дхераи: *shahi-yola-mirasya-viharasvamisya-deyadharma* “Посвященный дар Шахийоламиры, вихарасвамины”³⁴.

От следующего слова на этом фрагменте сохранилась акшара *ni*. С большой долей вероятности можно восстановить здесь слово *niyaide* (пали *niyyadita*-, б.скр. *niryatita*-) – прич. пасс. от глагола *nir + yat* – “давать в обмен, приносить в качестве дара, посвящать”. Ср. *te sa me saṃmukhaṃ śravakasamghasya niryātītā* “Они были в моем присутствии переданы в качестве дара сангхе шравиков”³⁵.

Характерная для эпиграфики форма этого причастия *niyaide* засвидетельствована в надписях кхароштки со словом *danamukha*-, также обозначающим ритуальное дарение. Ср. в надписи на сосуде из Бимарана: *danamuhe niyaide*³⁶.

Первое слово на следующем фрагменте № 36в (ил. 18в, г) частица *va* “ведь, именно, же”. Далее читается *saṃdudimśami*, что позволяет вос-

становить перед № 36в слово *saṃghami*, т.е. здесь имеется в виду известная формула вотивных надписей: *saṃghami-cadudimśami* "сангхе четырех сторон света", в нашем случае употребленная с эмфатической частицей *va*: *saṃghami va caṃdudimśami*. Исходя из структуры вотивных надписей, можно предположить, что после указания предмета дарения, имени дарителя и общины, которой делается дарение, могло следовать указание, в какой вихаре совершается дарение.

Аналогия *khade-* с фрагментом № 31, где, как мы установили, читается *khadevaka-viha(ra)[mi]*, позволяет и эту надпись считать дарственной той же вихаре, т.е. реконструировать ее как: *khade[vaka-viharami]*.

Далее по структуре и логике надписи, видимо, следует фрагмент № 36г (ил. 18д), где сохранились верхние части пяти акшар, которые легко реконструируются как *-caryanamaha-*.

Следующий фрагмент № 36д (ил. 18е) подтверждает чтение предыдущего. Здесь читается *-gana-* и часть акшары *ra*. Таким образом, на последних двух фрагментах восстанавливается известная вотивная формула *[a]caryana-maha[samghī]gana-p[arigrahe]* "для принятия в дар учителями махасангхика".

По-видимому, рассматриваемый текст был построен из двух предложений. Первое предложение заканчивается на слове *parigrahe*. Далее в тексте – лакуна. Затем следует фрагмент № 36е (ил. 19), который завершает надпись.

Первое слово этой части текста представлено остатками акшары, которая скорее всего восстанавливается как *kha*, и акшарой *mi*. Далее ясно читается *sarvasatvanam* "всех живых существ" (ср. № 27 кх).

Следующее слово *ḍaho* восходит к глаголу *ḍah-* "сжигать, опалить" (ср. пали *dāha-* "сожжение"). За ним следует частица *va*. Далее идет слово *ceda-*, которое соответствует пали *cetas/citta* "ум, сердце" (понятие охватывает сферу умственной деятельности и деятельности чувств).

В палийских текстах засвидетельствовано употребление слова *cetas* с глаголом *ḍah-* или *pari + ḍah-*. Ср. *ḍayhamanena kayena cetasa* "им, сгорающим телом и сердцем" или *pariḍaho kayiko cetasiko sa* "сожжение, относящееся к телу и сердцу". Так, например, в "Самьюттаникае": *kamaragena ḍayhami cittam me pariḍayhati* "Страстью любви сгораю, сердце у меня сжигается" ³⁷.

Можно привести и другие примеры, где *cetas-* с глаголом *ḍah-* имеет метафорическое значение: "испытывать мучения, терзаться".

Последнее слово на фрагменте *bhavatu*. Императив 3 л. ед. ч. от глагола *bhū-* "быть".

Принимая во внимание все сказанное, можно думать, что слово *ḍaho* в конструкции *ḍaho-va-ceda-bhavatu* представляет пассивное причастие буд. вр. от глагола *ḍah-*, т.е. *ḍaho < *ḍahyo (=dah + ya)*.

Нельзя, однако, исключить предположение, что *ḍaho* в этом тексте есть существительное в значении "пожар, сожжение", а частица *va* может иметь значение "как, подобно" (= скр. *iva*). Тогда вся конструкция может быть понята как: "Пусть будет, как пожар, сердце!" Однако это толкование не меняет общего смысла надписи.

Что касается слова, оканчивающегося на *-khami*, то его, кажется, наиболее вероятным реконструировать как *[du]khami*.

Таким образом, текст на двух последних фрагментах можно передать следующим образом: "В (страданиях) всех живых существ пусть же будет сожжено сердце!"

Хотя мы не имеем в эпиграфике прямых аналогий этой фразе, ее смысл может быть выявлен сравнением с другими сочинениями. Например, в "Джатакамале" мы встречаем следующее утверждение: *pa paraduḥkhātu-gāḥ svasukhamavekṣante mahākāruṇikāḥ* "Посвятившие себя махакаруне терзаются страданиями других и не думают о своем счастье"³⁸.

Теперь можно дать следующую реконструкцию и перевод всего текста: *i-yo-(pa)-(n)i-[ya]-[ ](gho?)-jha-de-ya-dha-rme-ni-[ya-i-de-saṃ-gha-mi]-va-cam-du-dim-śa-mi-kha-de-[va-ka-vi-ha-ra-mi-a]-ca-(rya)-(na)-ma-(ha)-[saṃ-ghi]-ga-na-(pa)-[ri-gra-he]-[ ]-[du]-(kha)-mi-sa-rva-sa-tva-naṃ-ḍa-ho-va-ce-da-bha-va-tu* "Этот (сосуд) для питьевой воды – посвяtitельное даяние такого-то – передан в дар сангхе четырех сторон света в Госу(даре)вой вихаре для принятия учителями маха(сангх)ика... (в страданиях) всех живых существ пусть же будет сожжено сердце!"

№ 37

Фрагмент сосуда размером 8×5 см (ил. 12)^{*} был найден в Ю-В углу пещеры 1 комплекса В. Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением. На фрагменте сохранилось пять акшар.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 144–145, ил. 21д), ею же (IUL, с. 30, ил. 26а).

Текст: ॐॐॐॐॐ

Транслитерация: *bu-dha-saṃ-ma-ta-[*

Первая часть этого сложного слова *budha-* (скр. *buddha-*), вторая – *saṃmata-*. Это слово засвидетельствовано в пали и гибридном санскрите в значении "рассматриваемый в качестве...", "почитаемый как...", ср. пали *sadhu-saṃmata-* "рассматриваемый как благо". Исходя из этого, мы в нашей прежней публикации пытались выявить смысл сочетания *budha-saṃmata-* через круг значений: "рассматриваемый как Будда". Некоторые основания для этого имеются в тексте "Махавасту", где, в частности, речь идет о почитании бодхисаттвы как Будды. Однако самого термина *saṃmata-* при этом обнаружить не удалось.

Между тем мы обратили внимание на надпись на пьедестале изображения Будды из Матхуры, где среди определений, относящихся к Будде, имелось слово *svamata-* в контексте: *...bhagavato samyaksambuddhasya svamatasya...* "...Бхагавата, Совершенного Будды, сваматы..."³⁹.

Этот же термин употребляется в дарственной надписи из Манкувара, где он дан в сочетании *svamata-aviruddhasya* "не имеющий препятствий, не опровержимый в свамате"⁴⁰ и также относится к Будде.

Как показали издатели обновленного III тома "Корпуса индийских надписей", термин *sva-mata*, означающий "мысль" (учение) о "я", а в

применении к Будде "тот, для кого человеческая личность есть нечто сущее", сопоставим с наименованием известной буддийской школы *svamatiya* (в надписи из Сарнатха *svamyātiya*⁴¹), утверждавшей существование "я" (*sva*-). В пракритизированной форме это слово имеет вид *saṃmatiya*. Именно эта форма распространилась в религиозной литературе и в эпиграфике.

Таким образом, термин *saṃmata* является калькой другого известного термина, относящегося к тому же направлению буддийской мысли, *pudgala-vāda* "учение о личности (*pudgala*)".

Возвращаясь к надписи из Кара-тепе и имея в виду сочетание термина *saṃmata*- со словом *budha*-, есть основания полагать, что этот термин тождествен термину *svamata*- в надписях из Матхуры и Манкувара и означает "учение о бытии „я”", "учение самматиев".

Если наше предположение справедливо, то текст, сохранившийся на фрагменте, может быть реконструирован как часть благопожелания дарственной надписи типа: *budhasaṃmata[sa-puyae]* "ради почитания Будды, стоящего на принципах учения о бытии личности" или "ради почитания Будды сваматы".

Следует отметить, что обе упомянутые выше индийские надписи, содержащие сочетание *buddhasya svamatasya*, относятся к гуптскому периоду⁴². По-видимому, этим же временем можно датировать и надпись из Кара-тепе.

№ 38

Фрагмент сосуда размером 14×5,5 см. (ил. 21) был найден в пещере 3 комплекса В, в завале. Сосуд имел форму блюда, покрытого светло-серым ангобом. Надпись, состоящая из трех акшар, расположена вдоль края венчика.

Опубликована В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 141, ил. 20в), ею же (IUL, с. 30, ил. 2б).

Текст: *лсч*

Транслитерация:]-(su)-kha-ya

Реконструкция *sukhaya* "ради счастья" свидетельствует о том, что надпись votивная и содержит, видимо, конец известной дарственной формулы: *sarvasatvanam hitasukhaya* "ради блага и счастья всех живых существ".

Следует заметить, что эта формула засвидетельствована в надписях в трех разновидностях: в форме *-sukhaya* встречается в надписи из Суи-Вихар⁴³, в форме *-suhae* – в надписи из деревни Паджа⁴⁴ и в форме *-suhartham* – на реликварии Канишки (по-видимому, Канишки III) из Шах-джи-ки-Дхери⁴⁵.

В одной из надписей, найденных в районе Термеза, эта формула засвидетельствована в форме *-suhaye*⁴⁶.

№ 39

Фрагмент сосуда размером 3×3 см (ил. 13в) был найден в пещере 3 комплекса В (в завале). Сосуд покрыт красным ангобом.

Фрагмент опубликован В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 142 без фотографии).

Текст:

Транслитерация:]-[x]-mi

Скорее всего текст представляет часть вотивной формулы: *saṃghami-cadudīśami*. Чтение *viḥarami*, судя по остаткам предшествующей акшары, в данном случае исключается.

№ 40

Фрагмент сосуда размером 13,5×8 см (ил. 34) был найден в пещере 4 комплекса В (в завале). Верхняя часть сосуда покрыта коричневым ангобом, нижняя – светло-желтым. Верхняя поверхность украшена насечками и рельефными треугольниками. Надпись расположена на светлой поверхности вдоль линии темного ангоба.

Опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 31, ил. 12а).

Текст:

Транслитерация: sa-t(u)-[x]-[x]-[

Возможно предположить реконструкцию текста как *catu[diśe]* или *catu[diśami]*, хотя огласовка *u* выражена неотчетливо. Это слово, видимо, является частью вотивной формулы *saṃghami-catudīśami*.

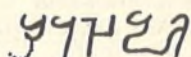
На Кара-тепе эта формула до сих пор встречалась со звонкой акшарой *du* (ср. № 3 кх, № 7 кх, № 36 кх), между тем на Фаяз-тепе засвидетельствована форма *catudīśe* с глухим интервокальным (Фаяз-тепе, № 18).

Эту форму можно реконструировать и в нашей надписи.

№ 41

Фрагмент сосуда размером 10×6 см (ил. 36) был найден в северном коридоре пещеры 5 комплекса Г. Фрагмент покрыт красным ангобом. Надпись, состоящая из пяти акшар, расположена в верхней части тулова.

Фрагмент опубликован В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 143, ил. 22), ею же (IUL, с. 31, ил. 24а).

Текст:

Транслитерация: a-sva-vha-ra-sa

В прежних наших публикациях мы предполагали чтение первой акшары как *o* или *a*. По всей видимости, это все-таки *a*, а черточка *y* основания акшары скорее случайна, так как первый знак несколько смазан. Вторая акшара, соединяющаяся с первой, представляет лигатуру *sva*, засвидетельствованную в этой форме в документах из Нийи⁴⁷.

Третья акшара 𑀧 *vha*. О значении этой акшары велось много споров. По справедливому замечанию Дж.Брафа, акшара *vha* могла употребляться для передачи как звонкого билабиального фрикативного β , так и глухого f ⁴⁸.

В текстах кхароштки известны случаи, где *vha* варьирует с *bha* и *va*. Ср. *bhagavha* (= *bhagava*), *karavhaena* (= *karavakena*).

Следующие акшары *ga* и *sa* трудностей не вызывают. Так что текст на фрагменте читается *asvavharasa*, т.е. род.п. от *asvavhara*.

Можно думать, что каратепинское *asvavhara* воспроизводит слово, засвидетельствованное во всех иранских языках: ав. *aspaḇāta*-, перс. *asa-bāta*-, хс. *aśṣabāta*- бактр. АСВАРО, в документах Крорайны *aspaḇāta*-.

Это слово первоначально означало "всадник" и могло употребляться как титул, относящийся к представителю знати (возможно, военной знати)⁴⁹. Слово было заимствовано в среднеиндийские языки. В форме *asavārika*- оно известно в надписи из Бхархута⁵⁰, в форме *asavātaka*- в надписи из Санчи⁵¹.

Заимствованное в санскрит, слово *aśvavata*- "всадник" засвидетельствовано в словарях Амарасинхи⁵² и Хемачандры⁵³.

Термин *asvavarika*- встречается в надписи брахми из Матхуры: *[bo]-dhilasa putreṇa kauśikiputrena aśvavar[i]ke[na] bodhiyaśena bhagavato mahā-tmano vedikā kārītā priyatā[m] bhagav[a]* "Священная ограда благого, великосущного сделана по приказу асававарики Бодхияши, сына Бодхилы, сына Каушики. Да будет доволен Благой!"⁵⁴. Ясно, что здесь имеется в виду должностное лицо высокого ранга.

Можно думать, что каратепинское *asvavhara*- есть попытка воспроизвести бактрийскую форму этого слова, засвидетельствованную в послекушанский период как АСВАРО. Однако нельзя исключить, что окончание этого слова *-vhara* может быть обязано влиянию ряда ирано-язычных имен типа *tiravhara*-, *horamurdavhara*-. При этом производные от *-bara*, видимо, контаминировались с производными от **-hvaṛaṇa*.

Надпись скорее всего была дарственной. Представляются две возможности ее восстановления: либо как *asvavharasa-[danamukho]* "дар Асвавахары" или "дар всадника", либо как *asvavharasa-[viharami]* "вихаре Асвавахары" или "вихаре всадника". С рассматриваемой надписью следует сопоставить дарственную надпись № 58 кх, где упоминается сын Гондофара, а перед ним слово, оканчивающееся на *-vhara*. Нельзя исключить вероятности, что оба текста имеют в виду одно и то же слово *asvavhara*-.

№ 42

Фрагмент сосуда размером 8×42 см (ил. 25) был найден у западного входа пещерного храма II-II комплекса Г (в завале). Сосуд покрыт светло-желтым ангобом, а венчик и внутренняя поверхность – коричневым. На фрагменте сохранилась надпись, нанесенная вдоль венчика параллельно двум горизонтальным рельефным полосам и состоящая из двух акшар.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 32, ил. 9а).

Текст: *sp*

Транслитерация:]-pu-du-[

Интерпретация затруднительна.

№ 43

Фрагмент сосуда размером 10,5×7,9 см (ил. 14) был найден в С-3 углу двора комплекса Г (в слое золы). Сосуд покрыт красным ангобом без лощения и украшен рельефными горизонтальными полосами. Надпись расположена вдоль этих полос в левой части фрагмента. В правой части фрагмента виден процарапанный знак.

Фрагмент опубликован В.В.Вертоградовой (IUL, с. 32, ил. 11b).

Текст: *32*

Транслитерация: e-(yaṁ)-[

Первая акшара надписи – достаточно четкое e. Второй знак смазан. Он несколько напоминает ya или yaṁ. В прежнем нашем издании мы предполагали чтение eyaṁ как искаженную форму местоимения ayaṁ. Однако эта интерпретация сомнительна. Ясно, что акшарой e начиналась надпись.

Что касается процарапанного знака, то он, очевидно, нанесен позже надписи чернилами и представляет собой соединение мужского и женского благоприятных знаков, известных со времени верхнего палеолита⁵⁵.

№ 44а, б

Два фрагмента сосуда были найдены в помещении Г-1 комплекса Г (в завале). Сосуд покрыт светло-желтым ангобом. Верхний край венчика и вся внутренняя поверхность покрыта коричневым ангобом (ср. № 42 кх). На фрагментах имеется надпись, расположенная вдоль венчика под двумя горизонтальными полосами.

Фрагменты опубликованы В.В.Вертоградовой (IUL, с. 33, ил. 10а, б).

Фрагмент 44а размером 7,5×5,5 см (ил. 49) содержит четыре акшары. Из них вторая и третья неразборчивы.

Текст: *7... 3*

Транслитерация: sa-[x]-[x]-va-[

Фрагмент 44б размером 9,5×5,5 см (ил. 50) содержал, видимо, восемь акшар, из которых теперь различимы только три.

Текст: *ψφζ*

Транслитерация: sa-ga-mi-[

Интерпретация 44а затруднительна. На фрагменте 44б можно предположить реконструкцию sagami-[cadudiśami] при допущении, что в слове sagami не выражена аспирация.

Два фрагмента сосуда размером 8×9 см и 6×5 см (ил. 32) были найдены в южном айване комплекса Г, в Ю-3 углу ниши, расположенной в западной стене. Сосуд покрыт красным ангобом с фигурным лощением. Надпись, состоящая из трех акшар, расположена в верхней части большого фрагмента под тремя рельефными полосами.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 33, ил. 2а).

Текст:

Транслитерация:]-(r)ma paṁ-da-[

Верхняя часть первой акшары повреждена, но она скорее всего восстанавливается как gma (возможность восстановить акшару va менее вероятна). Далее идет интервал в 2 см, затем четко читается paṁda-.

В нашей прежней публикации мы предполагали реконструкцию имени *dharmaṁda*, учитывая, что интервал иногда встречается в надписях кхароштки (ср. № 7 кх, № 26 кх), как и в рукописи пракритской "Дхармапады".

Однако не исключено и другое членение текста: акшара gma может быть концом слова *deyadharmā*, за ним следует имя paṁda, которое может быть восстановлено как paṁda[sa].

Фрагмент сосуда размером 15×11 см (ил. 57) был найден в Ю-3 углу двора комплекса В, в завале. Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением. В правой части фрагмента сохранилась часть ручки. На уровне середины ручки сосуд опоясывают две рельефные полосы. Надпись расположена слева от ручки на 2 см выше ее верхнего основания и содержит 9 акшар. Высота акшары около 1,5 см.

Текст:

Транслитерация: a-yam-pa-ni-kum-di-ya-(bhi)-ks(u)-[

Первое слово на фрагменте (оно же первое слово надписи кхароштки) указ. местоим. *ayaṁ*. Эта форма почти не встречается в надписях кхароштки. Коновом засвидетельствована только одна надпись из Таксилы, где встречается это местоимение: *ayaṁ thuvo* "Эта ступа"⁵⁶.

Форма *ayaṁ* свидетельствует о санскритизации и влиянии надписей брахми, где эта форма является обычной.

Второе слово *panikūṁḍiya* "сосуд для питья" состоит из двух элементов. *pani-* соответствует скр. *pāṇīya-* (пали *pāṇīya-*) "предназначенный для питья, питьевой, питье". Форма *pani-* употребляется в сложных словах наряду с *pāṇīya-*. Ср. скр. *pānigrahin-* и *pāṇīyagrahin-* "принимаящий воду в качестве ритуального дара".

Второй элемент *kūṁḍiya* засвидетельствован в надписях Кара-тепе в форме *kūṁḍika* (№ 1 кх) и *kuḍiya* (№ 3 бр-б-кх). Вариант *kūṁḍiya* свиде-

тельствует о характерном для среднеиндийских языков ослаблении смычного суффиксальной морфемы.

От следующего слова надписи сохранились два знака. Первый из них нечетлив, но общая конфигурация его не противоречит восстановлению

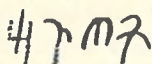
акшары *bhi*, что следовало бы ожидать и по контексту надписи. Это восстановление подтверждается следующей акшарой, ясно читающейся как *kṣa*, по-видимому, с огласовкой *u* (нижняя часть знака повреждена). Тогда слово восстанавливается как *bhikṣ[u]*, и вся надпись относится к обычному типу "владельческой" надписи на кундиках.

Исходя из типологии такого рода надписей из Кара-тепе, полный текст надписи можно реконструировать примерно следующим образом: *ayaṁ-panikūṁḍiya-(bhi)kṣ[u]* [*syā*]- "Этот сосуд для воды монаха..."

Расположение надписи непосредственно слева от ручки сосуда свидетельствует о том, что надпись опоясывала весь сосуд. Скорее всего она была выполнена на двух, а возможно, и на трех алфавитах. Другие части надписи могли воспроизводить тот же текст с соответствующими пространству сосуда сокращениями.

№ 47

Фрагмент сосуда размером 8×11 см был найден в пещерной келье комплекса В, в завале над полом. Верхняя часть сосуда покрыта красным ангобом, нижняя – светло-желтым. На светлом фоне вдоль линии красного ангоба сохранилась надпись, состоящая из четырех акшар.

Текст:

Транслитерация: *i-yo-k[u]-(ḍ)i-*

Первое слово – указ. местоим. *iyo* (скр. *ayaṁ*), уже не раз встречавшееся на Кара-тепе (ср. № 36 кх). Далее сохранилась верхняя часть акшары *ka*. Огласовка неясна, но скорее всего следует предположить чтение *ku* или *kūṁ*.

Остатки следующего знака не препятствуют восстановлению его как *ḍi*, а всего слова – как *kūḍiya* или *kūṁḍiya*.

Сравнивая этот текст с рядом других каратепинских надписей, скорее всего можно предположить на этом фрагменте чтение: *iyo-kūḍi[ya]*- "Этот сосуд для воды..."

По-видимому, эта надпись, как и большинство надписей на кундиках из Кара-тепе, относится к "владельческим" надписям, и полный текст ее можно восстановить примерно следующим образом: *iyo-kūḍi[ya-bhikṣusya]*- "Этот сосуд [для воды монаха]..."

№ 48

Фрагмент сосуда размером 28×16 см (ил. 63) был найден в комплексе В, у входа во двор с востока (в завале). Верхняя часть сосуда покрыта

Надпись, от которой сохранилось 9 акшар, расположена на светлой поверхности вдоль линии красного ангоба.

Транслитерация:]-(gra)-ha-mi i-me-na-ku-śa-la-m[u]-[

Однако в надписи на реликварии Бхагамои, опубликованной Г.Бейли⁵⁷ и рассмотренной Ж.Фюсманом⁵⁸, употреблена другая форма мест.п. этого слова – *parigrahāṃmi*. Как известно, локатив на *-mi*, *-āṃmi* весьма употребителен в среднеиндийских языках наряду с локативом на *-e*. Ср. форму мест.п. *vihāṃmi* от слова *vihara-* на Кара-тепе, тогда как в текстах Фаяз-тепе в аналогичном случае употребляется *vihare*.

Далее на фрагменте интервал 3,5 см. Следующее слово ясно читается *itena* – инстр.п. от указ.местоим. *ayam*. Далее читается *kuśalam*, которое, несомненно, следует реконструировать как *kuśalam[ulena]*.

Во всех случаях установка производится важными придворными лицами, мелкими правителями или организаторами работ: Вагамарегой в вихаре, названной его именем (в ступе), военачальником кшатрапом Лалой, устройтелем работ (навакармикой) Сангхамитрой в царской араме (в ступе). В одной из надписей указана буддийская школа махасангхика.

Во всех случаях эта формула вводит набор благих заклинаний и в известной степени является синонимичной формуле *yad atra punyam tad bhavatu*, появляющейся только в гуптский период в надписях брахми.

В ранних надписях призывы, благие заклинания вплетались в текст основного предложения. Видимо, увеличение набора заклинаний потребовало синтаксического отделения этого набора от основного содержательного текста с помощью особой формулы-конструкции.

В связи с этим представляется возможным реконструировать приблизительную модель рассматриваемой надписи: [deyadharmoyam...saṃghamīcadudīśami-aśaṣyana-mahasamghigana pari](gra)hami-imena-kuśalam[ulena... bhavatu] "[Это священное дарение... сангхе четырех сторон света] для принятия в дар [учителями махасангхика]. С помощью этого корня благой заслуги [пусть это будет для ...]"

№ 49

Фрагмент сосуда размером 5×8 см (ил. 536) был найден в комплексе В, к востоку от входа во двор (в завале песка). Сосуд покрыт красным ангобом с лощением. Надпись расположена вдоль рельефной полосы.

Текст: ॐ

Транслитерация: [x]śa-a

Имея в виду ограниченный набор лексических словосочетаний в надписях, можно предположить реконструкцию известной буддийской дарственной формулы: [agra-padiam]śaa или [agra-bhaga-padiam]śaa "ради благой доли в будущем" (ср. № 60 кх).

№ 50

Фрагмент сосуда размером 6×7 см (ил. 11) был найден в пещерной келье комплекса В (в завале над полом). Верхняя часть сосуда покрыта красным, нижняя – светло-желтым ангобом. Сосуд – тонкостенный. Надпись выполнена по светлому ангобу вдоль линии красного.

Текст: ॐ ॐ ॐ ॐ ॐ ॐ

Транслитерация:]-na-bha-kha-gu-sa-da-(na)-[

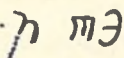
Первое слово *nabha* объяснимо с точки зрения древнеиндийской лексики. Однако значение "небо" не вполне вписывается в контекст рассматриваемых надписей. Есть возможность связать *nabha* с ир. *nafa* "народ, люди". Это слово в записи *navha-* встречается в словосочетании *navha-pati* "владыка людей". Следующее слово *khagusa* есть, видимо, род. п. от *khaḡu*. То, что первая акшара этого слова ॐ написана с диакритическим знаком, обычно передающим фрикативность, позволяет соотнести его с известным именем *Naḡu*. Это имя встречается в надписях из Нанагхата и Насика (Западная Индия) в виде сочетаний *Naḡu-siri*⁶³ и *Maha-haku-siri*⁶⁴.

Следующие два знака читаются как *dana*, хотя последняя акшара сохранилась лишь частично. Здесь можно предположить восстановление слова *danamukha*.

Таким образом, рассматриваемая надпись является дарственной и составлена от лица, видимо, местного донатора, по имени *Khagu* (= *Haku?*) или *Nabhakhagu*.

№ 51

Фрагмент сосуда размером 10,5 × 8,5 см (ил. 54) был найден в пещерной келье комплекса В (в завале). Верхняя часть сосуда покрыта малиновым ангобом, нижняя – светло-желтым. Надпись расположена на светлой поверхности вдоль линии темного ангоба.

Текст:

Транслитерация: *i-uo* (*k*)-[

Первое слово на фрагменте – среднеиндийское указ. местоим. *iyo*. Следующая акшара, сохранившаяся лишь в верхней части, надежно восстанавливается как *ka*. Огласовка не сохранилась, скорее всего была *u*. Нет сомнений, что второе слово надписи восстанавливается как *k[umḍiya]* или *k[umḍika]*.

Исходя из этого, можно заключить, что надпись "владельческая" и может быть реконструирована примерно следующим образом: *iyo-k[umḍiya-bhikṣuya...]* "Этот (сосуд для воды) [монаха...]".

№ 52

Фрагмент сосуда размером 6,5 × 8,2 см был найден в комплексе В. Сосуд покрыт красным ангобом. На фрагменте сохранилась надпись, состоящая из 5 акшар.

Текст:

Транслитерация: *](du)-diśa-mi (kha)-[*

Первое слово надписи достаточно легко восстанавливается как *[cadu]-diśami* и предполагает известную вотивную формулу *saṃghami-cadudiśami* "сангхе четырех сторон света".

Далее в надписи интервал 2,5 см, после которого читается акшара *kha*. Нижняя часть ее повреждена, но конфигурация (наклон нижней вертикальной линии влево) свидетельствует о присутствии диакритического знака, т.е. о чтении *kha*, а не *kha*.

Сопоставление этого текста с № 31 кх и № 36 кх позволяет достаточно надежно восстановить чтение *kha[devaka-viharami]* "государевой вихаре".

Таким образом, рассматриваемая надпись – дарственная, и текст ее в этой части, видимо, полностью совпадает с № 36 кх: *[saṃghami-ca](du)diśami-(kha)[devaka-viharami-acaryana-mahasamghigana-parigrahe]* ["сангхе] четырех сторон света (в вихаре государя) [для принятия учителями махасангхика]".

№ 53

Фрагмент сосуда размером 7,5 × 4,5 см (ил. 7) был найден в северной части пещеры 1 комплекса Д (в завале). Верхняя часть сосуда покрыта ко-

ричевым, нижняя – светло-коричневым ангобом. Надпись расположена на нижней части вдоль линии темного ангоба. Сохранились две акшары надписи.

Текст: 𑀓 𑀕

Транслитерация: *ta-gjha-*[

Хотя часть первой акшары утрачена, чтение ее как *ta* не вызывает сомнений. Вторая акшара 𑀓 *gjha* сохранилась почти целиком. Ср. 𑀓 *gju* в надписи из Тахт-и-Бахи⁶⁵.

Чтение *marjha-* позволяет реконструировать слово *marjha[ka]* (= *marzaka*), видимо, термин иранского происхождения, соответствующий х.-сакс. *malysakä* "казначей".

Этот термин засвидетельствован в эпиграфике кхароштки. Он встречается в надписи на каменной плите близ деревни Зеда⁶⁶. Надпись рассматривалась многими исследователями и требует дальнейшего изучения. В ней говорится о сооружении колодца в качестве священного дара, сделанного во время правления Канишки (по всей вероятности, Канишки III), перед именем которого перечислены его титулы: *murodasa marjhakasa kaniskasa*.

Термин *muroda*, как справедливо отметил еще Ст.Конов, соответствует сакс. *murūḍa* "господин, владыка".

По-видимому, в надписи на Кара-тепе под словом *marjhaka* имеется в виду высокий придворный чин, возможно ведавший казной, от имени которого совершается дарение. Перед словом *marjhaka* могло стоять имя собственное. Тогда надпись может быть реконструирована приблизительно следующим образом: [...]-*marjha[kasa]*[-*danamukho*] "казначей [по имени такой-то священный дар...]"

Однако нельзя исключить и употребление этого термина в наименовании вихары: *marjha[ka-viharami]* "вихаре казначея".

№ 54

Часть сосуда в форме миски с частично сохранившимися стенкой и дном (ил. 16) была найдена во дворе комплекса Д, в нише с остатками скульптуры (в Ю-З углу, над суфой, в завале). Диаметр сосуда в верхней части – 18 см, диаметр дна – 16 см, высота – 7 см. Сосуд толстостенный, неангобированный, днище грубо долеплено. Надпись сделана крупными знаками (около 2,5 см) по краю венчика. Сохранилось шесть акшар и следы седьмой.

Текст: 𑀓𑀭𑀮𑀯𑀰𑀱𑀲

Транслитерация: *[x]-gha-sa-da-na-mu-kha*

Первые две акшары надписи ясно читаются как *-ghasa* и, по всей вероятности, представляют собой конец имени в род. п. Следы знака, со-

хранившиеся перед *-ghasa*, не противоречат восстановлению акшары *sa*.

Далее отчетливо читается слово *danamukha* "благочестивый дар".

Наличие диакритики у акшары *ṣ kha*, видимо, отражает фрикативное произношение этой акшары. О том же свидетельствуют и варианты написания этого слова, известные по надписям: *danamukhe* (№ 56 кх) и *danamuha* (Фаяз-тепе, № 32).

Таким образом, надпись на фрагменте – дарственная и может быть понята как "благочестивый дар такого-то".

№ 55

Фрагмент сосуда размером 3,6×2,8 см был найден в комплексе В, в завале. Сосуд покрыт светлым ангобом. На фрагменте сохранились две акшары.

Текст: *ṣṇ*

Транслитерация:]-va-ṣa-]

Интерпретация затруднительна.

№ 56

Фрагмент сосуда размером 7,5×4,5 см (ил. 51) был найден в комплексе Д. Сосуд – тонкостенный, покрыт светлым ангобом без лощения. На фрагменте сохранилась надпись из пяти акшар.

Текст: *ṣa-na-mu-khe*

Транслитерация: *da-na-mu-khe-saṃ*-]

Первое слово *danamukhe* засвидетельствовано на Кара-тепе в форме *danamukha*. Форма с окончанием *-e* нередко встречается в надписях кхароштки, опубликованных Ст.Коновом⁶⁷. Однако написание этого сло-

ва с акшарой *ṣ kha* (в отличие от обычного *ṣ*) характерно только для Кара-тепе (ср. № 54 кх).

Следующее слово на фрагменте начинается с акшары *saṃ* и может быть реконструировано как *saṃghami*.

Таким образом, надпись является дарственной и может быть восстановлена как *]danamukhe saṃ[ghami cadudisami...]* "...посвятительный дар сангхе четырех сторон света..." Перед словом *danamukhe*, очевидно, стояло имя собственное донатора, а в конце могло быть указание буддийской школы и монастыря.

№ 57

Фрагмент сосуда размером 5,3×2,5 см (ил. 8) был найден в раскопе на северной вершине Кара-тепе. Сосуд – тонкостенный, покрыт светлым ангобом, без лощения. На фрагменте сохранились две акшары надписи и следы третьей.

Текст: 72

Транслитерация:]-[x]-o-ka-[

Восстановление первого знака затруднительно. Не исключено, что это часть Ψ *mi*. Тогда перед двумя сохранившимися акшарами можно предположить *saṃghami cadudīśami*.

Следующее слово *oka* уже засвидетельствовано на Кара-тепе в словосочетании *oka-vihagami*. Возможно, и в данной надписи *oka* входит в то же словосочетание и представляет часть дарственной надписи монастырю под названием *oka-vihaga* "вихара-прибежище". В этом случае рассматриваемый фрагмент надписи можно восстановить как: [*saṃghami-cadudīśa*](*mi*)-*oka*-[*vihagami*].

Вопрос о значении слова *oka* нельзя считать решенным (см. подробнее № 26 кх).

№ 58

Фрагмент сосуда (верхняя часть стенки и основание широкого горла) был найден в раскопе на северной вершине Кара-тепе (ил. 48). Сосуд покрыт красным ангобом с фигурным лощением. Размеры фрагмента 18×22 см. Приблизительный диаметр сосуда – 40 см. На 10 см ниже основания горла расположена надпись, состоящая из десяти знаков.

Текст: 27524771877

Транслитерация:]-vha-ra-gu-la-vha-ra-jha-da-vi-(ha)-[

Первое слово надписи *vhaṛa* достаточно хорошо известно в эпиграфике. Оно представлено в бактрийском как *faro*, *farro*, парф. *farraḥ* (*frḥ*, *prḥ*), перс. *far* (*r*), ав. *xʷarənaḥ* "слава, царственный блеск"; встречается как составная часть собственных имен, например *Hoṛamurda-vhaṛa* букв. "обладающий блеском владыки дара" в надписи из Матхуры. Акшара Ψ *vha*, как было установлено Дж.Брафом, обычно служит в кхароштии для передачи билабиального (глухого или звонкого) фрикативного, т.е. *f* или *β*⁶⁹.

Следующее слово *gulavhara* с тем же элементом *-vhaṛa* является, несомненно, бактрийской передачей имени *gudavhara* или *guduvhara*, известного из надписей кхароштии на монетах.

Переход *d > l* есть фонетическая особенность ряда иранских языков: бактрийского, пашто, мунджанского⁷⁰. Ср. б. *bagolaggo*, др.-ир. *bagadana-ka* "святылище", б. *lizo*, др.-ир. *daiza* "храм, акрополь".

Далее идет слово *jhada*. Первая акшара этого слова Ψ , так называемое угловатое *jha*, представляет фонетически звонкий сибиллянт *za*⁷¹. Таким образом, слово *jhada* воспроизводит б. *ZAΔO*, которое восходит к др.-ир. *zata* – прич. прош.вр. от глагола *zan* "рождать" (скр. *jan*.) и имеет значение "рожденный, сын".

Озвончение интервокальных смычных (в данном случае переход $t > d$) характерно как для среднеиранских, так и для среднеиндийских языков.

Исходя из этого, начало надписи *-vħara-gulavħara-jħada-* можно понять как "...вħара, сын Гулавħары".

Далее в надписи ясно видна акшара 𐭌 *vi* и слабо различимая 𐭎 *ha*, что по аналогии с другими надписями кхароштки, а также в связи с позицией после имени собственного скорее всего свидетельствует о начале слова *viħara*, которое должно было бы стоять в местн.п.

Теперь можно дать следующее чтение и перевод надписи: *]vħara-gula-vħara-jħada-vi(ha)[rami]* "...вħаре [ ]вħары, сына Гулавħары".

По формулярам, характерным для votивных надписей Кара-тепе, полный текст надписи можно реконструировать примерно следующим образом: *[deyadharmoyam-saṃghami-cadudimśami]* [ ] *vħara gulavħara-jħada-vi(ha)[rami-acaryana-mahasamghigana-parigrahe]* "[Это посвяtitельное дарение сангхе четырех сторон света] в вħаре [ ]вħары, сына Гулавħары [для принятия учителями махасангхика]".

Теперь снова обратимся к имени, упомянутому в надписи. Имя *Gula-vħara*, несомненно, является бактрийским вариантом инд. *Gudavħara* или *Guduvħara*, гр. Γονδοφάρης, лат. *Gundaferus* и восходит к др.-ир. *windax^{va}raṇa.

Имя Гондофар достаточно известно и по эпиграфике, и по монетам, и по свидетельствам раннехристианской традиции. В первую очередь следует отметить несколько правителей индо-парфянской династии, носящих это имя.

В настоящее время благодаря новым нумизматическим находкам и исследованиям появились значительные достижения в изучении истории индо-парфянской династии, значение которых трудно переоценить, особенно в связи с их важностью для установления хронологии первых веков нашей эры, в том числе кушанской хронологии.

Исследования Н.С.Дибвойса⁷², А.М.Симонетты⁷³, Б.Н.Мукерджи⁷⁴ и др. позволяют установить в основных чертах очередность правителей в трех основных точках пребывания индо-парфянской династии (Систане, Арахозии и Северо-Западной Индии), а также соотнести некоторых из них с раннекушанскими правителями.

Следует напомнить, что в настоящее время документально засвидетельствованы четыре правителя этой династии, носившие имя Гондофар: Гондофар I Менос, Гондофар II Мегас (в Систане принявший титул αὐτοκράτωρ), Гондофар III Гудана и Гондофар IV, засвидетельствованный лишь одной монетой.

Гондофар I правил, как теперь установлено, с 55 по 50 г. до н.э.

Гондофар II владел территорией к югу от Гиндукуша, и власть его простиралась до Матхуры (где был его сатрап). Важнейшим источником по хронологии Гондофара II является надпись кхароштки из Тахт-и-Бахи.

Надпись читается так:

1. *maharajasa guduvħarasa vase 20 4 1 1*
2. *sambatsarāe tiśatimae 1 100 1 1 1..*

"В год 26-й великого царя Гудувхары, в год 103-й..." (далее в надписи говорится о дарении святилища)⁷⁵.

Эта надпись неоднократно обсуждалась. Теперь установлены даты правления Гондофара II как 20/21–45/46 гг. н.э. – по мнению большинства исследователей, дата 103-й год исчисляется по эре Аза–Викрамы, т.е. от 58 г. до н.э.⁷⁶.

Недавняя находка монет Кудзулы Кадфиза с надчеканами на монетах Гондофара указывает на то, что в какой-то период (между 21 и 46 гг. н.э.) Кудзула Кадфиз отнял у Гондофара район Кабула, но индо-парфянские правители снова завладели Арахозией и Систаном⁷⁷.

Еще один источник, упоминающий Гондофара, – раннехристианские авторы Ориген и Иероним. Они рассказывают о путешествии св. Фомы в Индию и об обращении в христианство царя Гондофара. Эти тексты заслуживают специального (источниковедческого) исследования, тем более что они дают дату обращения – 29 г. после рождения Христа, которая совпадает с установленными теперь датами правления Гондофара II (21–46 гг. н.э.)⁷⁸.

Особый интерес представляет Гондофар III, который известен только по монетам из Систана и Арахозии. Нумизматические данные свидетельствуют, что Гондофар III был, видимо, соправителем Ортагна II. На аверсе его монет имеется греческая легенда: βασιλεως βασιλεων μεγαλου ορθαγνου "Царя царей великого Ортагна". На реверсе – легенда кхароштки: *maharajasa-rajatirajasa-mahatasa-guduvharasa-gudana* "Великого царя, царя царей могущественного Гудувхары из рода гудов"⁷⁹. При этом встречается вариант легенды, где вместо *guduvharasa-gudana* засвидетельствовано *guduvharasa-gudanasa*⁸⁰.

На некоторых образцах имя Гудувхара отсутствует, а есть только *gudapasa*. Издатели этих монет высказывали разные соображения по этому поводу. В частности, высказывалось мнение, что это имя соправителя Гудавхары. Однако точка зрения Дж.Ф.Флита, высказанная им на основе сопоставления ряда аналогичных по структуре легенд, кажется наиболее убедительной.

Из сравнения таких надписей, как б. *shaonano shao kaneshki koshano* "Царь царей Канишка Кушан", кх. *rajatirajasa-devaputrasa-khusanasa* "Царя царей сына бога Кушана", кх. *yavanasa-irilasa-gatana* "Яваны Ирилы из рода гатов", Дж.Ф.Флит, а за ним и Ст.Конов приходят к выводу о том, что *gudana* есть прилагательное в им. п. ед. ч. или род. п. мн. ч. от *guda*, означающего название владения, рода или племени, так же как *kushana* есть прилагательное от *kusha*⁸¹.

Таким образом, Гондофар III, правивший в Арахозии после того, как династия индо-парфянских царей в Северной Индии пала, был владыкой или происходил из владения Гуда (Гада), возможно, в районе Кандагара.

Гондофар IV известен только по одной монете с надписью кхароштки: *gi-a-ja-ga-ha-vha-a-ra* "Царь Гахавхара" (Гондофар)⁸². Монета происходит из Арахозии.

Кроме упомянутых правителей индо-парфянской династии имя Гондофар (Гундафар) засвидетельствовано в ряде памятников раннесасанидского времени: в надписи на Каабе Зороастра⁸³, в надписи Пайкули⁸⁴, а также в надписях на сасанидских геммах. Следует отметить, что в надписи на гемме, опубликованной А.Мордтманом⁸⁵, имя Гундафар относится к начальнику канцелярии, сыну правителя (хидева). Согласно Ф.Жинью, сын Гондофара (*gwndhwh'l'n*) упоминается в неизданной среднеперсидской надписи из коллекции *Ashmolean museum* в Оксфорде⁸⁶.

Известно также позднее (VII в.) имя Гулфар, восходящее к *Gulavhara* и принадлежавшее военачальнику в Капритане⁸⁷.

№ 59

Фрагмент стенки сосуда размером 4,2×3,2 см был найден в Ю-3 части двора комплекса Е, на верхнем полу (в завале) (ил. 60). Сосуд покрыт оранжевым ангобом и опоясан двумя рельефными полосами, над которыми сохранилась надпись, состоящая из двух знаков.

Текст:

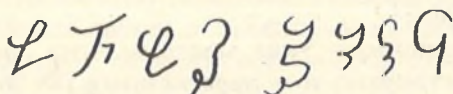
Транслитерация: *j-bha-sa*

По-видимому, на фрагменте представлен конец слова, а возможно, и конец надписи, так как слева от акшары *sa* не видно никаких знаков.

Интерпретация затруднительна.

№ 60

Фрагмент стенки сосуда размером 11×5 см был найден в наземном помещении, расположенном между комплексами В и Г (в завале) (ил. 27). Сосуд покрыт светло-желтым ангобом. Сохранилась надпись, состоящая из девяти знаков. Первые два знака повреждены.

Текст:

Транслитерация: *j-[x]-(kha)-da(m)-ta(m)-sya a(m)-gra-bha-ḡa-[e]-[*

Первое слово надписи, очевидно, представляет имя собственное. Восстановить его однозначно затруднительно. Ясно, что имя оканчивается на *-data* (скр. *datta-*), перед которым восстанавливается акшара *kha*. Носовые гласные в этой надписи следует считать графическими вариантами акшар (подробнее см. с. 20). Окончание *sya* указывает на влияние надписей брахми.

Далее следует слово *agra* (скр. *agra-*, пали *aggha-*) "первый, главный, лучший". Следующее слово – *bhaḡa* (скр. *bhaga-*) "судьба, доля, участь". Выражение *agrabhaḡa* "высшая доля, лучшая участь" является частью буддийской посвятельной формулы. Эта формула встречается в двух видах: *agrabhaḡa bhavatu* "да будет лучшая доля!" или с дат. п. – *agra-bhaḡae bhavatu* "пусть будет для лучшей участи!" Так, в надписи на репликвари из Вардака засвидетельствованы оба эти варианта, причем в первом из них указанная формула сочетается с другой известной форму-

лой, также засвидетельствованной на Кара-тепе: *imena kuśalamulena*. Ср. *imena kuśalamulena maharaja hoveskasa agrabhagāe bhavatu* "С помощью этого корня благой заслуги пусть будет ради достижения высшей доли царем Хувишкой!"⁸⁸.

Формула *agrabhaḡa* иногда дополняется словом *padiyaṃśa* "часть, доля, удел" (скр. *pratyamśa*-), либо слово *bhaga* может быть заменено термином *padiyaṃśa*. Ср. в той же надписи из Вардака: *mahiya sa Vagata-regāsa agrabhagapadiyaṃśae bhavatu* "И для меня, Вагамареги, пусть это будет ради лучшей доли-участи!"⁸⁹.

В надписи брахми из Матхуры встречается сочетание *agrapratyaśatā* в том же значении; *mātāpitṛṇaṃ agrapratyaśatāye bhavatu* "Пусть это будет для (достижения) высшей доли (их) родителями!"⁹⁰.

Характерно, что в надписи из Вардака при перечислении разных лиц и их заслуг термин *agrabhaḡa* во всех случаях относится к высшему разряду лиц – правителям: к Хувишке и Вагамареге, в других случаях употребляется термин *puṇae*.

Таким образом, надпись на фрагменте следует реконструировать так: *(kha)da(m)ta(m)sya a(m)grabhaḡa[e bhavatu]* "(Пусть это будет) ради достижения высшей доли [ ]кхадатой!"

№ 61

Фрагмент сосуда размером 19×16 см был найден к западу от комплекса Е, в свалке. Верхняя часть сосуда покрыта темно-коричневым, нижняя – светло-желтым ангобом. На фрагменте сохранились две акшары, расположенные под линией коричневого ангоба, и следы еще четырех акшар.

Текст: *п. 7*

Транслитерация: *i-yo-[x]-[x]-[x]-[x]-[*

Первое слово *iyo* – среднеиндийское указ. местоим. (скр. *ayam*). На Кара-тепе это слово засвидетельствовано и в дарственных (№ 36 кх), и во "владельческих" надписях кхароштки (№ 47 кх, № 51 кх).

Следы четырех акшар слева от слова *iyo* едва различимы и не дают оснований восстановить текст. По стилю письма надпись близка "владельческим" надписям и скорее всего может быть реконструирована: *iyo-[kumḍika-bhikṣusya...]* "Этот (сосуд для воды монаха...)"

№ 62

Фрагмент сосуда размером 5,5×2,5 см (ил. 62) был найден к западу от комплекса Е, в свалке. Фрагмент покрыт коричневым ангобом с лощением. Сохранилось три знака надписи.

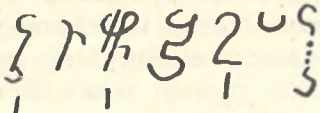
Текст: *3 4 5*

Транслитерация: *]naṃ-mi-saṃ-[*

По-видимому, *-nammi* есть окончание первого слова надписи, стоящего в местном падеже. Следующее слово, начинающееся с акшары *saṃ*, возможно, является частью вотивной формулы *saṃghami-cadudimśa-mi*.

№ 63

Фрагмент сосуда размером 8,5×11 см (ил. 5) был найден к западу от комплекса Е, в свалке. Сосуд покрыт красным ангобом. Сохранилось семь акшар надписи и следы еще двух акшар в начале и в конце текста. Надпись расположена над рельефной полосой, опоясывающей сосуд.

Текст:

Транслитерация:]-*naṃ-ma-hā-saṃ-ghī-ka-(nāṃ)-[*

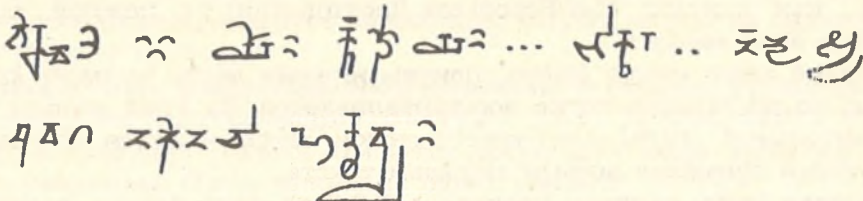
Это чтение позволяет реконструировать известную буддийскую дарственную формулу [*asaṃya*] *naṃ-mahāsaṃghika(naṃ)-[parigrahe]* "(для принятия в дар учите)лями махасангхика". Таким образом, данная надпись регистрирует название буддийской школы махасангхика, которое засвидетельствовано на Кара-тепе еще в двух надписях, где это слово сохранилось частично, но надежно восстанавливается (№ 2 кх и № 36 кх).

2. НАДПИСИ БРАХМИ НА КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДАХ

№ 1

Верхняя часть сосуда шаровидной формы с остатками ручки (ил. 71–74) склеена из 8 фрагментов, найденных в С–3 углу бокового помещения пещерного храма П–I комплекса А (в завале). Диаметр сосуда около 20 см. Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением. На уровне ручки украшен двумя рельефными полосами. Под ними расположена надпись, от которой сохранилось начало, конец и большая часть текста.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 74–75, рис. 44А; с. 78, рис. 45А), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 34–36, ил. 13–15), рассмотрена М.И.Воробьевой-Десятковской (Памятники, с. 42–43, 44), В.В.Вертоградовой (Notes, с. 170), ею же (Некоторые проблемы, с. 23).

Текст:

Транслитерация: (si)-*ddham Om! i-yo-ḥ kuṃ-ṇḍi-ya-ḥ bhi-kṣ(u)-[ ]-naṃ-da-sya-śra-va-ga na-ke-na-ci ha-rttha-vya-ḥ*

Следует заметить, что Т.В.Грек принимала первые четыре фрагмента

за часть одного сосуда (рис. 44 А), а вторые четыре – за часть другого (рис. 46 Б), в этом ей следовала М.И.Воробьева-Десятовская.

На сосуде сохранилась начальная часть надписи (ил. 71–72, 73 в), которая начиналась справа от ручки, и ее завершающая часть (слева от ручки) (ил. 73 а, б, 74). В средней части текста утраченная доля невелика.

Приведем предшествующие чтения начальной части надписи.

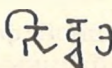
Т.В.Грек: ...tse 23 kuṇḍiyaḥ... bhikṣu (?)

М.И.Воробьева-Десятовская: ...ratha imayoḥ kuṇḍiyah sa bhikṣ[u]

В.В.Вертоградова: ca-rcca-[x]-[x]-yo-ḥ ku-ṇḍi-ya-ḥ bhi-k(ṣu)

Как можно видеть, больше всего трудностей вызывало первое слово надписи. Все три предыдущие чтения этого слова неудовлетворительны. Новые сопоставления и находки привели нас к выводу, что первая акшара надписи (ил. 71), от которой сохранилась только левая часть, а правая сколота, может быть восстановлена как si, а следующая представляет лигатуру ddham.

Слово *siddham* – благопожелательная формула (заклинание), с которой начинаются многие надписи брахми¹. Единственный случай употребления слова *sidhi* (= *siddhi*) в тексте кхароштки известен в плохо сохранившейся фрагментарной надписи, опубликованной Ст.Коновом². На Кара-тепе эта формула встречается еще в двух надписях (№ 26 бр и № 3 бр–б–кх – текст брахми).

Далее следует знак – один из многочисленных вариантов написания сакрального благопожелательного знака "Ом!"³. Аналогичное употребление знака со словом *siddham* мы находим в одной из матхурских надписей Хувишки: *siddha Om!*⁴

На Кара-тепе знак встречается также в № 26 бр. В обоих случаях акшара *si* выделяется поднятием ее над уровнем строки.

Следующее слово *iyuḥ* представляет собой среднеиндийскую форму указ.местоим. *iyu*, обычную для текстов кхароштки. Знак висарги может быть понят здесь как ложная санскритизация.

Далее отчетливо читается *kuṇḍiyaḥ* (наличие анусвары справедливо отмечено М.И.Воробьевой-Десятовской). Слово *kuṇḍiyaḥ* "сосуд для воды, кундика" следует понимать как им. п. ед. ч. м. р. (а не им. п. мн. ч. ж. р., как считает М.И.Воробьева-Десятовская), с ложной санскритизацией в виде висарги.

Далее идет слово *bhikṣu*, причем нижняя часть акшары *kṣu* повреждена, но достаточно легко восстанавливается. За этим словом видны незначительные следы следующего знака. Затем имеется лакуна, соответствующая примерно восьми акшарам текста.

Вторая часть надписи прочитана Т.В.Грек как: *dasya... gatava... carita-ni... harddhabhyaḥ*. Это же чтение приводится М.И.Воробьевой-Десятовской и является неудовлетворительным. Наше прежнее чтение *-dasya śravaga nakenaci hartthavyaḥ*. Это чтение мы принимаем и теперь, с той поправкой, что перед *-dasya* читается еще слог *paṭ*, т.е. читается сло-

во *-namdasya*. При этом появляются более надежные основания реконструировать имя собственное, которое мы ранее предлагали либо считать именем *Namda*, либо восстанавливать как *Dharmanamda*.

Находка надписи № 26 бр с аналогичным текстом, где читается имя *Jīvanamda*, дает основания и в рассматриваемой надписи восстанавливать чтение *[jīva]namdasya*.

Это имя в женском варианте *Jīvanadā* (= *Jīvanandā*) засвидетельствовано в джайнской надписи брахми из Матхуры⁵. Оно было начертано на каменной плите, из которой впоследствии была высечена джайнская скульптура с новой надписью, относящейся ко времени Кшатрапов.

Следующее слово надежно читается как *śṭavaga* (скр. *śṛāvaka*-) "ученик, шравака". Чтение Т.В.Грек *[bha]gavata* полностью исключается.

Далее в надписи следует местоимение *nakenaci* – инстр.п. от *nako-ci* (скр. *nakaścit*) "никто, никакой". Последнее слово надписи *hartthavyaḥ* – пасс. прич. буд.вр. от глагола *harati* "уносить, брать, похищать" с ложной санскритизацией (ср. скр. *hartāvyā*).

Таким образом, чтение сохранившегося текста надписи можно считать установленным. Очевидно, что перед нами надпись о личном пользовании. Она, как и ряд известных теперь надписей этого вида, начинается с благопожеланий: *siddham Om!* Далее текст соответствует № 26 бр и № 3 (бр–б–кх).

После имени *jīvanamda* стоит слово *śṭavaga*, положение которого в контексте надписи остается неясным. Во всяком случае, наши попытки связать слово *śṭavaga* с концом надписи *nakenaci hartthavyaḥ* оказались неудовлетворительными, о чем мы уже писали⁶.

Остается считать слово *śṭavaga* одним из видов род.п., что нередко встречается в среднеиндийских языках, а сочетание *jīvanamdasya śṭavaga* понять как "шравака Дживананды". Тогда, имея в виду интервал перед словом *jīvanamdasya*, можно предположить еще одно имя после слова *bhikṣu*, то есть "монаха по имени такой-то". В этом случае надпись устанавливает принадлежность сосуда ученику (шраваке) Дживананды. Однако это предположение требует дальнейшего исследования.

Выражение *nakenaci hartthavyaḥ* скорее всего является независимым предложением. По смыслу оно относится к сосуду *kumṇḍiyaḥ* и, как во многих владельческих надписях, служит призывом "не уносить, не похищать". Эту часть надписи следует переводить: "Пусть никем не будет унесен!" или "Никому не брать!"

Теперь можно дать следующее восстановление и перевод текста на сосуде: *(si)ddham Om! iyoh kumṇḍiyaḥ bhikṣ(u)[ ][ ][jīva]namdasya śṭavaga nakenaci hartthavyaḥ* "Благо! Ом! Этот сосуд для воды монаха [ ], шраваки Дживананды. Пусть никем не будет унесен!"

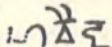
№ 2

Фрагмент сосуда размером 5,2×7,4 см (ил. 87) был найден в С-3 углу бокового помещения пещерного храма П-I комплекса А (в завале). Надпись, состоящая из двух акшар и следов третьей, расположена на свет-

ло-желтой поверхности вдоль линии, отделяющей верхнюю, красноангобированную часть сосуда.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 79, рис. 46 Д), В.В.Вертоградской (IUL, с. 36–37, ил. 23b), рассмотрена М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 45), В.В.Вертоградской (Notes, с. 163).

Текст:

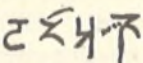
Транслитерация:]-(ha)-vai-da-[

Чтение Т.В.Грек *vaida* – вполне надежно. Интерпретации надписи ею предложено не было. Предпринятые нами реконструкции слова как одной из производных форм от глагола *vid-* остаются в силе. Ср. *vaida-* "знающий", *vaidalya* – один из видов буддийских текстов и др.⁷.

№ 3

Фрагмент сосуда размером 10,5 × 9 см (ил. 82) склеен из двух черепков, найденных в свалке на заднем дворе комплекса А. Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением и украшен двумя рельефными полосами. Надпись, состоящая из четырех акшар, расположена под этими полосами.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 80, рис. 48 В, Г), В.В.Вертоградской (IUL, с. 37, с прорисовкой), рассмотрена М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 46).

Текст:

Транслитерация: *da-nā-pū-ka-* ...[x]-[

Чтение Т.В.Грек *dene pu* (или *pta*) ...*ngu* (или *nta*) кажется неточным. М.И.Воробьева-Десятовская на основе изучения фотографии заключает, что черепки не соединяются, надпись на фрагменте 48 В читается ею как *dānāmu[kha]*, на фрагменте 48 Г – слог *ka*.

Изучение фрагментов в Эрмитаже показало, что они хорошо соединяются и составляют один текст.

Первое слово читается *danā*. Небольшая вертикальная черточка над акшарой *da* с недостаточным наклоном для *e* может быть случайной при написании *da* (ср. № 7 бр).

Третья акшара вполне четкая и читается *rī*. Аналогичное написание встречается в надписи Бадвы из Мальвы (III–IV вв. н.э.)⁸, в матхурской надписи Чандрагупты II (IV в. н.э.)⁹. Это дает основание считать чтение М.И.Воробьевой-Десятовской маловероятным.

Следующая акшара, которая читается при соединении двух черепков, – *ka*.

Далее в надписи лакуна, после которой заметны следы еще одной нечетливой акшары.

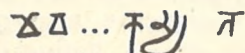
Таким образом, первое слово надписи *danā* означает "дар", второе *rīka* остается неясным.

По-видимому, надпись является дарственной.

№ 4

Фрагмент сосуда размером 7,8 × 8 см (ил. 83) был найден в боковом помещении пещерного храма П-I комплекса А. Сосуд покрыт красным ангобом и украшен двумя рельефными горизонтальными полосами. Надпись расположена между ними и содержит следы восьми акшар.

Опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 79, рис. 48 Б), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 37 с прорисовкой), рассмотрена М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники. с. 46).

Текст:

Транслитерация:]-*ma-va*-[*x*]-[.]*ā-ka-sya* *ta*-[*x*]-[

Т.В.Грек читала в надписи одну акшару *ma*. Ей следует М.И.Воробьева-Десятовская. Однако после *ma* вполне отчетливо видна акшара *va*. За ней следует неясный знак, близкий по очертаниям *ra*, над которым ясно выражена огласовка – долгое *ā*. Далее читаются две акшары *ka* и *ṣya*. Причем знак *sa* представлен довольно поздним вариантом. После *ṣya* как будто следует интервал, за которым видна еще одна акшара, напоминающая *ta*, и следы следующей.

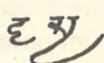
По-видимому, знак *ṣya* служит окончанием первого слова, скорее всего имени в род. п.

Интерпретация надписи затруднительна.

№ 5

Фрагмент сосуда размером 7,3 × 8 см (ил. 77) был найден в свалке на заднем дворе комплекса А. Сосуд покрыт красным ангобом и имел носик, часть которого сохранилась на фрагменте. Сосуд украшен двойной рельефной полосой, проходящей ниже носика. На фрагменте сохранилась надпись, расположенная слева от носика над рельефной полосой.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 76, рис. 44 Б), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 38), рассмотрена М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 43).

Текст:

Транслитерация:]-*da-sya*

Чтение Т.В.Грек *-dasya* вполне корректно, как и предположение ее, что фрагмент надписи есть окончание имени собственного. Сопоставление этой надписи с № 1 бр и № 26 бр позволяет теперь достаточно надежно реконструировать слово [jīvanam]dasya – род. п. от имени собственного jīvanamda.

По форме сохранившегося фрагмента ясно, что сосуд представлял собой кундику.

По типу надписей на кундиках из Кара-тепе можно заключить, что данная надпись "владельческая", и текст ее может быть приблизительно вос-

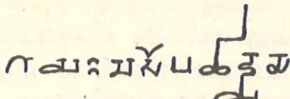

становлен как: [ayaṃ kuṇḍikāḥ bhikṣusya jīvanam]dasya "[Этот сосуд монаха Джива]нанды..."

№ 6

Фрагмент сосуда размером 15,5 × 8,3 см (ил. 65) был найден во дворе комплекса А. Верхняя часть сосуда покрыта красным, нижняя – светло-желтым ангобом. Надпись, состоящая из 9 акшар, расположена вдоль границы красной поверхности на светлом фоне.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 77, рис. 45), В.В.Вертоградовой (КТ IV, с. 78–80, рис. 18), ею же (IUL, с. 38, ил. 22е), рассмотрена М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 43).

Текст:

Транслитерация:]-ga-ya-ḥ-ma-so-pa-cchi-ddya-tu

Чтение Т.В.Грек: *ta* (или *ga*) *yah... paraṇa cchidduṛ*.

Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской: *tāyaḥ ma[u]paccheddyatu*.

Эти чтения представляются нам некорректными, как и наше чтение в КТ IV: *]gayanam-atha-pacchidduṛ*.

Чтение, данное нами в IUL, представляется теперь достаточно надежным. Расшифровку первого знака как *ta*, безусловно, следует исключить. Висарга, очевидно, является знаком словораздела (в надписи нет интервалов между словами). Пятая акшара ясно читается как *sa*. Следующие два знака *pa* и *cchi* также вполне отчетливы, причем огласовка *i* в лигатуре *cchi* выражена прямой вертикальной линией, как и в № 1 бр. Огласовка *e* в данном случае полностью исключается.

Первое слово надписи, возможно, не полное, *-gayaḥ* можно связать с глаголом *gai-* "петь" и предположить реконструкцию [*saṃ*] *gayaḥ* (пали *saṃgayika*) "поющий", "рецитирующий" (буддийский текст).

Далее следует отрицательная частица *ma* (скр. *mā*) и указ. местоимение 3 л. *so*, относящееся к глаголу *pacchidduṛ* – пасс. императив 3 л. от *pacchidati* (скр. *pra + chid-*) – "разрывать, прерывать, обрывать (разговор, речь)".

Дать надежный перевод фрагмента затруднительно. Однако ряд аналогий в гибридных санскритских текстах типа: *ma sma kadacit sangītiṃ vichetsyatha* "никогда не прерывайте рецитацию!" (LV 192.22) или *sangīti ma chetsyatha* "не прерывайте рецитацию!" (LV 193.12) дают некоторые основания интерпретировать текст на нашем фрагменте примерно так: [*yo dharmasaṃ*] *gayaḥ ma so pacchidduṛ* "(кто реци)тирует (дхарму), тот не должен быть прерываем!"

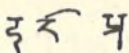
№ 7

Два фрагмента сосуда были найдены в свалке на заднем дворе комплекса А. Сосуд покрыт красным ангобом с полосчатым лощением.

Фрагменты опубликованы Т.В.Грек (КТ I, с. 78, рис. 46 Б, В), рассмотре-

ны В.В.Вертоградовой (IUL, с. 39), М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 44).

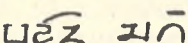
Размер фрагмента 7а – 3,7×4,1 см (ил. 76).

Текст:

Транслитерация: *da-nā pṛ*[-]

Чтение Т.В.Грек: *dane pṛa* (?). Это же чтение приводится М.И.Воробьевой-Десятовской. По нашим наблюдениям, первое слово надписи *danā* "дар". Долгота акшары *ā* ясно выражена и, видимо, является гиперсанскритизацией. Далее через интервал читается знак *pṛ* (чтение Т.В.Грек *pṛa* необоснованно).

Размер фрагмента 7б – 8×8 см (ил. 75).

Текст:

Транслитерация: *]pa-dā-na ma-gam*[-]

Чтение Т.В.Грек: *pi(?)dene... maṇa*. Оно же приводится М.И.Воробьевой-Десятовской.

Первая акшара на этом фрагменте *pa*, далее следует *da* (а не *de*, как считает Т.В.Грек), за ней следует *na*.

После интервала отчетливо читается *magam*-. При этом над акшарой *ga* видна горизонтальная черточка, видимо, знак анусвары.

Интерпретировать надпись затруднительно. Однако весьма вероятно, что в ней содержится слово *dāna* "дар" и, возможно, имя собственное, начинающееся на *maṇa*. Аналогию этому имени мы встречаем в надписи из Матхуры, опубликованной Л.Чандрой и рассмотренной Р.С.Шармой и Д.Сиркаром¹⁰. При расхождении мнений относительно слова *magaka* нам представляется наиболее вероятным видеть в нем собственное имя *Magaka*, соответствующее скр. *Margaka*, а в слове *kuluta* – указание на место, откуда носитель имени происходит. Этой точки зрения придерживался Д.К.Сиркар.

В то же время следует заметить, что мнение Л.Чандры о том, что *Magaka* представляет одну из форм титула *maṛjha*¹¹, кажется необоснованным, тем более что на Кара-тепе засвидетельствован этот термин в форме *maṛjha*[ka] (см. № 53 кх).

№ 8

Фрагмент сосуда размером 11×7 см (ил. 78) был найден в свалке на заднем дворе комплекса А. Верхняя часть сосуда покрыта красным, нижняя – светло-желтым ангобом. Надпись, состоящая из четырех акшар, расположена на светлой части вдоль линии красного ангоба.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 79, рис. 47 Б), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 39, ил. 23а), рассмотрена М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 45–46).

Текст:

Транслитерация:]-(p)ya-pṛa-pṛa-p-[

Чтение Т.В.Грек: *уи ptha pṛa p*

Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской: [*]ya pṛa pṛa ph[ ]*

Можно предположить, что первый знак надписи скорее всего *p*, как и все остальные, и восстанавливается как лигатура *руа* (чтение *уи* необоснованно). Вторая и третья лигатуры, видимо, представляют *pṛa*, как справедливо считала Воробьева-Десятовская. Последний знак также *p*, но огласовка его неясна (чтение *ph* некорректно).

Последовательность знаков не имеет смысла и не является фонетическим словом. Скорее всего это упражнение в письме (различные лигатуры, представляющие комбинации фонем, начинающихся с *p*). Предположение о том, что текст может быть алфавитными таблицами брахми, высказывала М.И.Воробьева-Десятовская.

№ 9

Фрагмент сосуда размером 7,8×5,5 см (ил. 81) был найден в свалке на заднем дворе комплекса А. Сосуд покрыт красным ангобом. Сохранились остатки ручки. Справа от нее – две акшары надписи.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 79, рис. 47 А), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 40), рассмотрена М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 45).

Текст:

Транслитерация:]-(d)dhama-(a?)-[

Чтение Т.В.Грек *dhmatra*. Это же чтение принято М.И.Воробьевой-Десятовской, а также в нашей прежней публикации.

Рассмотрение оригинала надписи позволило заключить, что надпись сохранилась на маленьком пятне красного ангоба. То, что акшары находятся на разном уровне, позволяет заключить, что от первой акшары сохранилась только нижняя часть. То обстоятельство, что надпись сделана на кундике и справа от ручки, позволяет думать, что надпись владельческая и скорее всего начиналась со слова *siddham*, нижняя часть которого представлена на фрагменте (при этом позиция акшары *та* не совсем обычна).

Следующая акшара сохранилась частично. Чтение ее как *tra* кажется сомнительным. Более вероятно чтение *a*.

№ 10

Фрагмент сосуда размером 8,1×1,0 см (ил. 66) был найден в свалке на заднем дворе комплекса А. Сосуд покрыт светло-желтым ангобом. Сохранились нижние части пяти акшар надписи.

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ I, с. 79, рис. 48 А), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 40, ил. 18b).

Текст:

Транслитерация:]-[x]-(gha)-(na)-(sa) sa-[

Т.В.Грек читает только две последние акшары *sa*. Однако вторая и третья акшары довольно легко восстанавливаются как *gha* и *na*, но огласовки их неясны.

Интерпретация надписи затруднительна.

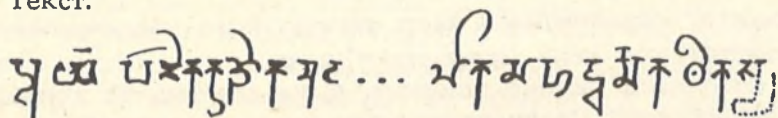
№ 11 а, б, в

Три фрагмента одного сосуда были найдены в разных помещениях Каратепе.

Фрагмент 11а размером 3,0×5,2 см (ил. 79) был найден в С-3 углу двора комплекса А, в завале. Два других фрагмента – № 11б размером 5,6×3,8 см и № 11в размером 4,0×6,2 см (ил. 80а, б) – были найдены в северном коридоре пещерного храма П-І (справа от входа в целлу). Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением.

Фрагменты опубликованы Т.В.Грек (№ 11а – см. КТ I, с. 78, рис. 46Г, № 11б и 11в – см. КТ III, с. 116–117, табл. XXI г, д, последний не виден на фотографии), рассмотрены В.В.Вертоградовой (IUL, с. 40–41), М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 44–45).

Текст:

Транслитерация: *ayaṁ (pa)-ni-ka-ku-ṇḍi-ka-bu-d[dha-]-li-ka-ma-ha-(ddha)-(ṛma)-ka-thi-ka-(sya)*

Первое слово на фрагменте 11а *ayaṁ* было прочитано Т.В.Грек и сомнений не вызывает. Видимо, здесь начиналась надпись. На этом же фрагменте после небольшого интервала видны еще одного знака. Это отмечает Т.В.Грек в первой публикации фрагмента, но в следующей публикации (КТ III) как бы забывает о сказанном и, указывая на совпадение по излому фрагментов № 11а и № 11б, читает текст: *ayaṁ tikakuṇḍik buddha*. Это чтение поддерживается и М.И.Воробьевой-Десятовской, предположившей, однако, перед *tika* выбоину и реконструировавшей здесь слово *[mr]tika-kunḍika* "глиняный сосуд". Изучение оригинала позволяет прочесть первую акшару на фрагменте 11б как *ni*, а не *ti*. Так что первое слово на этом фрагменте *nika* (чтение *tika* следует отвергнуть). Имея в виду сохранившуюся часть последней акшары на фрагменте 11а, слово на стыке этих двух фрагментов можно восстановить как *raṇika*, представляющее гиперсанскритизированную форму, соответствующую пракр. *raṇiya* (пали *rāṇiya*) "питьевой, предназначенный для питья".

Это позволяет нам реконструировать начало надписи как *ayaṃ pānika-kuṇḍika*, что соответствует началу № 1 кх: *ayaṃ pāṇiya-kuṇḍika*.

Следующее слово на том же фрагменте № 11б читается *bud-* и вполне обоснованно реконструировано Т.В.Грек как имя *Buddhaśīra*.

Две акшары, сохранившиеся на фрагменте № 11в, читаются *|li-ka* (перед ними часть надписи утрачена) и являются концом слова. Далее следует *mahāddharmakathika(sya)*.

Таким образом, эта часть надписи, видимо, полностью совпадает с концом надписи № 1 кх, где, как мы установили, читается *-gaḷīka-mahāddharmakathī[kasya]*.

Таким образом, по аналогии с рядом других надписей надпись № 11 бр можно определить как "владельческую". Ее следует восстанавливать так: *ayaṃ (pā)nika-kuṇḍika-buddha[śīra-puga]ḷīka-mahād(dharma)kathika(sya)* "Этот сосуд для воды Буддхаширы, великого проповедника дхармы, личный".

№ 12

Фрагмент сосуда размером 4,4 × 3,4 см (ил. 83а) был найден у северной входной ниши пещерного храма П–II комплекса Б. Сосуд покрыт красным ангобом. Сохранилась надпись из двух акшар.

Надпись опубликована В.В.Вертоградской (IUL, с. 41, ил. 25а).

Текст:

Транслитерация: *]-[x]-ta-sya*

По всей видимости, сохранившаяся часть текста *-tasya* представляет род. п. имени собственного типа *[saṃgharakṣi]tasya*.

По характеру фрагмента надпись, видимо, была сделана на кундике и являлась "владельческой". Предположительно текст ее может быть восстановлен следующим образом: *[ayaṃ kuṇḍiyaḥ bhikṣusya saṃgharakṣi]ta-sya...*

№ 13

Фрагмент сосуда размером 3,7 × 4,5 см был найден на ступени лестницы, ведущей из первой во вторую комнату пещерной кельи комплекса Б. Сосуд покрыт красным ангобом с лощением.

Надпись опубликована В.В.Вертоградской (IUL, с. 42, с прорисовкой).

Текст:

Транслитерация: *]-[x]-ma-[x]-pa-[*

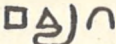
По аналогии с рядом других надписей (особенно № 6 бр) рассматриваемую надпись скорее всего можно реконструировать как *]-ma-[so]-pa-[cchiddya-tu]* "Пусть он не будет прерываем!"

№ 14

Фрагмент сосуда размером 5,0 × 2,6 см был найден на северном дво-

ре комплекса Б (в завале). Сосуд покрыт красным ангобом с полосчатым лощением. Сохранившаяся часть надписи содержит три акшары.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 42, с прорисовкой).

Текст:

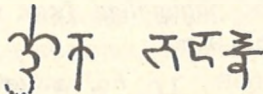
Транслитерация:]-ba-vya-ga-[x]-[

Интерпретация затруднительна.

№ 15

Фрагмент сосуда размером 5,0×5,4 см (ил. 83а) был найден в северном дворе комплекса Б. Сосуд покрыт красным ангобом с полосчатым лощением. Сохранились пять акшар.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 159, ил. 21г), ею же (IUL, с. 42, ил. 25с).

Текст:

Транслитерация:]-(*ndi*)-ka bha-da-nta

Первая акшара частично утрачена, но может быть восстановлена как *ndi*, вторая – достаточно отчетливое *ka* и, видимо, представляет конец слова. Далее следует интервал, после которого можно прочесть слово *bhadanta* "почтенный". Это слово является почетным эпитетом и формой обращения к буддийским монахам.

В эпиграфике слово *bhadanta* засвидетельствовано в Матхуре в кушанский и гуптский периоды, в Бхархуте, в Санчи, в надписи из Косама и др. Ср. в надписи из Матхуры: *deyadharmoyam śakyabhikṣor bhadanta brahmasomasya* "Этот благочестивый дар почтенного Брахмасомы, монаха из Шакьев"¹². Ср. также: *bhadanta jayasenasya āmtevāsiniye dhamaghoṣāye dāno pasado* "(Этот) храм – дар Дхармагхоши, ученицы почтенного Джаясены"¹³.

Г.Людерс отмечает, что термин *bhadanta* во всех надписях служит эпитетом только буддийских монахов и адживиков-аскетов. В джайнских текстах в этой роли он не встречается.

Возвращаясь к надписи, можно восстановить чтение первого слова как слова [*ku*](*ndi*)*ka*. Тогда надпись относится к типу "владельческих" и может быть восстановлена примерно следующим образом: [*ayaṃ ku*](*ndi*)*ka bhadanta*... "[Этот] сосуд для воды почтенного [(имя монаха), личный]".

№ 16

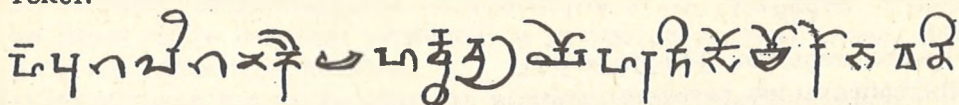
Сосуд шаровидной формы с узким горлом и ручкой (ил. 68–70) был найден в наземной постройке (Х–I), возведенной над пещерным храмом П–II в комплексе Б. Сосуд покрыт красным ангобом. На нем сохранилась надпись, выполненная в одну строку и опоясывающая сосуд в нижней части тулова под линией красного ангоба.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (КТ IV, с. 70–81, ил. 11–13), рассмотрена М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 49), О. фон Хиню-

бером (A Brahmi Inscription, с. 123–125), В.В.Вертоградовой (Notes, с. 164–166), ею же (Некоторые проблемы, с. 23), О. фон Хинюбером (Inscribed Vessels from Buddhist Monasteries in Termez and Salihundam, p. 1–6).

Текст:

Транслитерация: *haṃ-puḡalīga-nakaiṣa-hartthavya-yo-harati-so-coro-bhavati*.

Надпись впервые была прочитана нами так: *rapuḡalīga-nanaiṣa-pacchedya-yo-harati-so-dhore-bhavati*.

Это же чтение было принято М.И.Воробьевой-Десятовской.

Эта надпись после нашей публикации неоднократно рассматривалась нами и О. фон Хинюбером, однако чтение и толкование некоторых слов продолжают оставаться спорными.

Чтение фон Хинюбером первого слова как *rāpuḡalīga* (как и в нашей первой публикации) кажется теперь сомнительным.

Первая акшара надписи представляет собой *ha*, а не *ra*, а горизонтальная черточка над знаком , в которой фон Хинюбер видит выражение долготы (как и мы в нашем первом чтении), скорее всего является выражением анусвары (долгота обычно изображается наклонной чертой вправо, вплотную соединенной со знаком акшары, ср. *hā*), то есть следует читать *haṃ*.

Таким образом, чтение *haṃpuḡalīga* кажется более надежным. Что касается нашего толкования следующей части текста, которая была прочитана в нашей первой публикации как *nanaiṣa*, а фон Хинюбером *na-taiṣa*, то дальнейшее изучение надписи показало, что чтение может быть только *nakaiṣa*, так как вертикальная линия знака имеет продолжение, прерывающееся выбоинами, и знак определенно читается как *ka*.

Последовательность *nakaiṣa* – по-видимому, гибридная форма, соответствующая скр. *nakeṣam*¹⁴, род. п. местоимения *ko* (скр. *kas*) с отрицанием *na*.

В следующем слове, которое и нами, и фон Хинюбером ранее читалось как *pacchedya*, есть основание признать поправку фон Хинюбера, предложившего чтение *harttavua* – герундив от глагола *harati*, скр. *hr-* “уносить”. Однако второй знак слова скорее представляет собой гиперкоррекцию *rttha*, а не *rta*. В этом случае сочетание *nakaiṣa hartthavya* может соответствовать *nakenaci hartthavyaḥ* в надписи № 1 бр. Род. п. мн. ч. *nakaiṣa* употреблен здесь вместо инстр. п., что нередко имеет место в гибридном санскрите¹⁵ и по значению соответствует неопределенному местоимению *nakaiṣaci* (скр. *nakeṣamci*).

Чтение конца надписи *yo-harati-so-coro-bhavati* “кто уносит, тот вор”, теперь можно считать установленным¹⁶.

Возвратимся к началу надписи, где фон Хинюбер восстанавливает чтение (*pā*)[*tra*]*pugaliga* на основе аналогии с надписями из Салихунды типа: (*ra*)*hulasa pāti pogalikā* (№ 56) "Рахулы патри личная", где *pāti* соответствует скр. *pātri*, по мнению издателей¹⁷.

Связь между надписями Кара-тепе и Салихунды (Юго-Восточная Индия), на которую обратил внимание фон Хинюбер, кажется заслуживающей внимания. Связь эта проявляется в указании в надписи на сосуде имени монаха и слова *pogalika* "личный", а также подкрепляется сходством в типе письма между некоторыми надписями Кара-тепе, Центральной Индии и Декана, не раз отмечавшимся нами.

Казалось бы, есть все основания интерпретировать основной тип надписи из Салихунды как "такого-то патри личная". По-видимому, так эти надписи и воспринимались их писавшими.

Однако нельзя исключить предположения о том, что упомянутое ядро надписи имеет в основе термин *patipogalika*, соответствующий б.скр. *pratipaudgalika* "находящийся в личном пользовании одного среди равных" (см. Муласарвастивада-виная IV, 237.16), ср. пали *paṭipuggala* "a person equal to another".

Так что надпись такого типа могла первоначально иметь вид: *rahulasa patipogalika* "находящееся в личном пользовании Рахулы" или "собственность Рахулы". Возможно, со временем подобная структура через ложную этимологию трансформировалась в *rahulasa pati pogalika*, то есть префикс *pati* (скр. *prati*) был осмыслен как *pāti* (скр. *pātri*) "сосуд" и отделился от слова *pogalika* интервалом (употребление зубных и церебральных в этом случае дает варианты). Другие надписи стали писаться по этому образцу.

В этом случае получает объяснение важное противопоставление двух видов надписей из Салихунды: (*ra*)*hulasa pāti pogalikā* (№ 56) – (*a*)*riyasa-ghasa pāt(i) cāratikā* (№ 43) (написание *va* вместо *sa* в слове *cārantikā*, очевидно, является ошибочным). При отождествлении *pāti* с *pātri* текст № 43 не имеет смысла, тогда как при толковании *patiga(m)tika* (от скр. *prati* + *car-* "иметь дело с", "относиться к") в двух приведенных примерах отчетливо видно противопоставление двух видов собственности в буддийских монастырях: распределенной в личное пользование (*pogalika*, *patipogalika*) и общественной (*sāṃghika*).

Возвращаясь к нашему сосуду из Кара-тепе, можно предположить, что начало надписи было списано с образца, где могло быть *patipugalika*, которое при переписке было искажено ложной этимологией и превращено в *haṃ-pugaliga*. При этом *haṃ* могло быть понято как эмфатическая частица (*hey*, *hallo*). Ср. *haṃ samma kunalati* "Эй, совершенный Кунала!" (Jat, № 525).

Тогда текст надписи следует читать так: *haṃ-pugaliga[m]-nakaiṣa-hartthavua-yo-harati-so-coro-bhavati* "Внимание! Личное! Никому не уносить! Кто уносит, тот вор!"

№ 17

Фрагмент сосуда размером 4,3 × 3 см (ил. 84) был найден в наземном помещении Х-2, возведенном над пещерным храмом II-II комплекса Б

(в завале). Нижняя часть сосуда покрыта коричневым, верхняя – светлым ангобом. Надпись сделана на темной поверхности под линией светлого ангоба.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 45, ил. 21a).

Текст:

Транслитерация:]-[x]-*ma-nue-(ma)*-[

Интерпретация затруднительна.

№ 18

Фрагмент сосуда размером 6 × 3 см (ил. 85) был найден в наземном помещении, возведенном над пещерным храмом II-II комплекса Б. Сосуд покрыт светло-желтым ангобом и украшен двумя рельефными полосами. Надпись из трех акшар процарапана вдоль этих полос. Под надписью процарапан знак горы с тремя пиками.

Фрагмент опубликован В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 158–159, с прорисовкой), ею же (IUL, с. 45, ил. 24d).

Текст:

Транслитерация: *dha-ma-(pa)*-[

Первые две акшары на фрагменте вполне отчетливы, третья сохранилась частично, но скорее всего восстанавливается как *pa*. Таким образом, надпись можно реконструировать как *dhama(pa)[lasa]* – род. п. от *dhama-pala* (скр. *dharmapala*-.). Это имя засвидетельствовано во многих эпиграфических текстах.

Определить жанр надписи затруднительно. Скорее всего она была владельческой, но имела не вполне официальный характер, так как была нанесена после обжига.

№ 19

Фрагмент сосуда размером 3,8 × 4,4 см был найден в пещере 4 комплекса В (в завале). Черепок очень тонкий и украшен насечками и рельефными треугольниками.

Фрагмент опубликован В.В.Вертоградовой (IUL, с. 46, с прорисовкой).

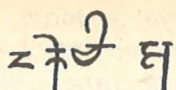
На фрагменте сохранилась одна акшара *ma*.

Интерпретация затруднительна.

№ 20

Фрагмент сосуда размером 8,5 × 5 см был найден в нише с лестницей комплекса В (в завале). Фрагмент покрыт красным ангобом и украшен двумя рельефными полосами. Надпись, состоящая из четырех акшар, расположена ниже этих полос.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 46, ил. 19a).

Текст:

Транслитерация: *na-ke-ci a-*

Первое слово надписи представляет собой среднеиндийскую отрицательную форму им.п. мн.ч. неопределенного местоимения *kośi* (скр. *kaścit*) "никакие, никто".

Первая акшара второго слова, которую в прежней публикации мы приняли за *sa*, следует читать *a*.

Местоимение *nakosī* обычно требует после себя глагола в повелительном наклонении или герундива. Ср. *nakenaci hartthavyaḥ* (№ 1 бр)

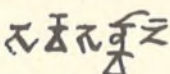
"Пусть никем не будет унесен!" Можно думать, что сохранившийся текст является частью завершающего надпись призыва: "Пусть никто не..." По смыслу здесь скорее всего должно быть: "Пусть никто не уносит!"

Таким образом, надпись следует отнести к типу "владельческих" и предположить перед словом *nakesi* текст типа: "Этот сосуд для воды монаха такого-то".

№ 21

Фрагмент размером 11×5,5 см (ил. 90) был найден в середине двора комплекса Г (в завале). Сосуд покрыт светлым ангобом. Надпись состоит из пяти акшар.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 46, ил. 21b).

Текст:

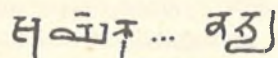
Транслитерация: *(sa)-rva-sa-tvā-nam*

Сложное слово *sarvasatvānam* "всех живых существ" встречается обычно в дарственных надписях, чаще всего в формуле *sarvasatvanam hitasukhaya*. На Кара-тепе засвидетельствована дважды (№ 27 кх и № 36 кх).

№ 22

Фрагмент сосуда размером 6,8×7 см (ил. 67) был найден в комплексе Г. На фрагменте видны остатки ручки. Сосуд покрыт красным ангобом. Надпись опоясывала сосуд на уровне ручки.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 47, ил. 18a).

Текст:

Транслитерация: *a-yaṁ-k[ ]-ta-sya-[x]-[x]-*

Надпись начинается справа от ручки. Первое слово *ayaṁ* "этот". Далее идет акшара *ka*, нижняя часть которой повреждена. По аналогии с другими каратепинскими надписями брахми здесь скорее всего следует восстановить слово *k[unḍika]*.

После этого надпись обрывается. На этом же фрагменте слева от ручки мы можем видеть окончание надписи. Здесь читается *tasya*, скорее все-

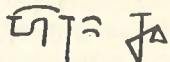

го конец имени собственного типа [saṃgharakṣi]tasya – род.п. от saṃgharakṣita. После этого слова видны несколько акшар, написанных прямо на ручке (видимо, текст надписи на тулове не уместился), но эти знаки почти неразличимы.

Таким образом, рассматриваемая надпись на кундике относится к числу "владельческих" и может быть реконструирована примерно следующим образом: ayaṃ k[unḍika bhikṣusya saṃgharakṣi]tasya [... "Этот со[суд для воды монаха Самгхаракши]ты..."

№ 23

Фрагмент размером 3,4 × 5,1 см (ил. 88) был найден в комплексе Г. Сосуд покрыт красным ангобом. На фрагменте сохранились три акшары.

Текст:

Транслитерация:]-ha-ra-ḥ ddham-[

Интерпретация затруднительна.

№ 24

Фрагмент сосуда размером 6,5 × 3,1 см был найден в раскопе на северной вершине Кара-тепе. Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением. На фрагменте сохранились остатки двух акшар, между ними интервал 2 см.

Текст:

Транслитерация:]-[x]i -b(u)-[

Первый знак представляет огласовку *i* над акшарой, которая утрата.

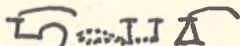
Второй знак напоминает *ba* или *bu*, если правая вертикаль была продолжена вниз.

Интерпретация затруднительна.

№ 25

Фрагмент венчика сосуда размером 12,8 × 7 см (ил. 86) был найден в Ю-3 углу комплекса Е (в завале). Сосуд покрыт оранжевым ангобом без лощения. По форме представляет собой блюдо.

Надпись, от которой сохранились три акшары, расположена на внешней стороне блюда на расстоянии 2,5 см от края венчика.

Текст:

Транслитерация: hā-(y)a-vā-[

Слева от первой акшары на 3 см нет никаких знаков. Так что здесь можно предполагать начало надписи или по крайней мере слова.

Первая акшара ясно читается *hā*. Вторая, частично поврежденная, с наибольшей вероятностью восстанавливается как *ua*. Третья акшара представляет *vā*.

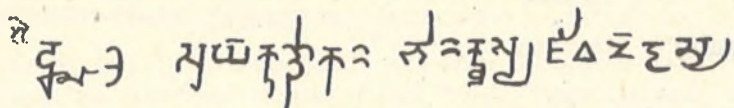
Установить значение текста затруднительно. В данном случае следует напомнить, что слово *hāua* (возможно, здесь записано с ложной долгой в слог *hā*) является синонимом скр. *aśva* "конь" и встречается в эпиграфике в сочетании *haupati* "повелитель всадников" (букв. "владыка коней") как почетный титул правителя Канауджа¹⁸.

В эпиграфике Фаяз-тепе дважды засвидетельствовано наименование *haui-vihara*, где *haui*-, возможно, является сокращенным воспроизведением *haupati*, синонима царского титула *aśvapati*.

Что касается рассматриваемой надписи, то нельзя исключить, что здесь представлено имя собственное. Ср. *Haui-vāhana* – одно из имен Куберы.

№ 26

Фрагмент сосуда размером 12×18 см (ил. 90) был найден в комплексе Д. Сосуд покрыт оранжевым ангобом без лощения, имел шаровидную форму (диаметр около 20 см), узкое горло и, очевидно, ручку. Сохранившийся фрагмент, собранный из множества мелких черепков, представляет, видимо, верхнюю часть сосуда, близкую к основанию горла, которое окружала рельефная полоса. На фрагменте сохранилась надпись.

Текст:

Транслитерация: (si)-ddham Om! a-yam-ku-ṇḍi-ka-ḥ bhi-ḥ-kṣu-sya jī-va-naṃ-da-sya-[-

Первое слово на фрагменте с утраченной первой акшарой, от которой сохранилась только черточка, безусловно, представляет благопожелание *siddham* "благо". Это слово встречается в каратепинских надписях трижды. В данном случае написание его ближе всего к № 1 бр, где акшара *śi* поднята значительно выше лигатуры *ddham*. Слог *Om!* засвидетельствован в той же форме, что и в № 1 бр.

Следующее слово – местоимение *ayam* "этот" – употреблено в санскритизированной форме в отличие от среднеиндийской формы *iyo(ḥ)*, засвидетельствованной в № 1 бр.

Для надписи характерно употребление словораздела в виде пробела. Однако со следующим словом *kuṇḍikaḥ* местоимение начертано слитно. В слове *kuṇḍikaḥ* наблюдается гиперсанскритизация в виде висарги. Она же может служить сигналом конца слова.

Далее идет слово *bhiḥkṣusya* – род. п. ед. ч. от *bhikṣu*, записанное с ложной санскритизацией в виде висарги в середине слова.

Последнее слово на этом фрагменте *jīvanamḍasya* – род. п. ед. ч. от имени собственного *Jīvanamḍa*.

Далее после интервала видны следы еще одной акшары. Естественно было бы ожидать здесь слово *pudgalīyaḥ* "личный". Однако по следам акшары реконструкция первого знака как *p* маловероятна.

Таким образом, рассмотренная надпись, безусловно, является владельческой надписью на кундике и читается так: [si]ddham Om! ayaṃ-kuṇḍi-kaḥ bhiḥkṣusya jīvanāmdasya... "Благо! Ом! Этот сосуд для воды монаха Дживананды..."

3. МНОГОЯЗЫЧНЫЕ НАДПИСИ НА КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДАХ

№ 1

Фрагмент сосуда размером 6 × 4,3 см (ил. 99) был найден у входа в целлу пещерного храма П-II в комплексе Б (на первоначальном полу).

Верхняя часть сосуда покрыта красным, нижняя – светло-желтым ангобом. Надпись, составленная на двух алфавитах, расположена на нижней части вдоль границы красной поверхности.

Надпись опубликована Я.Харматой (КТ II, с. 37–38, рис. 9Б).

На фрагменте сохранился конец индийской надписи и начало бактрийской. Между текстами на разных языках имеется небольшой интервал.

Индийский текст:

Транслитерация:]-(ka)-sya

Бактрийский текст:

Опубликовавший этот фрагмент Я.Харматта полагал, что надпись во-
отивная и обе части ее сделаны одновременно. Сохранившиеся части брах-
ми, где, по его мнению, читалось [.]sya, он считал концом имени соб-
ственного (имени дарителя), текст индийской надписи восстанавливал
как [danam bhikṣusya...]-(.)sya.

Бактрийский текст, как справедливо определил Харматта, читается
boḍḍ-, что дает в индийском варианте соответствие именам, начина-
ющимся с *buddha*.

Эти соображения дали возможность Харматте реконструировать текст
надписи как [danam bhikṣusya buddharakṣi]taṃ-sya.

Подобная характеристика надписи в целом была поддержана В.А.Лив-
шицем. Мы также разделяли ее в нашей прежней публикации. Позднее,
после открытия ряда индийских надписей с именем *buddhaśīra*, мы уви-
дели возможность восстановить это же имя в рассматриваемой надписи
(Notes, с. 161). Теперь это подтверждается рядом новых находок. В поль-
зу этого свидетельствуют также следы знака, сохранившиеся перед окон-
чанием -sya, которые дают основание скорее прочесть -kasya, нежели
-taṃsya.

Что касается жанра надписи, то, как можно теперь видеть, почти все
надписи брахми из Кара-тепе (как и многоязычные надписи) являются

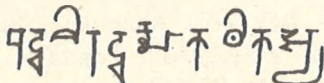
не дарственными, а "владельческими". Так что текст брахми на рассматриваемом фрагменте может быть реконструирован следующим образом: [buddhaśīra-ddharmakathī](ka)sya "(Этот сосуд) Буддхаширы, проповедника дхармы".

Бактрийский текст, видимо, содержал попытку в той или иной форме передать смысл индийского.

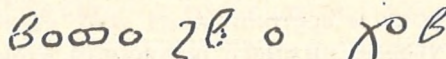
№ 2

Пятнадцать мелких фрагментов, давших при склейке две крупные части одного сосуда, были найдены в верхнем помещении пещерной кельи комплекса Б (ил. 104–106). Верхняя часть сосуда покрыта красным, нижняя – светло-желтым ангобом. На сосуде сохранилась целая надпись, выполненная алфавитом брахми и бактрийским письмом и расположенная на светлой поверхности.

Надпись опубликована Т.В.Грек (индийская часть) и В.А.Лившицем (бактрийская часть) (КТ III, с. 118–121, ил. XXIII а, б), рассмотрена Г.Хумбахом (КТ IV, с. 62–69), М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 46–47), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 47, ил. 20), ею же (Notes, с. 161–162).

Текст брахми:

Транслитерация: bu-ddha-śī-ra-ddha-rma-ka-thi-ka-sya

Бактрийский текст:

По мнению Т.В.Грек, индийская надпись содержит имя *Buddhaśīra* и его звание. Она трактует надпись как "(Дар) Буддхаширы, проповедника дхармы". Это чтение и перевод принимает М.И.Воробьева-Десятовская. Относительно термина *dharmakathika* ею были высказаны справедливые замечания о том, что этот термин означает не должностное лицо и не духовное звание в буддийской общине, а ученое звание.

Наше дальнейшее исследование данного термина и целого ряда связанных с ним контекстов привели нас к заключению, что термин *dharmakathika* скорее всего подразумевает не должность и даже не ученое звание, а специализацию монаха, основанную на его способности к проповеди, и предполагает как обязательное условие способность к красноречию (ср. эпитеты *citrakathī* "красноречивый", *madhurakatho* "сладкоречивый"). Нами также была выявлена определенная связь дхармакатхики с церемонией упосатха, совершавшейся в полнолуние (*dharmakathādivasa*).

Что касается жанра данной надписи, то, исходя из целого ряда надписей на кундиках с именем Буддхаширы, эту надпись следует отнести к числу "владельческих" и трактовать как "(этот сосуд) Буддхаширы, проповедника дхармы".

Бактрийский текст надписи, трактованный В.А.Лившицем как "Будда (=Буддашира), проповедующий благое дело", позднее был автором пересмотрен. Новое толкование В.А.Лившица: "Будды (=Буддаширы) проповедника, собственный (свой)"¹.

Это толкование кажется более обоснованным, исходя из жанра подобных надписей. Однако объяснение имени собственного (т.е. передачи *buddhaśira* как βοδδο) сравнением с иранскими усеченными гипокористиками представляется малоубедительным.

Если сравнить два текста данной надписи (индийский и бактрийский) на фоне ряда других "владельческих" надписей, то становится ясным, что бактрийский текст не передает индийское слово *dharmakathika* "проповедник дхармы", а пытается воспроизвести (в искаженной форме) имя Буддхашира и добавляет лишнее слово "собственный" (бр. *pudgalīyaḥ*). Таким образом вполне очевидно, что бактрийский текст воспроизводит совсем иной блок полного текста владельческой надписи, т.е. не блок *buddhaśira-dharmakathikasya* "Буддхаширы, проповедника дхармы", а блок *buddhaśira-pudgalīyaḥ* "Буддхаширы личный". Ср. этот же блок, представленный в № 15 кх: *budhaśira-(pu)galikasya*, который абсолютно соответствует в данной надписи βοδδοζβ[.]ο-χοβ(ι) "Буддхаширы собственный".

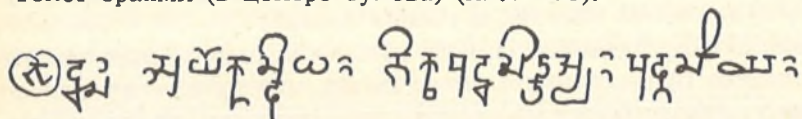
№ 3

Сосуд с шаровидным туловом, узким горлом, отбитым у основания, и отбитой ручкой был найден в пещерной келье комплекса В, в завале над полом². Верхняя часть сосуда покрыта красным, нижняя – светло-желтым ангобом. Высота сосуда до основания горла – 14 см, диаметр тулова – 16 см, диаметр дна – 8 см (ил. 92–97).

На сосуде имеются две надписи, выполненные чернилами. Одна из них, сделанная в одну строку и состоящая из трех частей, опоясывает сосуд в центре тулова, на уровне нижнего основания ручки (ил. 92–96). Другая надпись, также в одну строку, начертана вокруг основания горла (ил. 97).

Надпись в центре тулова состоит из трех текстов, написанных разными алфавитами: брахми, бактрийским письмом и кхароштки. Надпись вокруг горла сделана бактрийским письмом.

Текст брахми (в центре тулова) (ил. 92–93):

Транслитерация: *si-ddham a-yo-ku-ṇḍi-ya-ḥ bhi-kṣu-bu-ddha-mi-ttra-sya-ḥ pu-dga-lī-ya-ḥ*

Первое слово *siddham* – благопожелательная формула, засвидетельствованная в надписях брахми из Кара-тепе (ср. № 26 бр, № 1 бр).

Слово *ayo* – одна из гибридных форм указательного местоимения (скр. *ayam*).

Следующее слово *kuṇḍiyaḥ* "сосуд для воды" (скр. *kuṇḍikā*–) представлено с ослаблением интервокального смычного в суффиксальной морфеме.

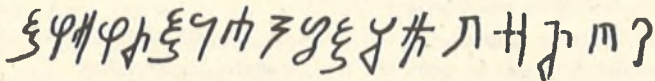
Слово *bhikṣu* "буддийский монах" не оформлено флексией и выступает в качестве квазикомпозиты со следующим словом *buddhamittra-syaḥ* – род. п. от имени *buddhamittra*.

Далее следует слово *pudgalīyaḥ* "относящийся к отдельному лицу, личный" (скр. *paudgalika*–, пали *puggalika*–), по форме прилагательное, образованное от *pudgala*– "личность, индивид, я".

Таким образом, можно дать следующее чтение и перевод надписи брахми: *siddham ayo-kuṇḍīyaḥ bhikṣu-buddhamittrasyaḥ pudgalīyaḥ* "Благо! Этот сосуд для воды монаха Буддхамитры личный".

Справа от надписи брахми расположен бактрийский текст (ил. 94), прочитанный и переведенный В.А.Лившицем как *ετο βοδδοσιρο χοβο*. "Этот (сосуд) собственный (свой) Буддамисры".

Далее следует текст кхароштки, который начинается слева от ручки и соединяется с концом бактрийской надписи (ил. 96, 95).

Текст:

Транслитерация: *a-yo-ku-ḍi-ya-bhi-kṣu-sya-bu-dha-śi-ra-sya-pu-ga-li-ga-sya*

Первое слово *ayo* совпадает с аналогичным местоимением в тексте брахми. Следующее слово *kuḍiya* также соответствует *kuṇḍīya* текста брахми. При этом носовой в кхароштки не выражен.

Далее следует слово *bhikṣusya* – род. п. от *bhikṣu*. В последовательности *budhaśīrasya-pugaligasya* легко выделяется уже известное имя *budhaśīra* и согласованное с ним прилагательное *pugaliga* "личный", по структуре надписи занимающее то же место, что и *pudgalīyaḥ* в тексте брахми.

В рассматриваемой надписи кхароштки мы имеем ошибочное согласование прилагательного *pugaliga* не со словом, обозначающим сосуд, как в надписи брахми, а с именем монаха. В результате текст лишается смысла.

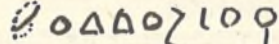
Таким образом, для надписи кхароштки можно предложить следующее чтение и перевод: *ayo-kuḍiya-bhikṣusya-budhaśīrasya-pugaligasya* букв. "Этот сосуд для воды монаха Буддхаширы личного". Очевидно, наносивший надпись на кундику имел в виду тот же смысл, что и надпись брахми: "Этот сосуд для воды монаха Буддхаширы личный".

Бактрийская надпись, нанесенная вокруг горла сосуда, прочитана В.А.Лившицем: *voβixto βuixpo βοδδοσιροοσα* и переведена им: "Написал монах Буддашира"³.

№ 4

Часть сосуда для воды – три больших и множество мелких фрагментов стенок, остатки ручки и носика (ил. 98, 100) – была найдена в западной части комплекса Е (в завале). Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением. В средней части сосуд опоясывают две рельефные полосы. Под ними расположена надпись длиной 19 см. Надпись составлена тремя алфавитами: бактрийским, кхароштки и брахми. Между текстами надписей, сделанных на разных алфавитах, имеются пробелы от 1,5 до 2 см.

Судя по структуре надписей на этом сосуде, все они, видимо, состояли из двух слов каждая.

Бактрийский текст:

Первый знак частично утрачен. По-видимому, утрачено еще одно бактрийское слово, о чем кроме структуры надписи свидетельствует черепок то-

го же сосуда с частью бактрийского знака о. Таким образом, бактрийский текст на сосуде, несомненно, является одной из попыток воспроизвести индийское имя *Buddhaśīra* через *ṛoḍḍoḥīro*, которое записано с метатезой двух последних фонем, т.е. *ṛoḍḍoḥīro*.

Справа от бактрийской надписи расположена надпись кхароштки.

Текст кхароштки:

Транслитерация: *bhi-kṣu-sya-bu-ddha-śī-ra-sya*

Первое слово *bhikṣusya* – род. п. от *bhikṣu* "буддийский монах".

Второе слово *budhaśīrasya* – род. п. от имени *budhaśīra*.

Для обоих слов характерно окончание род. п. *-sya* (как в № 3 бр-б-кх), свидетельствующее о санскритизации.

Справа от надписи кхароштки расположена надпись брахми.

Текст надписи:

Транслитерация: *bhi-kṣu-sya bu-ddha-(śī)-[ra]-(s)ya*

Первое слово надписи аналогично тексту кхароштки *bhikṣusya*.

Следующее слово, очевидно, состояло из пяти акшар, из которых сохранилось целиком две первые и частично третья и пятая.

Первые две акшары читаются *buddha-*. Сохранившаяся часть следующей скорее всего позволяет восстановить *śī* (ил. 100). Четвертый знак не сохранился. После него в верхней части надписи скол, а в нижней – часть росчерка, типичного для акшары *ṣya*, как и в предыдущем

слове. Так что надпись брахми имеет текст, аналогичный надписи кхароштки: *bhikṣusya buddha(śī)[ra](s)ya*.

Сопоставление текстов на данном сосуде позволяет восстановить бактрийскую часть надписи как *[ṛoḥīro]* *ṛoḍḍoḥīro* "монаха Буддхаширы".

№ 5

Фрагмент сосуда с шаровидным туловом размером 22×9,5 см (ил. 107) был найден в раскопе на северной вершине холма Кара-тепе. Сосуд покрыт красным ангобом и опоясан одной рельефной полосой. Над этой полосой видны остатки надписи, некогда выполненной на двух алфавитах: брахми (справа) и бактрийском (слева). Между текстами имеется пробел в 1 см.

Текст брахми:

Транслитерация: *a-pā-pū-[c]hā-[x]-[x]-[x]*

Из шести знаков брахми, представленных на фрагменте, целиком сохранился только первый знак *ṣ* а. Следующий знак достаточно надежно

восстанавливается как *ṣa* na, но так как верхняя часть его повреждена, то можно предположить и чтение *ṣā* nā. Далее ясно читается *ṣu* ri. Четвертый знак, от которого сохранилась только нижняя часть,

может быть только лигатурой *ṣc*ha, при этом не исключена долгота гласного, т.е. чтение *ṣc*hā. Следы еще двух знаков на фрагменте отождествить невозможно. Таким образом, надпись брахми читается *anāpū(c)ṣcā*². Вполне очевидно, что это слово имеет в основе глагол *pucchati* (скр. *pucc-*) с приставкой *ā* и означает "спрашивать позволение", "просить отпуск". В этом значении глагол *āpucchati* встречается в ряде палийских текстов. Ср. *...milindo rājā utthay' āsanā theram nagasenam āpuccitvā...pakkami* "...царь Милинда, поднявшись со своего места и спросив позволения у тхеры Нагасены... удалился"⁴.

Этот же глагол с отрицательной частицей *a-/an-* употребляется в буддийских сочинениях обычно в форме деепричастия *anāpuccā* и является синонимом глагола *an-apaloketi*.

Примечательно, что в отрицательной форме оба глагола известны только в двух контекстах: *acariyaṃ anāpuccā* "не спросив позволения у наставника"⁵ и *bhikṣusangham anapaloketvā* "не спросив позволения у сангхи"⁶.

Более широким контекстом для глагола *anāpuccā* в палийской "Винае" является вопрос о самовольной отлучке необученных монахов, которые отправляются в четыре стороны света, не спрашивая позволения у наставника. Согласно тексту "Винаи", учитель должен спросить их, куда и с кем они идут. Если они собираются идти с таким же необученным монахом, то наставник не должен позволять им этого⁷.

Возвращаясь к надписи на сосуде, можно предположить, что она содержит одно из предписаний не совершать какого-либо действия (например, присвоения или выноса из монастыря сосудов) без разрешения наставника или сангхи.

В этом случае текст брахми на нашем фрагменте может быть восстановлен как: *[acariyaṃ] anāpūcchā* "не спросив разрешения у наставника" или *[bhikṣusangham] anāpūcchā* "не спросив разрешения у сангхи монахов".

Несмотря на краткость, надпись достаточно надежно датируется палеографически. Первая акшара *ṣ* a характерна для надписей V в., например для надписи Кумарагупты I из Матхуры⁸. Акшара *ṣu* ri также типична для гуптских надписей V в.⁹

В правой части фрагмента сохранились следы трех знаков бактрийского письма.

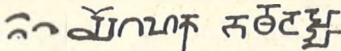
№ 6

Фрагмент сосуда размером 26 × 15 см (ил. 101–103) был найден к западу от комплекса Е, в свалке. Верхняя часть сосуда покрыта красным, нижняя – светло-желтым ангобом. На фрагменте сохранилась надпись, расположенная на нижней части вдоль границы красной поверхности. Надпись

составлена на двух алфавитах: брахми (в правой части фрагмента) и кхароштки (в левой части).

По-видимому, надпись на сосуде начиналась текстом брахми, который опоясывал сосуд слева направо до встречи с текстом кхароштки, идущим справа налево.

Текст брахми:

Транслитерация: *i-yo-ga-ha-ka bha-rtha-da-mma-[-*

Первое слово *iyo* (скр. *ayam*) – указ. местоим., неоднократно засвидетельствованное в этой форме на Кара-тепе.

Следующее слово *gahaka*, среднеиндийское по фонетическому облику, можно соотнести с скр. *grāha-*, *grāhaka-* "получающий, берущий, содержащий, заключающий". В значении "ритуальный сосуд" слово *graha-* засвидетельствовано в Дхармашастрах Ману (V, 116) и Яджнавалкьи (1, 182), где это слово упоминается в списке предметов, предназначенных для очищения водой.

Далее в надписи читается *bharthadamma-*. Это сложное слово, состоящее из двух компонентов. Первая часть *bhartha-* скорее всего может быть сопоставлена с скр. *bhṛtha-* "приношение", "пожертвование". Кажется очевидным, что слово *bhartha* есть попытка воспроизвести санскритскую форму на основе среднеиндийской. Вторая часть *damma* является индийским (пракритским) наименованием монеты, многократно засвидетельствованным в эпиграфике в виде *dama*, *damma*, *dramma* и воходящим к греческому названию δραχμή "драхма".

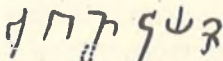
Монеты с легендой брахми, содержащей слово *damma* (*dramma*), были распространены в основном в областях, наиболее подвергшихся влиянию позднеантичной культуры: на территории Западной Мальвы, Махараштры и Карнатаки.

Самые ранние монеты с этим названием известны со времени Яудхеев (III в. н.э.); это наименование представлено в надписях Чалукьев и в средневековых надписях, тамильских и каннада, где оно выступает в форме *dramma* и *dirama*¹⁰.

Таким образом, сложное слово *bhartha-damma* может быть передано как "драхмы в качестве пожертвования" или "пожалованные драхмы". Ср. термин *dāya-dramma* "драхмы в качестве дара или пожалования" в надписях из Каннады.

На этом текст обрывается. Не имея контекста, мы не решаемся перевести эту часть надписи более связно, чем: "Этот сосуд „граха" ...пожертвованные драхмы..." Однако едва ли могут быть сомнения, что в надписи речь идет о денежном пожаловании.

Теперь обратимся к другой части надписи, составленной алфавитом кхароштки.

Текст кхароштки:

Транслитерация: *i-me-na-ku-sa-la-[-*

Надпись кхароштки воспроизводит известную буддийскую посвятельную формулу: *itena-kuśala[mulena]* "с помощью этого корня святой заслуги..." Эта формула уже засвидетельствована на Кара-тепе (см. № 48 кх).

Сопоставляя две части текста на сосуде, можно заключить, что надпись была дарственной. Обе части ее – брахми и кхароштки, видимо, составляли один текст. Первая часть (брахми) указывала предмет дарения – денежное пожалование. Вторая часть (кхароштки) содержала вотивную формулу: "С помощью этого корня святой заслуги пусть будет то-то и то-то!"

Таким образом, части надписи, записанные разными алфавитами, не дублируют, а дополняют друг друга.

4. НАДПИСИ НЕИЗВЕСТНЫМ ПИСЬМОМ НА КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДАХ

№ 1

Три фрагмента одного сосуда были найдены в круглой яме глубиной около 40 см, расположенной в Ю-З углу маленькой комнаты (2,0 × 1,8 м) пещеры 1 комплекса В.

Сосуд тонкостенный и покрыт очень светлым (почти белым) ангобом. Верхняя часть сосуда покрыта охристым ангобом. Надпись сделана на светлой поверхности под линией темного ангоба. По-видимому, надпись имела более чем одну строку.

Фрагменты опубликованы В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 160–167, ил. 24 а, б, в), ею же (IUL, с. 49–51, ил. 21 б, с).

Фрагмент 1а размером 5,3 × 3,2 см (ил. 109а) содержит два знака надписи.

Текст:

Первый знак (табл. 1, № 1), соответствующий № 9 надписи DN III¹ и имеющий в исходном виде форму греч. Λ , дается в кара-тепинской надписи с иным диакритическим знаком – двумя косыми чертами, направленными влево от основной части знака. Этот диакритический знак засвидетельствован в № 8 , № 26 , № 37 надписи DN III, а также неоднократно встречается в других надписях неизвестным письмом, обнаруженных в Средней Азии.

Второй знак на этом фрагменте (табл. 1, № 2; нижняя часть знака слегка повреждена, но конфигурация достаточно ясна) соответствует № 4G надписи DN III. Кроме того, этот знак встречается в DN V², которая была выбита на камне справа от DN III. При этом нам представляется, что близкие по конфигурации знаки и (DN III, № 5F и E) со скругленной верхней частью и знак (№ 4G) с остроугольной верхней частью скорее являются графическими вариантами

одного и того же знака. Типологические параллели такого рода отождествления встречаются во многих алфавитах мира. Ср. кхароштки Ашоки Υ и Υ cha³, коринфский греческий Υ и Υ ps⁴. Интерпретация знака Φ как лигатуры, составленной из знака Υ и неизвестного знака, кажется маловероятной. Скорее всего Υ и Φ (с вариантом Φ) являются самостоятельными знаками. По-видимому, тот же знак в форме Φ представлен в надписи неизвестным письмом из Сурх-Котала (СК, № 26)⁵.

Фрагмент 16 размером 5,2 × 4,2 см (ил. 109б) имеет три знака надписи.

Текст: Υ Φ Υ

Первый знак на этом фрагменте (табл. 1, № 3) аналогичен № 37 надписи DN III и дается с тем же диакритическим знаком. Этот знак можно сопоставить с кхароштки Υ na.

Знак Φ (табл. 1, № 4) соответствует № 10 надписи DN III, где он представлен пятью образцами и соответствует № 23, 30 и 31 надписи СК. Не возникает сомнений, что во всех случаях выступает один и тот же знак. Образец, засвидетельствованный на Кара-тепе, нанесенный ясно и старательно, показывает, что исходный знак имеет форму Φ , соответствующую № 10 С и D надписи DN III и № 31 надписи СК. Остальные засвидетельствованные формы даны с диакритическими знаками.

Знак Υ (табл. 1, № 5) сопоставим с № 19 надписи DN III, где он изображен как Υ . Ж.Фюсман предполагает, что знак № 19 – неполный, и видит возможность рассматривать его как вариант № 14 Е, т.е. Υ . Между тем КТ № 5 подтверждает корректность написания этого знака в DN III и невозможность отождествления его с № 14 Е.

На фрагменте 1в размером 5,2 × 3 см сохранились два знака (ил. 109в). Верхний знак $\{$ (табл. 1, № 6), по-видимому, соответствует № 23 надписи DN III, т.е. $\{$. Нижний знак (табл. 1, № 7) сохранился частично и может быть предположительно восстановлен либо как h , т.е. как соответствующий № 6 А и В надписи DN III и № 19 надписи СК, либо как h , т.е. как № 7 С–F надписи DN III⁶. Аналогичный знак засвидетельствован на хуме из Халчаяна в форме h и на сосуде из Теккуз-тепа в форме h ⁷.

Соотношение знаков № 6 и № 7 надписи DN III пока недостаточно яс-

но. Таким образом, из семи знаков рассмотренной надписи все семь соответствуют знакам надписи DN III. Два или три из них имеют также аналогии в надписи СК, один – в надписи из Теккуз-тепа.

№ 2

Фрагмент сосуда размером 6,2 × 7,0 см (ил. 112) был найден в пещере 1 комплекса В. Сохранилась часть стенки у основания горла. В верхней части фрагмента видны две рельефные полосы. Под ними расположена надпись-граффити, от которой сохранились три знака.

Фотография фрагмента опубликована Б.Я.Стависким (КТ IV, ил. 17а, без пояснений).

Текст:

Первый знак (табл. 1, № 9) соответствует знаку , т.е. № 29 надписи DN III и № 28 надписи СК. Однако на Кара-тепе он представлен с диакритикой – короткой вертикальной чертой, слегка наклоненной влево. В этой же форме знак встречается в надписи из Фаяз-тепе (см. табл. 2, № 8), без диакритики – в надписи из Зар-тепе.

Второй знак (табл. 1, № 8) сопоставим с № 3 С надписи DN III.

Третий знак (табл. 1, № 10) соответствует последнему знаку надписи № 4 из Кара-тепе. Однако, из-за того что нижняя часть этого знака отбита, полной уверенности в тождестве этих знаков нет. В других надписях неизвестным письмом знак незасвидетельствован.

№ 3

Фрагмент сосуда размером 5,5 × 7 см (ил. 111) был найден в комплексе Б, в восточном айване, рядом с базой угловой колонны. Фрагмент покрыт светло-желтым ангобом. Надпись сделана в два ряда. В верхнем ряду сохранилось три знака, в нижнем – следы трех знаков.

Текст (верхняя строка):

Первый знак надписи (табл. 1, № 11) соответствует № 25 надписи DN III и № 27 надписи СК, засвидетельствован и в других надписях из Средней Азии. На Фаяз-тепе и Теккуз-тепа представлен с диакритикой – двумя косыми черточками влево (см. табл. 2, № 11).

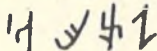
Второй знак (табл. 1, № 7) известен в DN III (№ 7) и в СК (№ 19), где представлен несколькими разновидностями (см. табл. 2, № 7). В Теккуз-тепа этот знак встречается в той же форме, что и на Кара-тепе , в надписи из Халчаяна – с другой диакритикой .

Третий знак (табл. 1, № 12) в основной форме засвидетельствован в надписях из Фаяз-тепе и Зар-тепе, на Теккуз-тепа – с другой диакритикой. Этот знак встречается еще в одной надписи (№ 4) из Кара-тепе с диакритикой в виде одной черты .

№ 4

Фрагмент сосуда размером 8×5,5 см (ил. 110) был найден к западу от комплекса Е, в свалке. Фрагмент представляет собой венчик тонкостенного сосуда, покрытого красным ангобом. Надпись состоит из четырех знаков. Между третьим и четвертым знаками имеется пробел. Надпись выполнена на расстоянии 2 см от края венчика.

Текст:

Первый знак (табл. 1, № 13) соответствует № 21 надписи DN III, встречается в надписях из Хатын-Рабата и Гиссара. В Теккуз-тепа дан с иной диакритикой .

Второй знак (табл. 1, № 12) представляет собой знак (ср. № 3 н.п.) с диакритическим знаком – наклонной чертой влево от основной вертикали.

Для следующего знака скорее всего можно представить в качестве основной формы. В надписи DN III и надписи из Халчаяна (табл. 2, № 14) этот знак начертан как , т.е. с одной косой черточкой в качестве диакритики. В рассматриваемой нами надписи из Кара-тепе диакритика представлена в виде двух косых черт .

Последний знак надписи частично поврежден. Можно допустить, что он аналогичен знаку (табл. 2, № 10), уже встречавшемуся на Кара-тепе (№ 2 н.п.). Однако, имея в виду, что слева от знака на фрагменте различима еще вертикальная черта, не исключена возможность восстановления знака как , т.е. как № 9 из Даште-Навура и № 1 из Кара-тепе.

5. НАСТЕННЫЕ НАДПИСИ КХАРОШТХИ

№ 1

Надпись-граффити длиной 8 см при высоте букв 3 см была обнаружена на северной стене южного пещерного коридора в комплексе Б (ил. 121). Надпись была сделана рядом с вырезанным на стене оплечным изображением мужской фигуры в профиль. Изображение было опубликовано Б.Я.Стависким (КТ II, с. 22–23, рис. 5 Б, прорисовка). Надпись транслитерирована Т.В.Грек без интерпретации (КТ III, с. 117), опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 52, ил. 29).

Текст: $\S \S$

Транслитерация: *ce-di*

Чтение, предложенное Т.В.Грек, достоверно и соответствует ср.-инд. *ceti* с озвончением интервокального смычного.

Слово *ceti* встречается в среднеиндийских текстах параллельно с формами *cetika*, *cetiya* (скр. *caitya*-). Это слово имеет много значений, включающих одно общее: "объект почитания". В буддийских текстах это слово применимо к святилищу (ср. *sāpalam namo cetiyam* "святилище (чайтья) под названием Чапала"¹), ступе или ее составным элементам и даже к лицу, которому оказывается почитание, в частности к Будде и бодхисаттвам. Ср. *sarvalokasya-cetiyo* "объект почитания всего мира" (по отношению к Будде)² или *loka-cetiyaḥ* "объект почитания мира" (по отношению к бодхисаттве)³.

В дарственных надписях из Юго-Западной Индии и Андхры слово *ceti* употребляется для обозначения представителя одной из буддийских школ — четиявада (*cetiyaavāda*)⁴, являвшейся ветвью школы махасангхика.

Наконец, слово *cedi* известно как наименование страны и одной из индийских народностей в Западной и Центральной Индии наряду с мала-вара, гурджара и др.

Однозначно решить вопрос о значении этого слова в надписи на стене затруднительно. Трудно прежде всего сказать, связана ли надпись с мужским изображением, тем более что изображение воспроизводит иконографически достоверный образ представителя хионитской знати, аналогичный, как это показал Б.Я.Ставиский при публикации рисунка, изображениям на хионитских печатях IV-V вв.

Если надпись независима от изображения, что представляется более вероятным, то она могла дублировать граффити ступ, вырезанные на стенах некоторых помещений Кара-тепе⁵.

№ 2

Надпись-граффити длиной около 1 м при высоте знаков около 4 см была обнаружена на северной стене южного пещерного коридора комплекса Б (ил. 122–124). Надпись местами утрачена.

Впервые надпись была описана Т.В.Грек (КТ III, с. 117), которая считает, что в ней различимы только несколько акшар, включая *dī* и *ta-ha*.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 52, ил. 28b).

Нам представляется, что текст первоначально содержал по крайней мере 20 акшар. Некоторые из них сохранились, но текст в целом реконструировать не удастся.

Вот приблизительная последовательность акшар:]-di-[x]-ta-ja-[ ]-da-na(?)-sa-[x]-[x]-ya-ka-[x]-tra/na(?)-ha-[x]

№ 3

Надпись-граффити длиной 9 см при высоте знаков 5 см была обнаружена на восточной стене восточного коридора комплекса Б (ил. 125). Надпись состоит из трех акшар, последняя слегка повреждена.

Опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 53).

Текст:

Транслитерация: *bu-dhdha-(ya)-[*

Первые две акшары ясно читаются *budhdha*-. Особенностью написания этого слова является то, что над второй акшарой *dha* надписана такая же акшара *dha* с длинной вертикальной линией. По-видимому, в этой надписи засвидетельствовано неграмотное написание слова *buddha* с попыткой выразить лигатуру *ddha* по типу лигатур в письме брахми, поскольку обычный способ записи этого слова в кхароштки *budha*.

Следующая акшара, от которой сохранилась лишь часть, достаточно ясно восстанавливается как *ya*.

Так что надпись скорее всего может быть восстановлена как *budhdha(ya)*. Слово *budhdha(ya)* – дат.п. от имени *budhdha* (бр. *buddha*), скорее всего представляет часть известной ритуальной формулы *namo buddhāya*, предназначавшейся для призыва Будды.

№ 4

Надпись-граффити длиной 21 см при высоте знаков 3,5 см была обнаружена в комплексе Б, на задней стене восточного входа в пещерный храм П-V комплекса Г (ил. 132–133).

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 53, ил. 28a).

Текст:

Транслитерация: *a-ta-pa-bo/bu-dha-ra-ta-[x]-[x]-[x]-[x]-[x]*

Первое слово *ata* может соответствовать ср.-инд. *atta* (пали *atta*, скр. *atman*-) "сам", "я", "индивид". Иногда употребляется в значении "свой, собственный" (но в этом случае чаще встречается *attano*). Ср. в надписи кхароштки *ata-vihare mudrasatasa* "(дар) Мудрасаты его собственной ви-харе".

Следующее слово *rabodha* или *rabudha*, если допустить, что нижняя часть акшары при вырезывании на стене осталась незавершенной и может быть восстановлена как *bu*.

Слово *rabudha* (скр. *prabuddha*) означает "пробужденный", "просветленный", "бодрствующий" (в буддийских текстах употребляется по отношению к нравственной жизни). Этот же смысл имеет слово *rabodha* "пробуждение", "мудрость".

Следующее слово *rata* может соответствовать пали *rata* (прич. от глагола *gamati*) "стремящийся к", "посвятивший себя".

Далее видны еще следы трех акшар, но едва ли можно быть уверенным в их чтении (ср. нашу попытку реконструкции последнего слова этой надписи в IUL, с. 53–54).

Так что достаточно надежно читается начало надписи: *ata-pab(o/u)dha-rata...* "стремящийся к собственному пробуждению..."

Не пытаясь дать окончательный перевод текста, приведем один из возможных смысловых контекстов, который может быть близок настенной надписи. Это одна из гатх "Дхаммапады"⁶:

*suppabuddhaṃ pabujjhanti
sadā gotamaśāvakaṃ
yesaṃ divā ca ratto ca
bhāvanāya rato mano.*

"Высшим пробуждением пробуждены
всегда ученики Готамы.
Днем и ночью их мысль
устремлена к медитации".

Приведенное изречение было известно во многих вариантах. В тексте палийской "Дхаммапады" таких вариантов было шесть (с подстановкой вместо слова *bhāvana* "медитация" других терминов, обозначающих цели, к которым должен быть устремлен разум пробужденного: *buddha*, *dhamma*, *saṃgha*, *kāya*, *ahiṃsa*), в тексте "Дхармапады" из Патны⁷, относящейся к школе махасангхика, – три: *ahiṃsa*, *bhāvana*, *kāya*.

№ 5

Надпись-граффити была обнаружена в западном пещерном коридоре комплекса Д, на потолке. Длина надписи 5,8 см при высоте знаков 6 см (ил. 136, 139). В той же части пещеры расположены бактрийские надписи и различные рисунки-граффити (ил. 138–140, 145, 146).

Текст:

Транслитерация: *saṃ-gha*

Чтение *saṃgha* "сангха" сомнений не вызывает.

Надпись была намеренно перечеркнута (видимо, еще в древности) рядом косых штрихов, так же как и соседняя, возможно индийская, надпись, состоящая из трех акшар, не различимых за поздними штрихами.

Можно думать, что надписи были перечеркнуты специально противниками буддизма, посетившими пещеры после буддийских паломников.

№ 6

Надпись-дипинти, выполненная красной краской, была обнаружена в восточном пещерном коридоре комплекса Д, на южной стене (ил. 134–135). Длина надписи 1,4 м, высота знаков 5 см. Надпись расположена под живописным изображением. Она была сделана, видимо, во всю длину изображения и состояла примерно из 25 акшар.

Живопись почти полностью утрачена. Сохранилась часть округлых контуров и заполнение розоватого тона. Нельзя исключить, что на стене было изображение Будды. От надписи сохранилось девять акшар (вместе), поврежденных в нижней части (три из них почти не различимы), и две акшары на расстоянии 30 см и 50 см от первых, но расположенные на том же уровне, т.е. относящиеся к той же строке надписи.

Текст: E ९५७५६५

Транслитерация:]-sa-[x]-[x]-tra-ni-va-ri-na-[x]-tra-[

Чтение достаточно ясно, однако без контекста установить значение отрывка пока не удастся. Представляется возможным выявить в тексте производные от глагола, соответствующего пали *vareti* или *nivareti* "удерживать", "препятствовать". В специфически буддийских контекстах глагол *nivareti* выступает в значении "удерживать от зла (*pāpa*) или от невежества (*tamo*)". В гибридных буддийских текстах существительное *nīvaraṇa*, производное от того же корня, употребляется в значении "препятствие в нравственной жизни". Ср. *nīvaraṇāpagataṃ cittaṃ* "ум, освободившийся от препятствий (грехов)"⁸.

Эти предварительные наблюдения позволяют предположить, что надпись представляла изречение религиозно-этического содержания, которое было заимствовано из буддийского сочинения.

6. НАСТЕННЫЕ НАДПИСИ БРАХМИ

№ 1

Надпись-граффити длиной 20 см при высоте знаков 3 см была обнаружена на южной стене южного пещерного коридора комплекса Б (ил. 119). Надпись состоит из семи акшар.

Опубликована Т.В.Грек (КТ III, с. 116, табл. XXIV), В.В.Вертоградовой (IUL, с. 55, ил. 27).

Текст: महेस्वराधर्मस्य

Транслитерация: *ma-he-s'va-ra-dha-rma-sya*

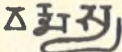
Чтение, предложенное Т.В.Грек, представляется вполне надежным. Что касается интерпретации, то Т.В.Грек считает слово *maheśvara* одним из имен бога Шивы. Поскольку *dharma* означает "закон, учение", то такая интерпретация толкает на предположение о надписи шиваита на Каратеpe.

Между тем имя *maheśvara* встречается в текстах как имя (эпитет) многих богов, в том числе Будды¹, бодхисаттв, якш. В связи с этим есть все основания предполагать, что в данном случае *maheśvara-dharma* скорее всего означает "дхарма Будды", а все сложное слово может относиться к типу бахуврихи, т.е. иметь буквальное значение "приверженец учения Будды" и в этом значении употребляться как имя собственное. На это последнее указывает род. п., в котором стоит имя.

№ 2

Надпись-граффити длиной 14 см при высоте знаков 3,5 см была обнаружена на южной стене южного пещерного коридора комплекса Б (ил. 120).

Надпись опубликована Т.В.Грек (КТ III, с. 116, табл. XXV), рассмотрена В.В.Вертоградовой (IUL, с. 55).

Текст:

Транслитерация: *dha-rma-sya*

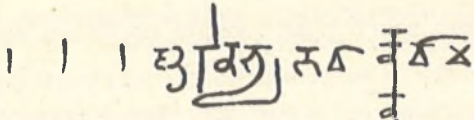
Т.В.Грек рассматривала это слово в его основном значении "дхарма". Однако родительный падеж скорее указывает на то, что слово употреблено как имя собственное *Dharma*. Это имя засвидетельствовано во многих буддийских текстах: в "Махавасту"², "Дивьявадане"³ и др.

№ 3

Надпись-дипинти длиной 40 см при высоте знаков 3,5 см, выполненная красной краской, была обнаружена на западной стене восточного пещерного коридора в комплексе Г (ил. 129–131). Надпись связана с живописным изображением, нанесенным красной краской.

Текст надписи сохранился в виде трех фрагментов. На первых двух фрагментах в левой части надписи видны остатки нескольких акшар. Сохранившаяся правая часть надписи содержит девять акшар.

Надпись опубликована В.В.Вертоградовой (IUL, с. 56, ил. 29–31).

Текст:

Транслитерация: *i[ ]i-(sya)-[ ]i[ ]ā-ri-ta-sya-bha-vā-rtta-vā-ma-[*

В левой поврежденной части надписи видны огласовки трех акшар в виде вертикальных линий, обозначающих звук *i*. После одной из них надежно восстанавливается лигатура *sya*.

В правой части надписи первое слово читается *āritasya*, род. п. от *āritā* "вражда". Далее можно выделить сложное слово *bhavārta* (= *bha-va+ārta*) "несчастный по природе или по рождению". Следующее слово *vāma* либо имеет значение "левый, низкий", либо представляет часть слова *vāmana* "карлик". Далее часть надписи утрачена.

Таким образом, текст сохранившейся части надписи может быть передан примерно так: "...вражды. Несчастный по рождению, низкий..."

Скорее всего данный текст представляет собой изречение, возможно, гатху назидательного содержания.

№ 4

Надпись граффити длиной 15 см при высоте знаков 3 см была обнаружена на западной стене восточного обходного коридора комплекса Б (ил. 126). Надпись состоит из трех акшар.

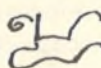

Текст:

sa-ha-sra

Транслитерация: *sa-ha-sra*

По типу знаков надпись относится к разновидности алфавита брахми, называемой *kuṭiḷa* (или *siddhamātrka*), распространенной в VII – начале VIII в. в Западной Индии. Для этого стиля характерна изогнутая форма вертикали знака, острый угол между вертикалью и горизонталью, а также дополнительные зигзагообразные линии, украшающие основную форму акшары.

Первый знак надписи слегка поврежден в нижней части. Однако конфигурация его легко угадывается как *sa*. В основной форме знак встречается в надписях Западной Индии, а также Цейлона и Юго-Восточной Азии (Аракан). В левой части знака видна дополнительная изогнутая линия, служащая украшением.

Следующий знак вполне отчетлив и читается *ha*. Он представлен в основной форме с орнаментацией в виде двух зигзагообразных линий.

Последний знак, частично поврежденный, представляет комбинацию согласного со слогом *ga*. Скорее всего знак можно прочесть как *sra*.

Таким образом слово, вырезанное на стене, следует читать *sahasra* "тысяча".

По общему стилю письма рассматриваемая нами надпись достаточно близка паломнической надписи, высеченной на стене святилища одного из храмов Чандрабхаги⁴. Надпись датируется исследователями примерно 700 г. К этому же времени можно отнести паломническую надпись из Кара-тепе.

Приложение I

ИНДИЙСКИЕ НАДПИСИ ИЗ ФАЯЗ-ТЕПЕ В СВЕТЕ ЭПИГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА КАРА-ТЕПЕ

Раскопки буддийского памятника на Фаяз-тепе, проводившиеся под руководством Л.И.Альбаума, в настоящее время завершены. Они предоставили исследователям более 30 индийских надписей на керамике, опубликованных М.И.Воробьевой-Десятовской.

Почти все надписи из Фаяз-тепе составлены письмом кхароштки. Только два фрагмента содержат остатки знаков брахми.

Учитывая близкое территориальное расположение двух буддийских центров – Кара-тепе и Фаяз-тепе (около 1 км) и многие сходные черты в характере сохранившихся там предметов буддийского культа, сравнение индийской эпиграфики этих двух памятников представляется чрезвычайно важным для изучения распространения и функционирования буддизма в районе правобережной Бактрии в начале нашей эры, тем более что на территории Средней Азии мы не имеем других памятников этого времени, дающих систематический индийский эпиграфический материал.

В связи с этим нами рассмотрены все изданные М.И.Воробьевой-Десятовской надписи из Фаяз-тепе в сравнении с каратепинским материалом. Это изучение, проведенное по опубликованным фотографиям (в большинстве случаев достаточно четким), привело нас к выводу, что некоторые из них требуют либо полного пересмотра, либо уточнения чтения некоторых знаков. Этому посвящен настоящий раздел.

Нумерация дается по изданию: *Воробьева-Десятовская М.И. Памятники письмом кхароштки и брахми из Советской Средней Азии. – История и культура Центральной Азии. М., 1983 (далее – Памятники).*

№ 13

Надпись на внутренней стороне крышки реликвария. Публикации: *Воробьева-Десятовская М.И. Новые находки, с. 125, рис. 4; она же. Памятники, с. 35.*

Текст: १५५५५५

Транслитерация: *sa-gha-si-na-ce-ra*

Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской *saghasenasa taṣena* и перевод "По страстному желанию Сангхасены" представляется некорректным.

Третья акшара определенно имеет огласовку *i* в виде длинной черты, а не *e*, что было бы выражено как *se*.

Слово *saghasina*, по-видимому, есть вариант *saṃghasena*, возможно, под влиянием местного произношения, т.е. закрытое *ē* фонетически приближалось к *i*, что порой отражалось и в графике, ср. запись брахми *vakhudivah* < *bag-xudew*.

Слово *sanghasena* засвидетельствовано дважды в "Чулавамсе" в качестве наименования буддийской обители. Ср. *Sanghasena-parivena* (Cv. I. 70) и *Sanghasena-pabbanta* (Cv. I. 86).

По-видимому, *saṃghasena* является именем собственным. Таковым квалифицирует его и М.И.Воробьева-Десятовская.

Следующее слово читается достаточно ясно. Пятая акшара представляет собой *se*, а последняя *ga*. Таким образом, вся надпись читается: *saghasinacera*, т.е. *saghasina* + *acera*.

Слово *āsega* (пали *āsega* наряду с *ācariya*) представляет одну из среднеиндийских форм, соответствующих скр. *ācārya*.

В пали слово *acera* засвидетельствовано в "Джатаках", причем лишь в стихотворных частях (гатхах), тогда как в более позднем прозаическом тексте употребляется слово *ācariya*.

Ср. гатху из "Вессантара-джатаки" (№ 547):

*aḥaṃ paṭiṇ ca putte ca āceram iva manavo
aṇuṭṭhita divarattim jatiniṃ brahmacārinī.*

Исходя из сопоставления стихотворных и прозаических частей джатак, упоминающих это слово, можно было бы думать, что слово *asega* является стяженной формой, обусловленной требованием метра. Из рассматриваемой надписи можно заключить, что *asega* есть обычная разговорная среднеиндийская форма, тогда как *acariya* – более официальная, литературная. Ср. дублиеты в палийских текстах: *assega* и *accariya* "удивительный".

Слово *āsega* означает "учитель, наставник" и подразумевает наставника высокого ранга в буддийской общине, существовавшего наряду с *upajjhāya*. С термином *āsega* (*ācariya*) как знатоком и толкователем учения связан термин *ācariya-vāda* как обозначение толка или секты, отклонившейся от основного учения.

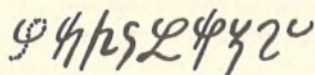
Возвращаясь к рассматриваемой надписи, можно думать, что надпись на реликварии *saghasinacera* относится к одному из популярных на Фаяз-тепе учителей, наставлявших монахов.

Этот тип надписи на реликварии хорошо известен в древней Индии.

№ 14

Фрагмент тонкостенного сосуда. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 35, рис. 2.

Текст:

Транслитерация: *ma-ha-sa-gi-ga-na-pa-ri-(g)[rahe]*.

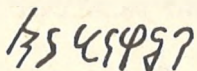
Чтение издателя: ...*mahasaghigana + pari[rahe]*.

Следует заметить, что четвертая акшара ясно читается *gi*, а не *ghi*, а пятая содержит черту вправо от основной вертикали.

Этот знак, характерный для документов из Нийи, скорее всего указывает на фрикативный характер звука. Утрата придыхания у знака *ghi*, нехарактерная для индийских текстов, видимо, свидетельствует о влиянии местного произношения. Эти поправки не меняют общего смысла надписи: "Для принятия (учителями) махасангхика".

№ 15

Фрагмент тонкостенного сосуда. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 35–36, рис. 2.

Текст:

Транслитерация: *a-nu-ga-(ta?)-tra-da-dhi-[x]-[*

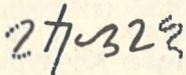
Чтение издателя ...*saṃgha-dakṣinaye di...* и перевод "...в дар ради свободы от привязанностей..." – неубедительны.

Первое слово *anuga(ta)* может быть причастием от глагола *anu + gam* "сопровождать, следовать, соответствовать, подражать". Далее можно выделить слово *atra* "здесь". Затем отчетливо читается *dadhi*. Значение отрывка определить без контекста затруднительно, но, видимо, здесь представлена не стандартная буддийская формула, а изречение.

№ 16

Фрагмент тонкостенного сосуда. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 36, рис. 2.

По мнению автора публикации, надпись состоит из двух строк. Верхняя от нижней отделена чертой. Однако следов верхней строки на фрагменте не видно.

Текст:

Транслитерация: *(sa?)-ha-yaṃ-vi-(ha)-[*

Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской *[a]rtha hāyaṃti* и перевод "...ради оставляют" представляются необоснованными.

Первый знак надписи не вполне отчетлив. Однако чтение *rtha* исключается. Скорее можно предположить *sa*. Следующий знак читается *ha*, но выраженность долготы сомнительна, хотя слева от акшары *ha* замечен знак в виде точки. Далее читается *yaṃ*. Следующий знак определенно представляет собой *vi* с поврежденной основной вертикалью и более тонкой линией огласовки *i*. Чтение *ti* в данном случае исключается. Последний знак, лишь частично сохранившийся, можно восстановить как *ha*.

Тогда текст надписи скорее всего следует восстановить как [x]-*ha-yaṃ-vi-(ha)-[re]* "Хайя-вихаре". Таким образом, надпись является дарственной с упоминанием названия вихары. Наименование *haya-vihara* записано в этой надписи с избыточной анусварой, что нередко встречается в эпиграфике кхароштки.

№ 17

Фрагмент стенки сосуда, покрытого оранжевым ангобом. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 36, рис. 2.

Текст: 2772

Транслитерация: *ha-ya-vi-ha-*[

Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской *haya raḥa* и предлагаемая реконструкция [*su*]*haya paṛha[ta]* "да не будет разбит ради счастья" представляются неубедительными.

Чтение третьей акшары надписи, очевидно, *ṛ* vi, а не *ṛ* ra, поскольку *ra* должно иметь длинную левую вертикаль. Ср. Фаяз-тепе, № 14: *ṛ* ra (в слове *paṛigrahe*). Известны в текстах только следующие виды знака *ra*: *ṛ* и *ṛ*. Оба они с длинной левой вертикалью.

По всей видимости, в данном случае следует восстановить слово *viha-[re]*.

Надпись № 17 скорее всего аналогична надписи № 16, в которой акшара *ya* была записана с добавочной анусварой, что часто наблюдается в графических вариантах кхароштки. Ср. *caduḍiśami* и *caṃḍuḍiṃśami*.

Таким образом, обе рассмотренные надписи – дарственные и читаются соответственно: *hayaṃ-viha[re]* и *haya-viha[re]*.

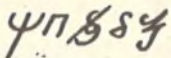
Слово *haya* является одним из синонимов ср.-инд. *assa*, скр. *aśva* "конь". Ср. два синонимичных наименования палийской сутры: *haya-sutta* и *assa-sutta*. Следует также напомнить термин *hayapati* "повелитель коней" (= *aśvapati*), являющийся почетным титулом и засвидетельствованный в эпиграфике применительно к правителю Канауджа Девапале. Как считает издатель надписи Ф.Кильхорн (EI. 1892. Т. I, с. 132), термин означает "владыка всадников"⁴. Исходя из этого можно допустить, что вихара получила наименование по своему основателю – высокому придворному чину *haya-pati* (ср. титул *asvavarika* примерно с тем же значением и термин или имя *asvavhata* на Кара-тепе).

№ 18

Надпись на фрагменте сосуда, покрытого оранжевым ангобом с сетчатым лощением. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 37, рис. 3.

Текст: 1844

Транслитерация: *ca-tu-diṃ-śe*

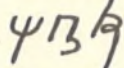
Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской: ...*catu diṣe*... В написании третьей акшары автор публикации видит росчерк акшары *di*, т.е. орнаментацию. Однако скорее всего мы имеем здесь определенно выраженную анусвару, выполненную с широким росчерком. Ср. более лаконично выполненную надпись из Кара-тепе № 36: *caduḍiṃśami*, в то время как надписи из Кара-тепе № 3 кх и № 28 кх дают форму без анусвары:

 di.

Характерно, что все надписи Кара-тепе представляют мест. п. со среднеиндийским окончанием *-mi*, тогда как надписи Фаяз-тепе сохраняют форму на *e*, как в данном случае. Следует отметить также употребление глухого интервокального *t* в рассматриваемой надписи, тогда как все остальные случаи в этом слове обнаруживают озвончение.

№ 19

Фрагмент большого сосуда со следами ангоба, без лощения. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 37, рис. 3.

Текст:

Транслитерация: *ɟrvi-yaṭ-mi*

Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской *diyammi* "я даю" кажется необоснованным.

Первая акшара надписи не может быть *di*, которая в надписях из Фаяз-тепе передается как (с загибом верхней части вправо), а представляет типичную форму *gva* с огласовкой *i* в виде вертикальной черты: *gvi*.

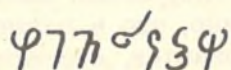
Акшара *gva* засвидетельствована в этой форме в надписи из Суи-Вихар времени Канишки, в надписи из Таксилы и в двух надписях из Кара-тепе: № 36 кх и № 27 кх .

Таким образом, рассматриваемую надпись следует читать *-gviyaṭmi*, что дает возможность надежно реконструировать слово *[pu]gviyaṭmi* - мест. п. от *puṛviya* (б. скр. *purvika*) "первый, прежний".

Это слово засвидетельствовано в эпиграфике в сочетании *puṛviyaṭmi divase* "в первый день".

№ 21

Фрагмент сосуда, покрытого темно-красным ангобом с сетчатым лощением. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 38, рис. 5.

Текст:

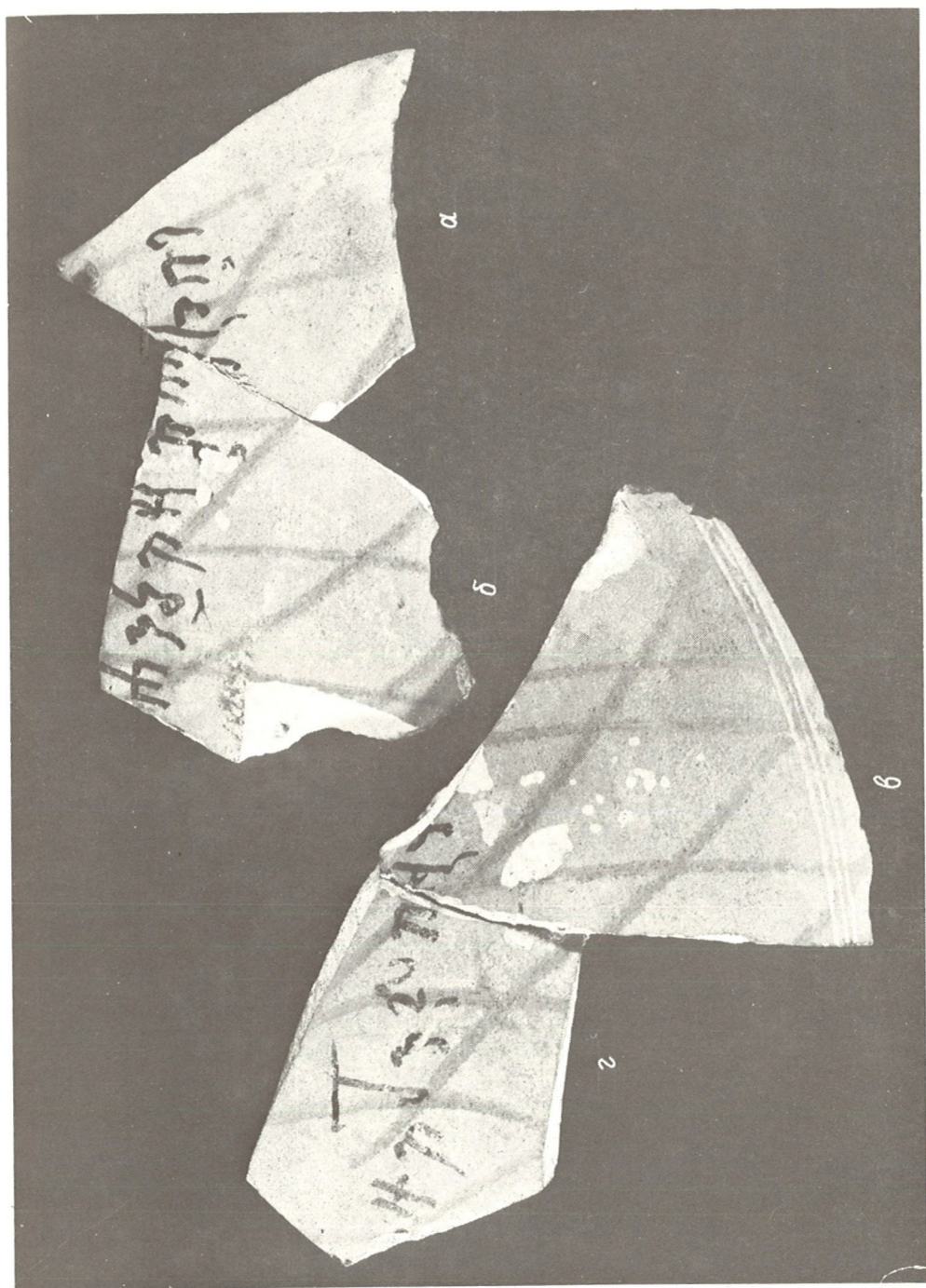

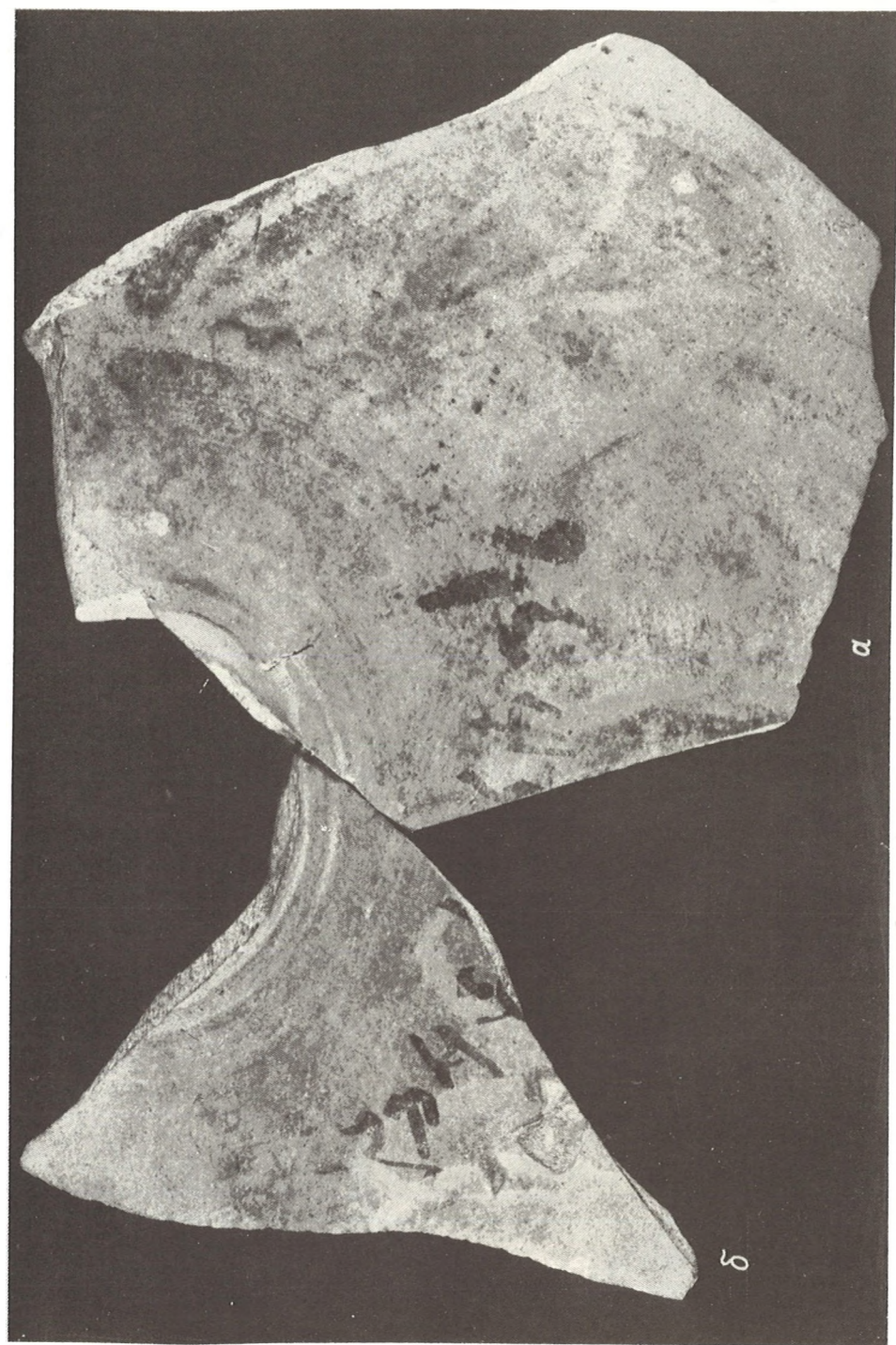

Ил. 1

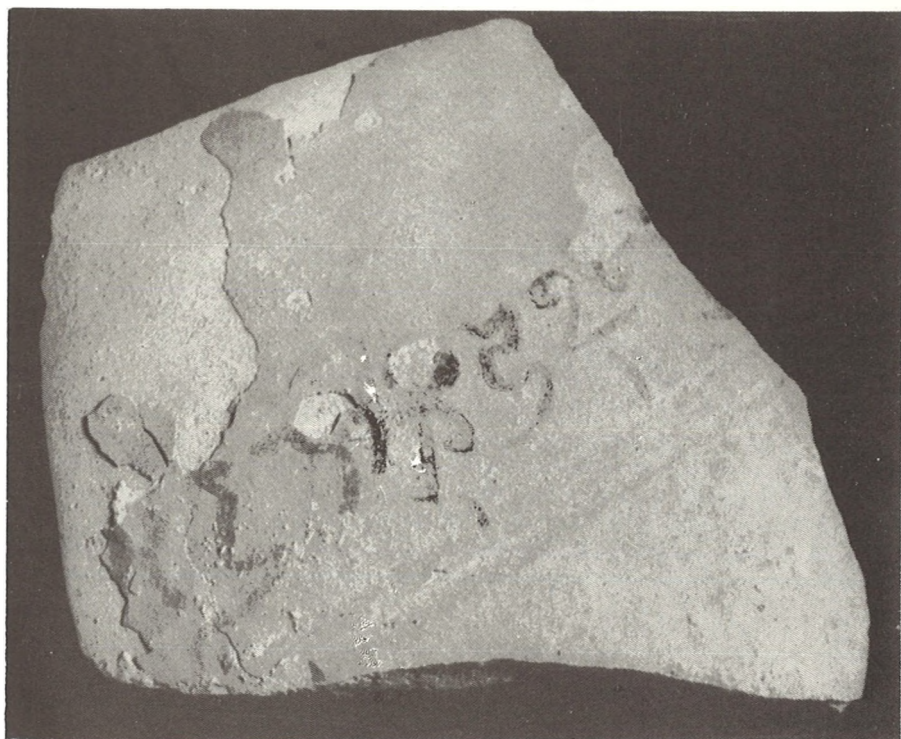
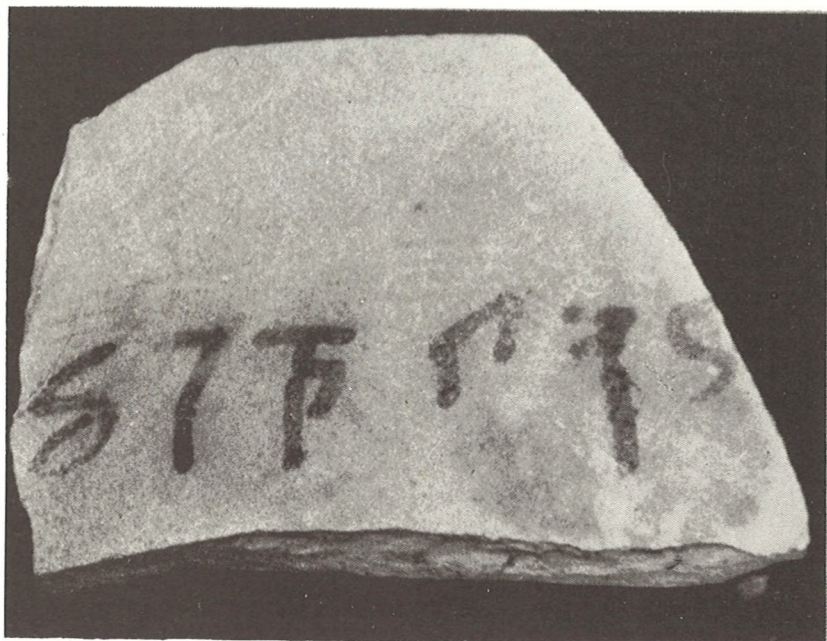

Ил. 2

Ил. 4

Ил. 5

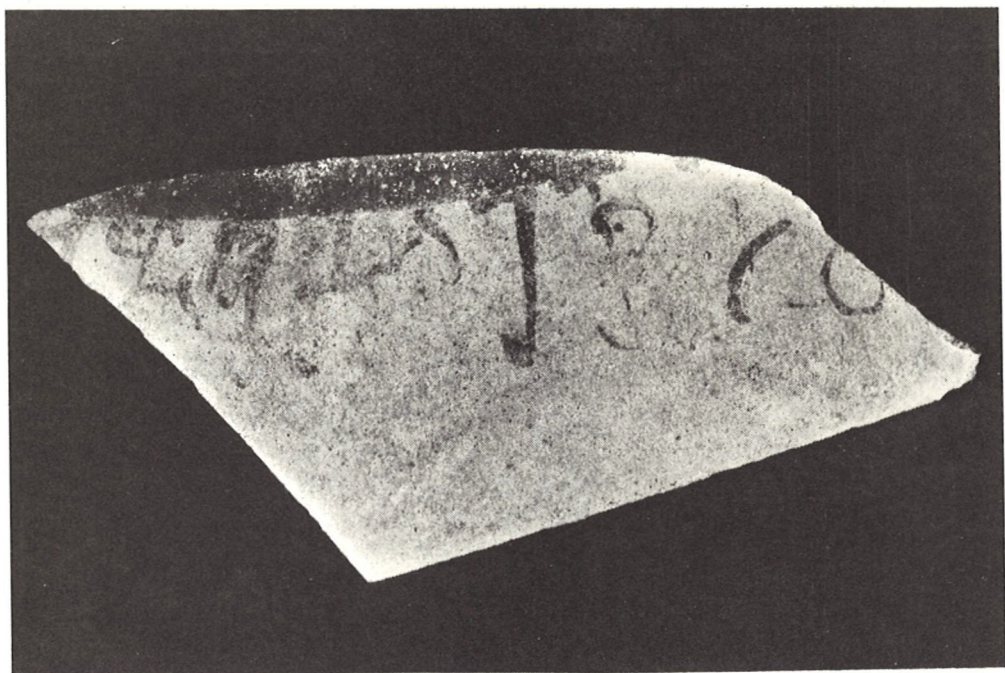

Ил. 7

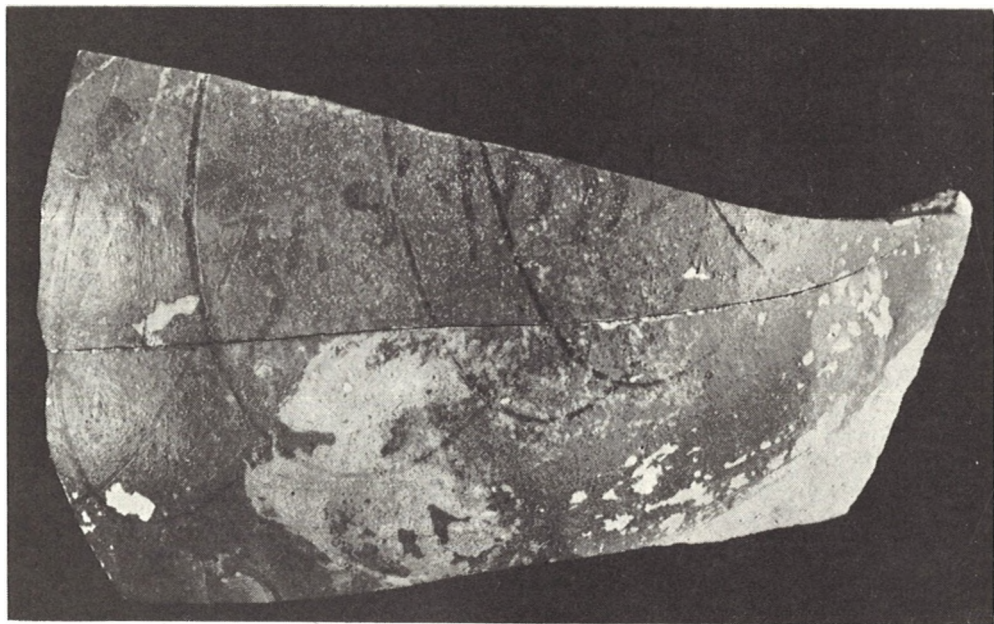

Ил. 8

Ил. 9

Ил.10

Ил. 11

Ил. 12

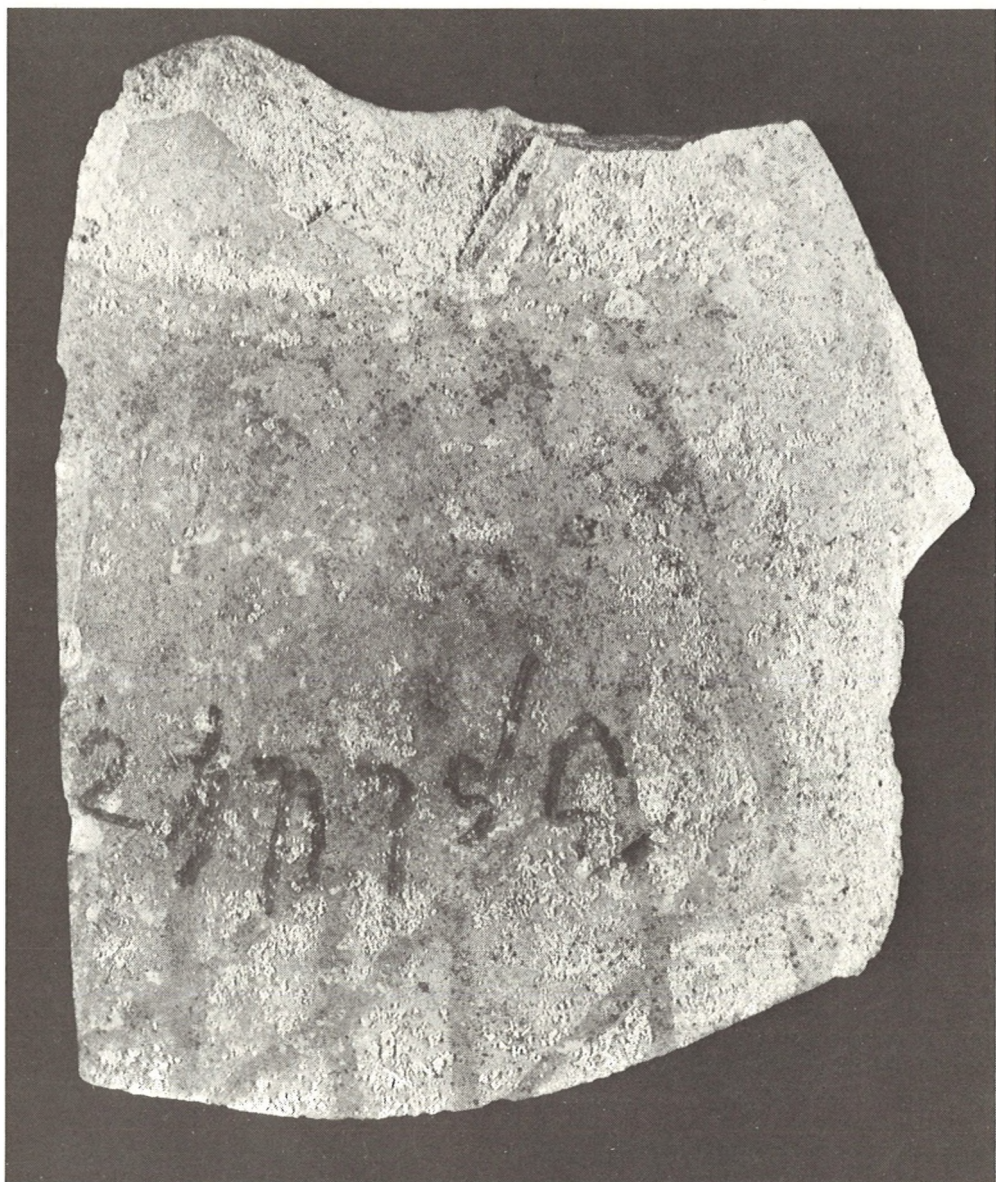

Ил. 15

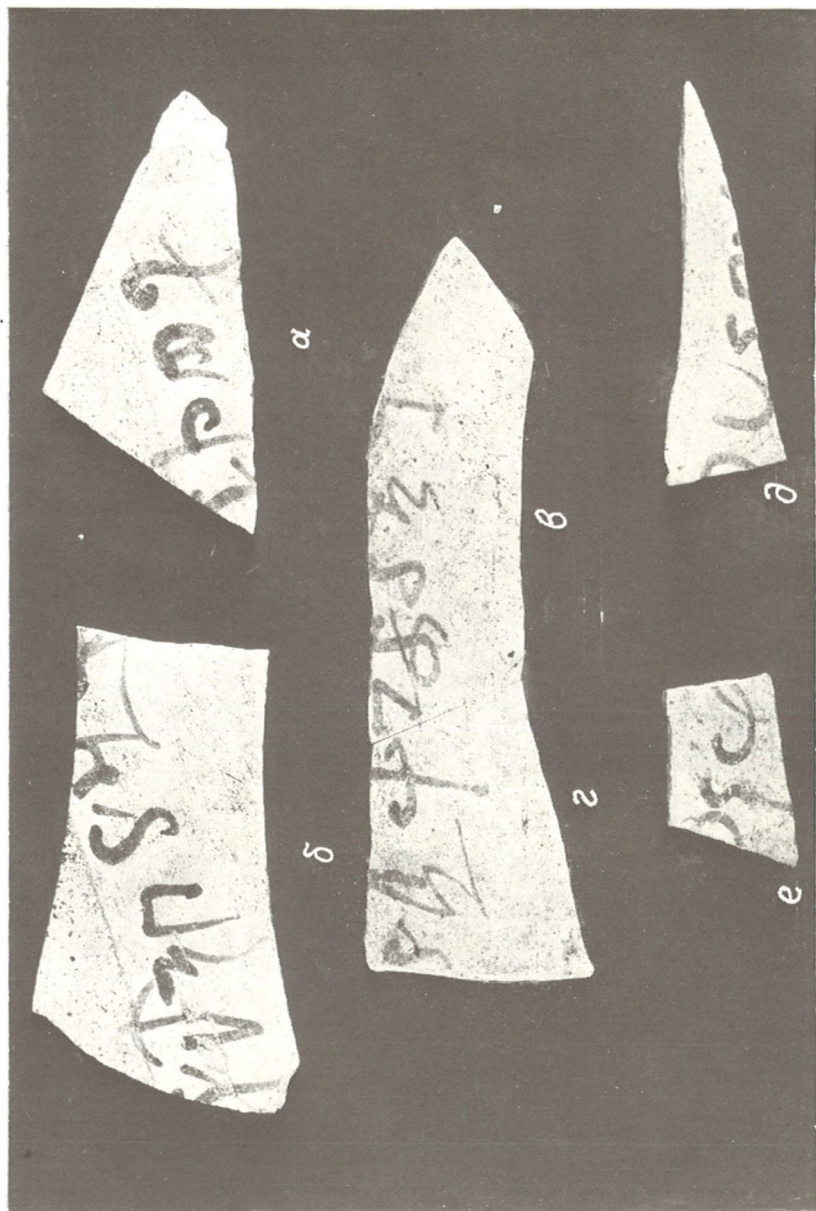
Ил. 16

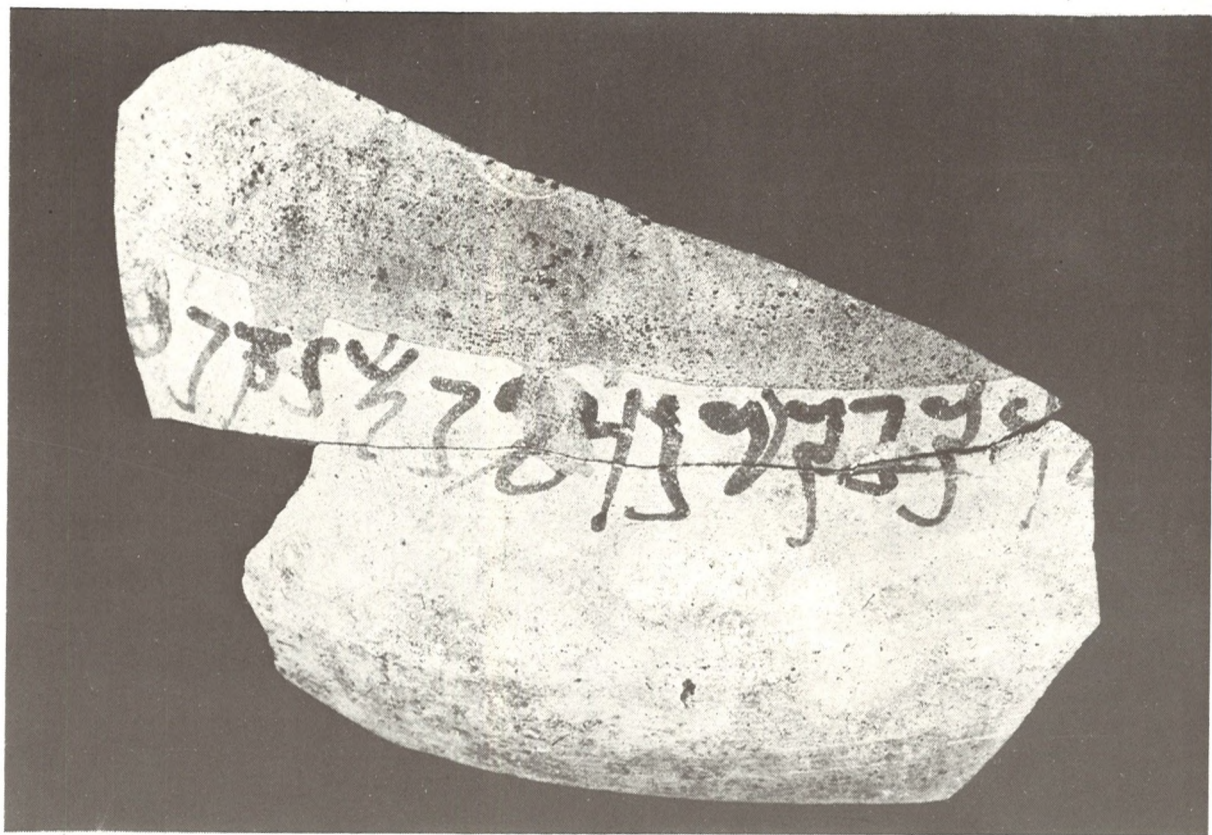

Ил. 17

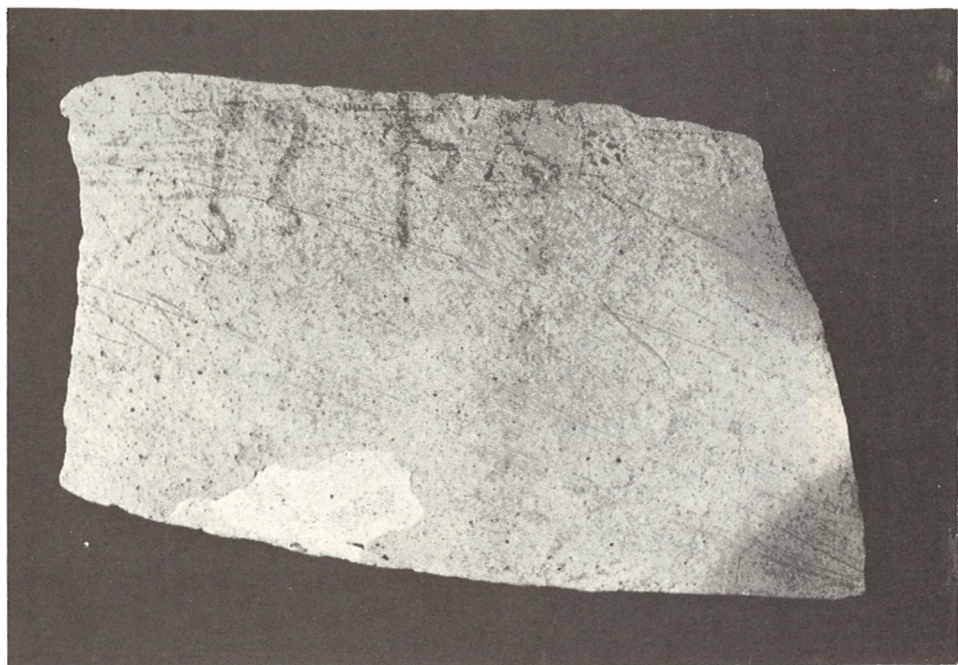
Ил. 18

Ил. 19

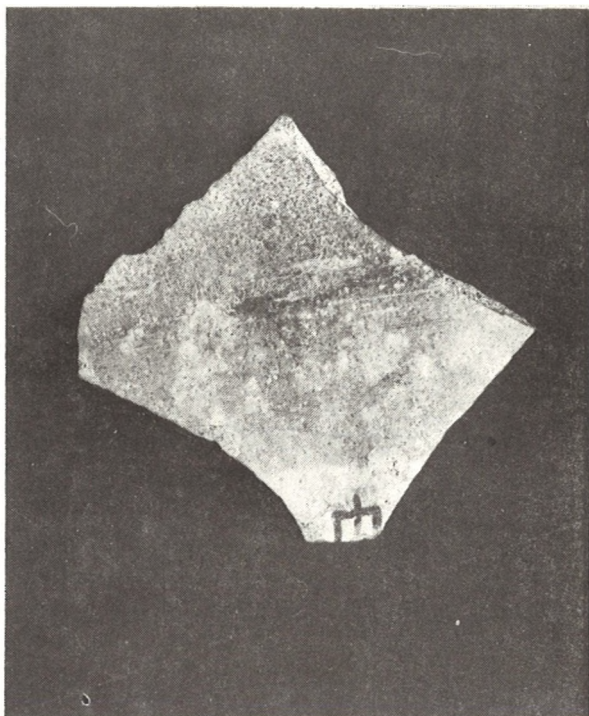

Ил. 20

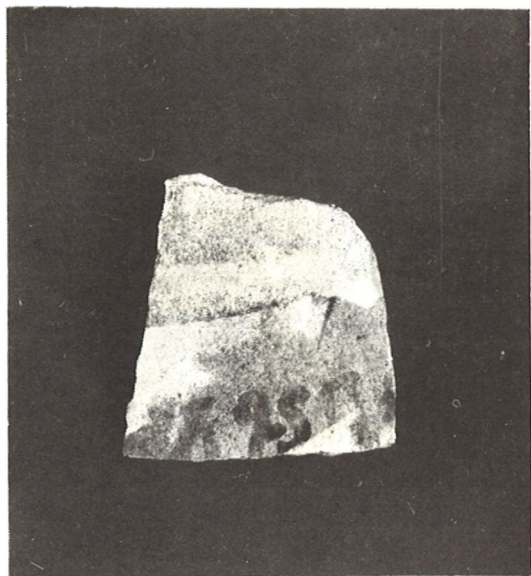

Ил. 21

Ил. 22

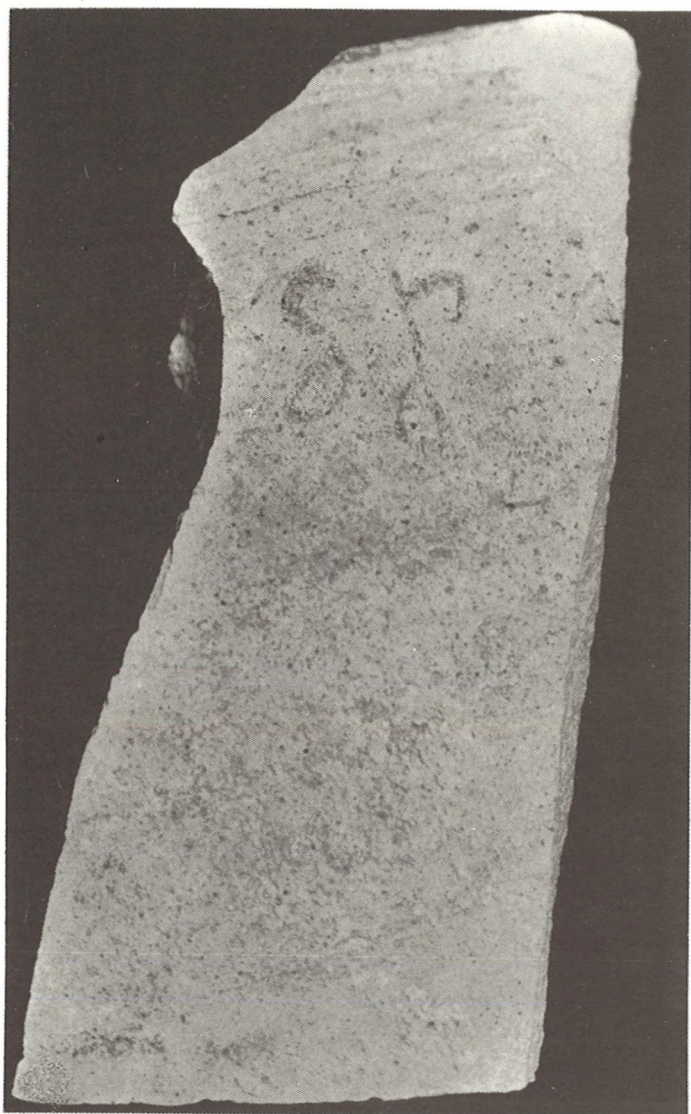

Ил. 23

Ил. 24

Ил. 25

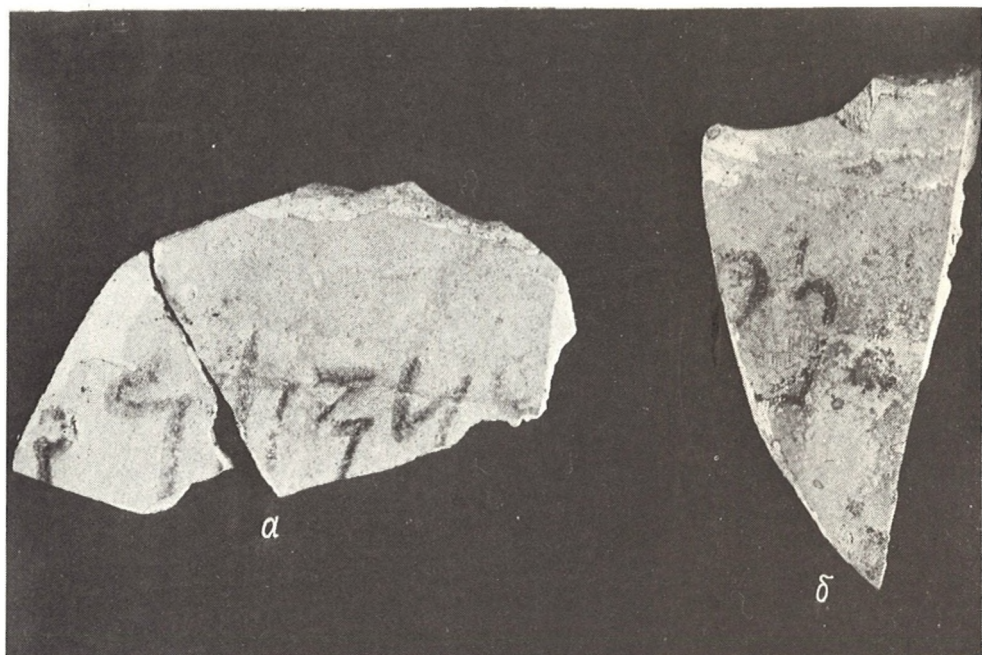

Ил. 26

Ил. 27

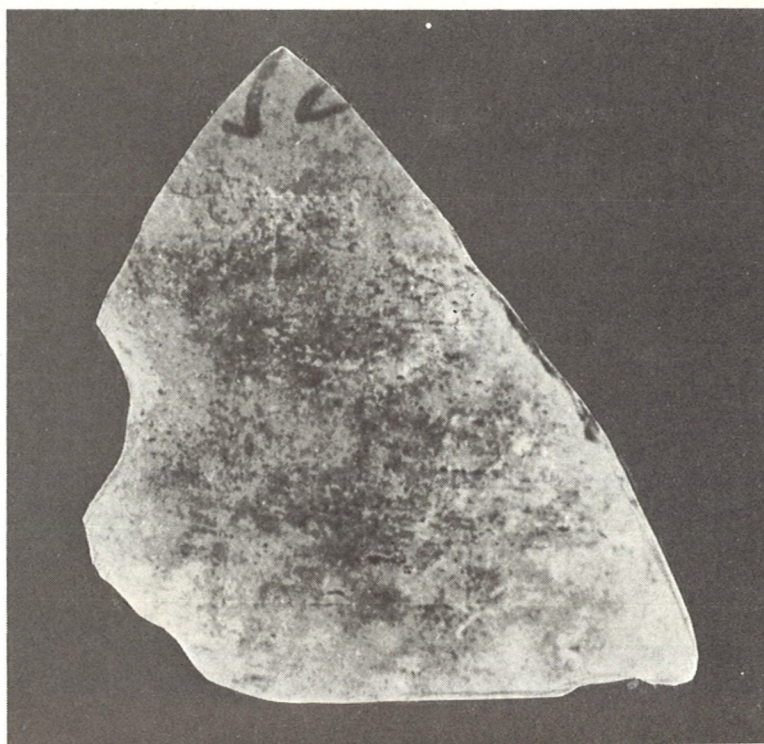
Ил. 28

Ил. 29

Ил. 30

Ил. 31

Ил. 32

Ил. 33

Ил. 35

Ил. 36

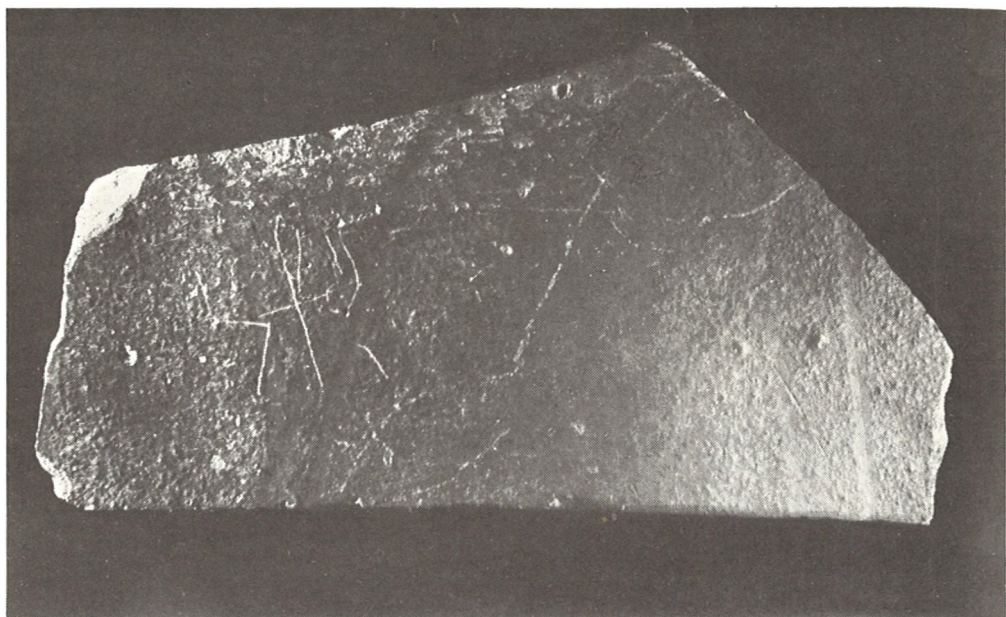

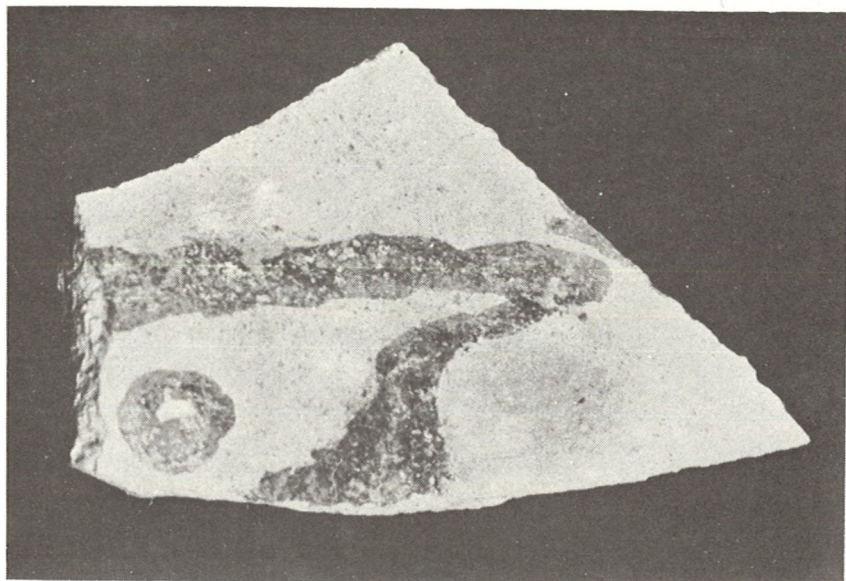
Ил. 37

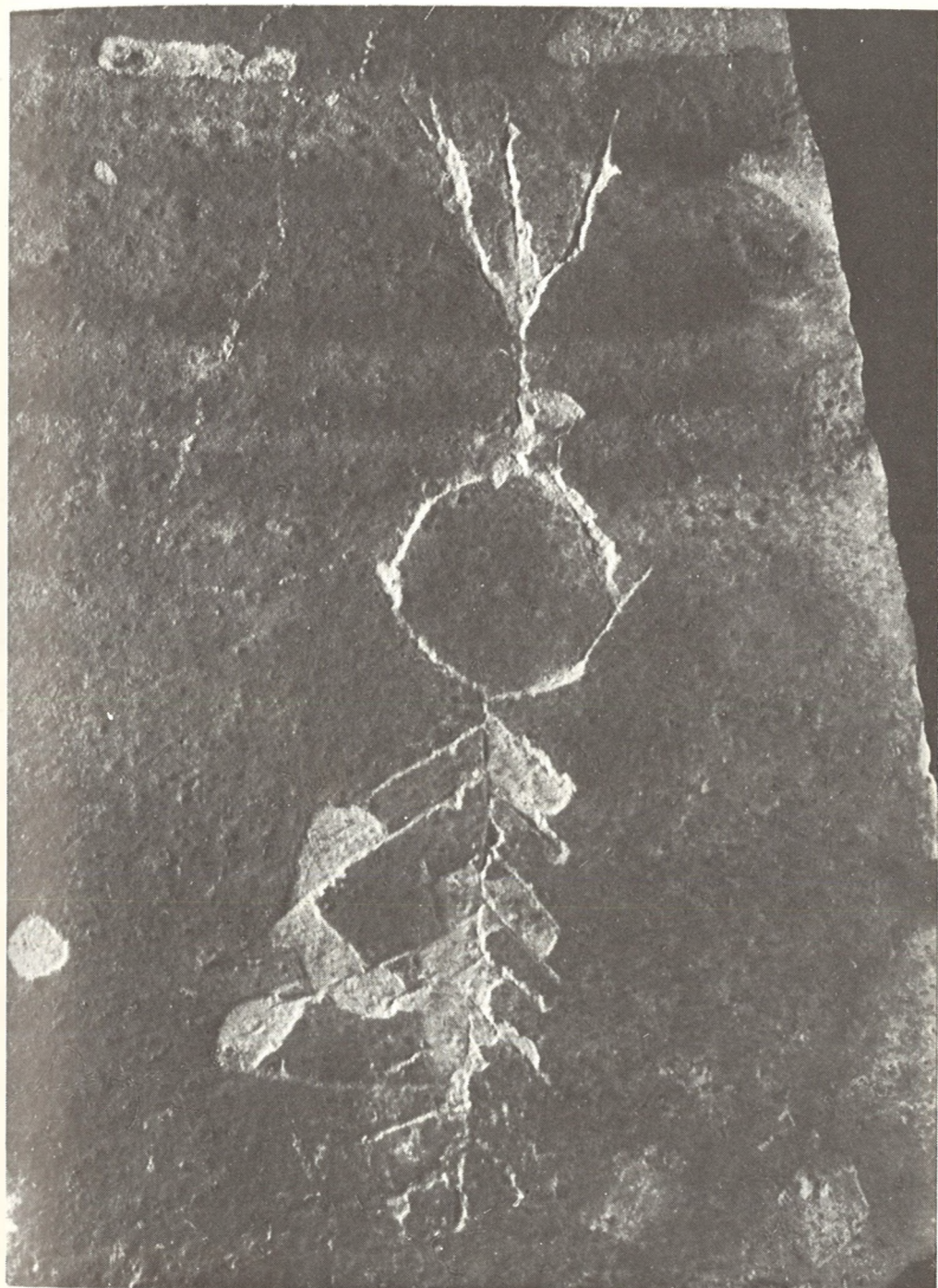

Ил. 39

Ил. 40

Ил. 41

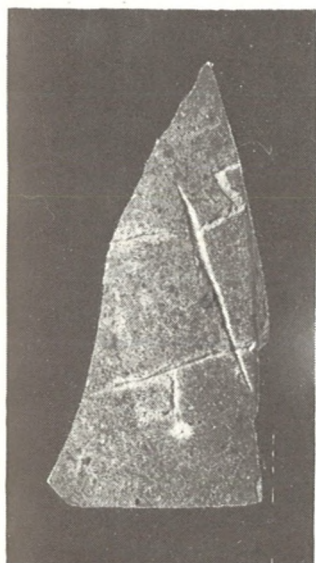
Ил. 42

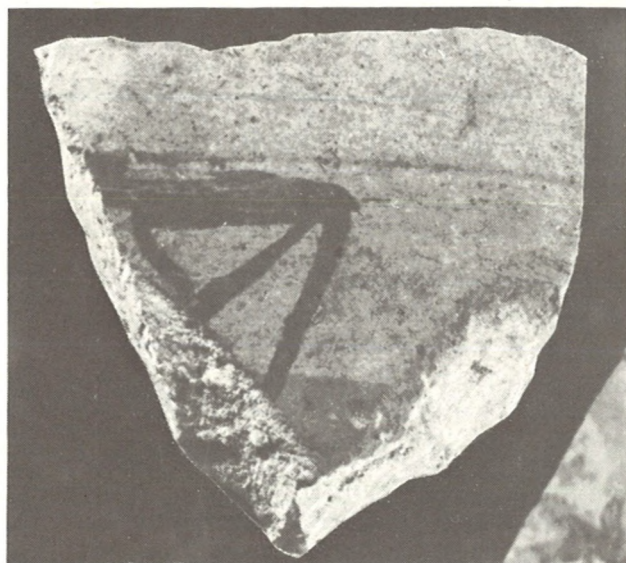
Ил. 43

Ил. 44

Ил. 45

Ил. 46

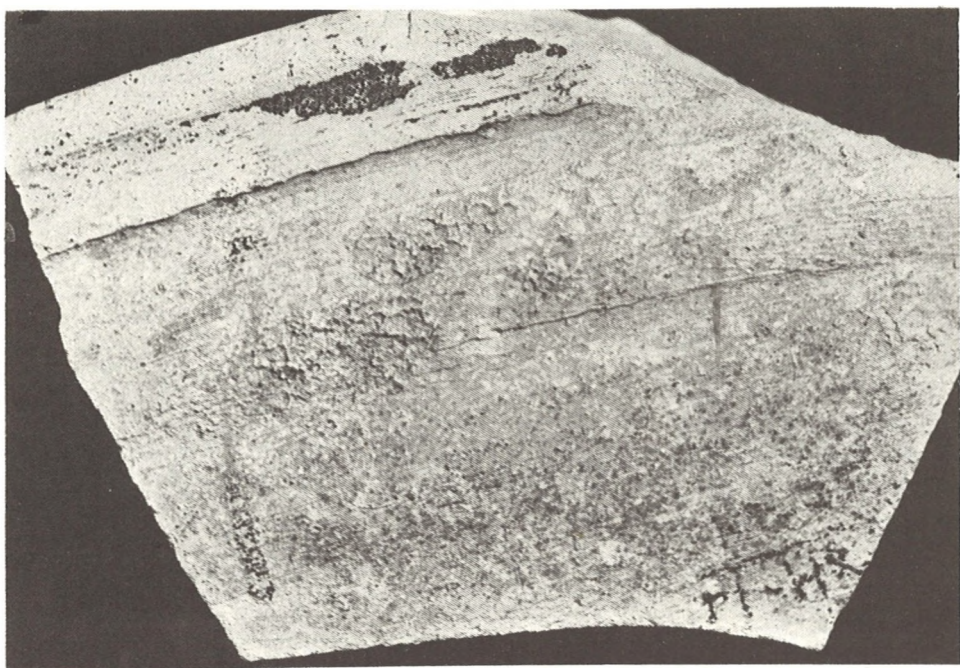

Ил. 49

Ил. 50

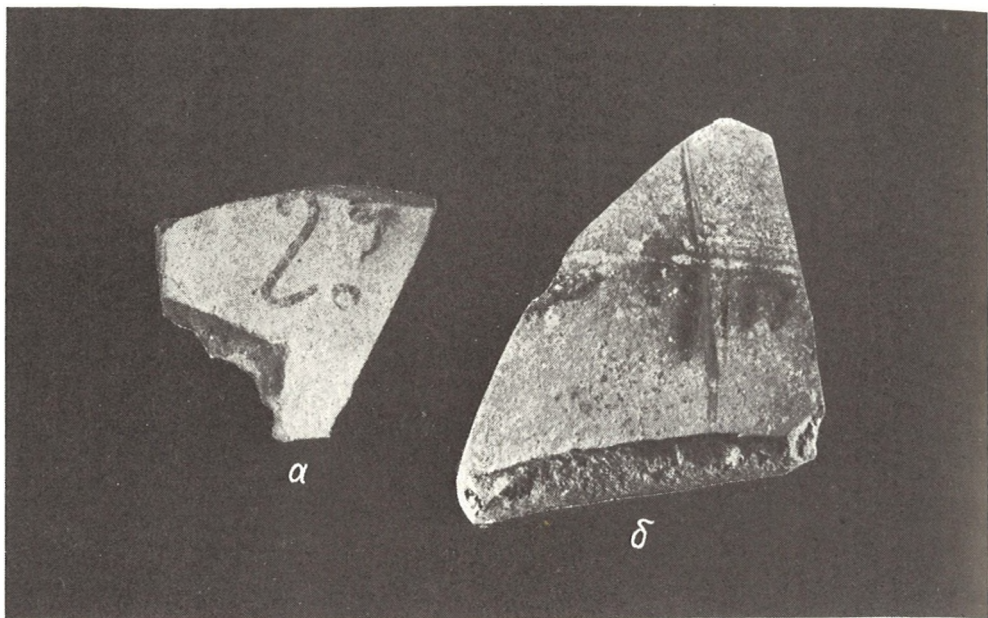

Ил. 51

Ил. 52

Ил. 53

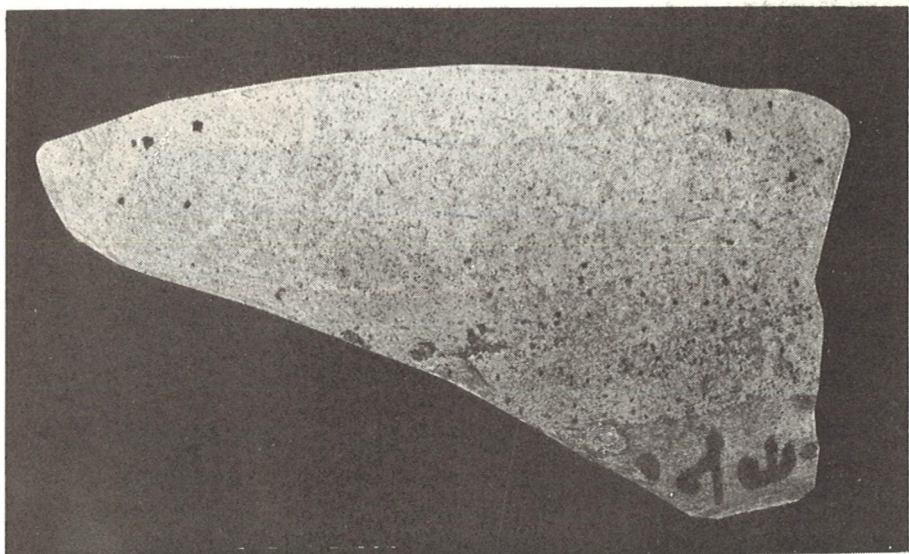

Ил. 54

Ил. 55

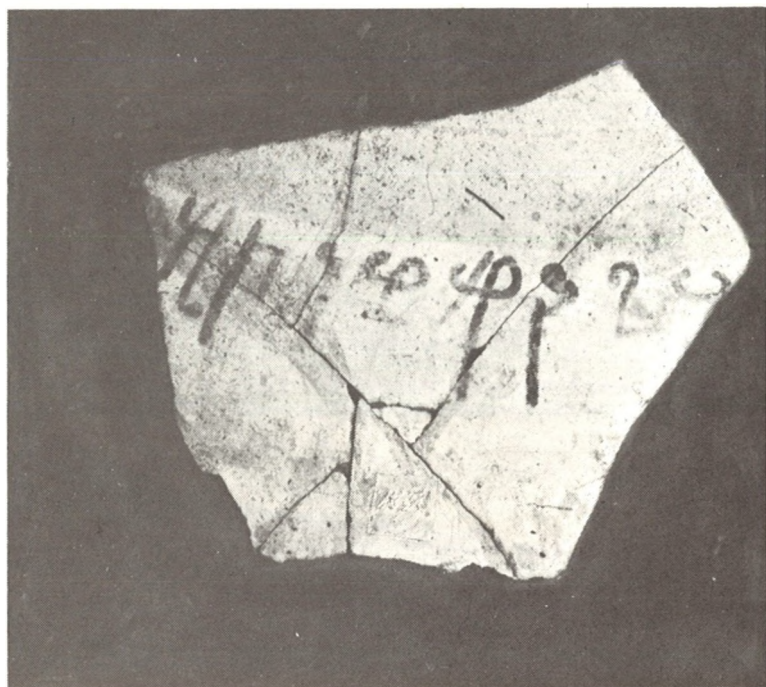

Ил. 56

Ил. 57

Ил. 58

Ил. 59

Ил. 60

Ил. 61

Ил. 62

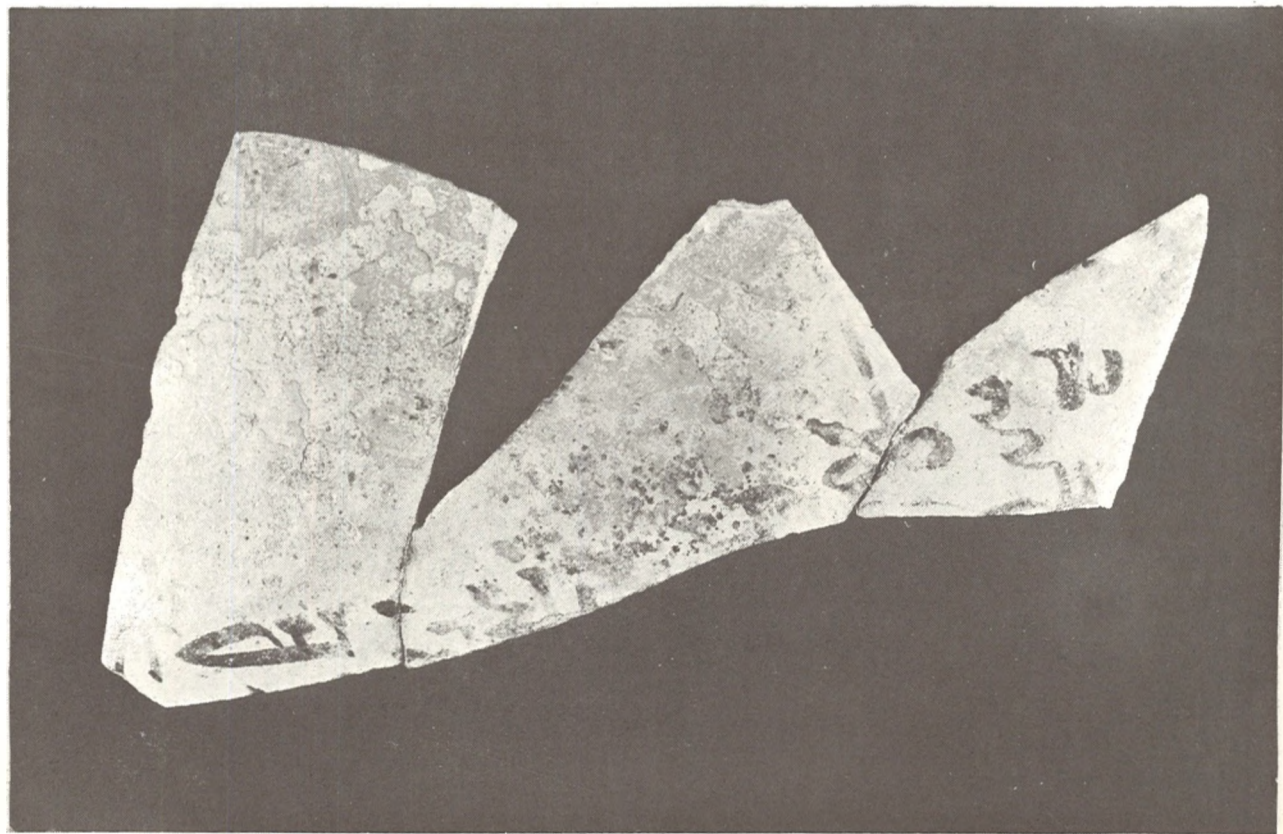

Ил. 64

Ил. 65

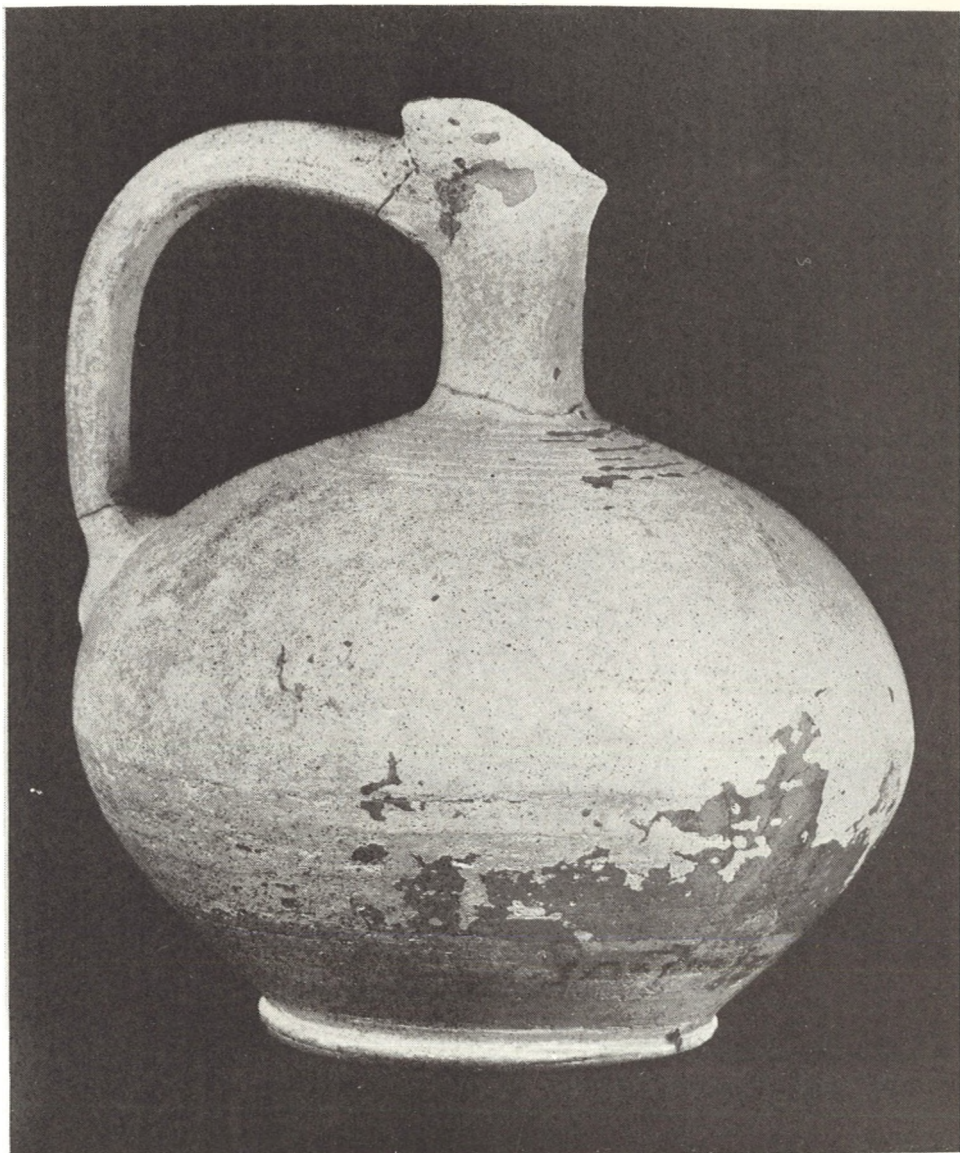

Ил. 66

Ил. 67

Ил. 68

Ил. 69

Ил. 71

Ил. 72

Ил. 73

Ил. 75

Ил. 76

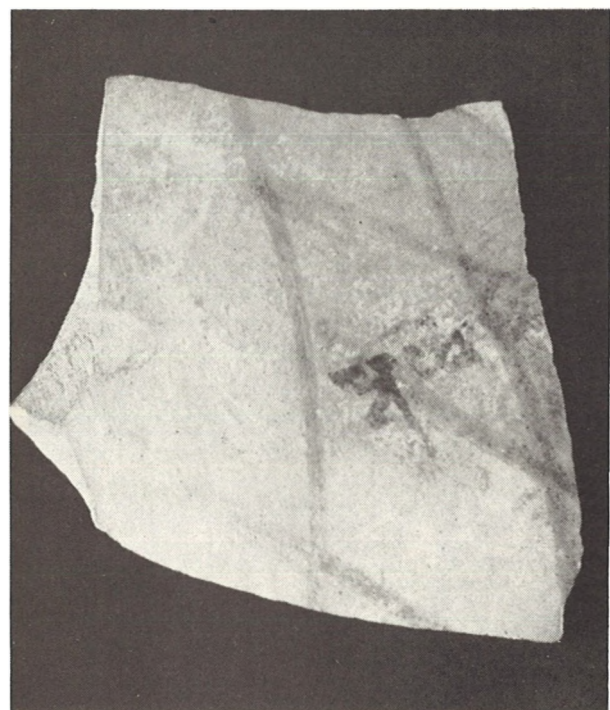

Ил. 77

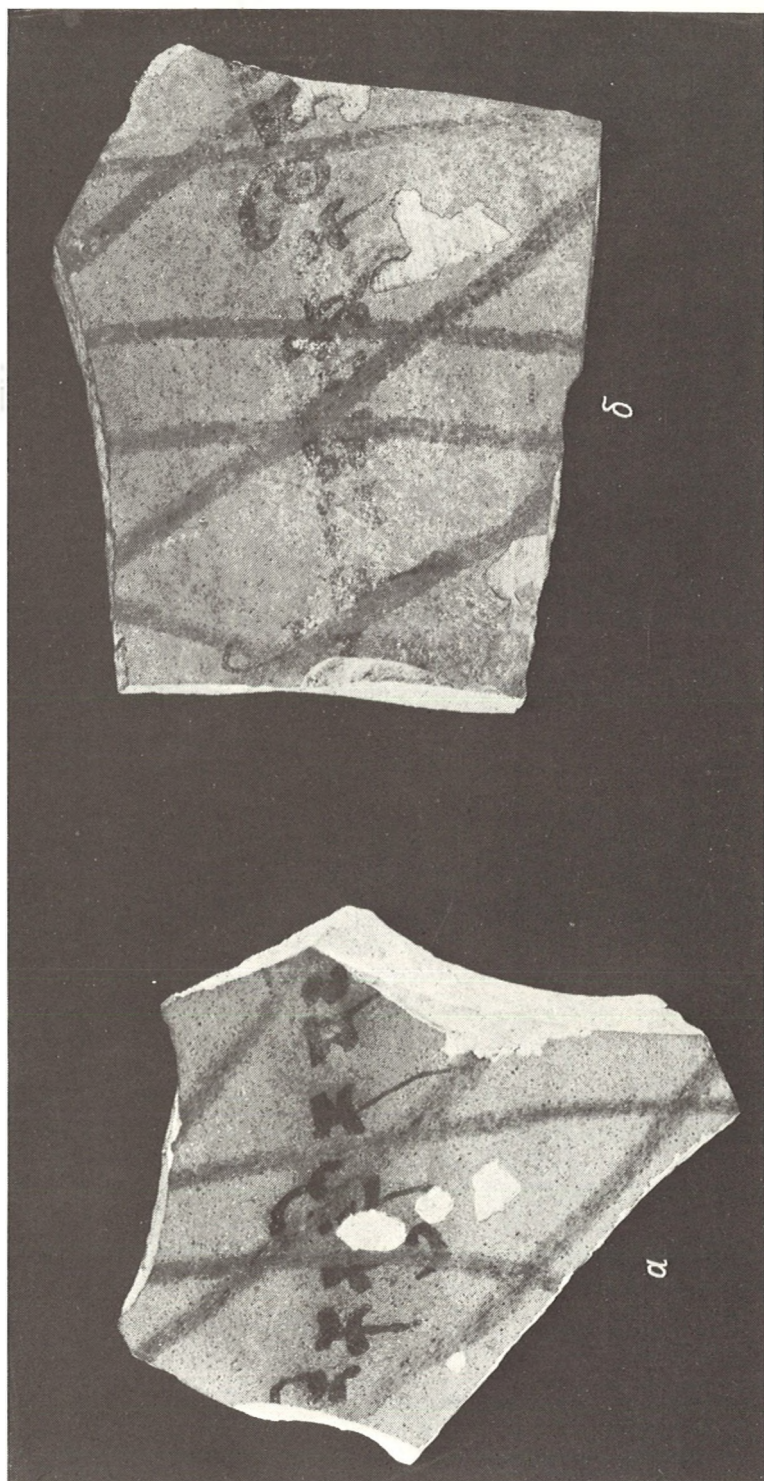

Ил. 78

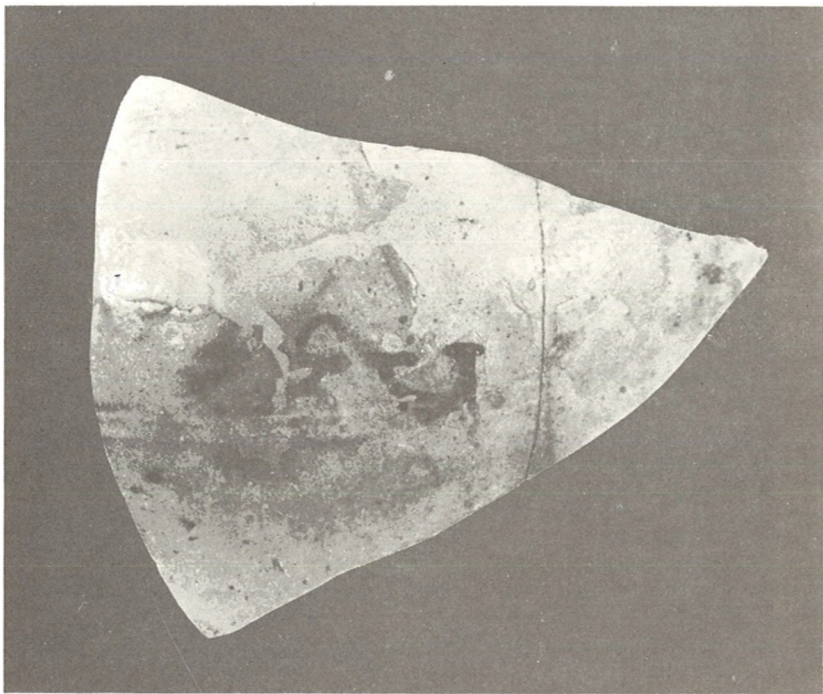
Ил. 79

Ил. 81

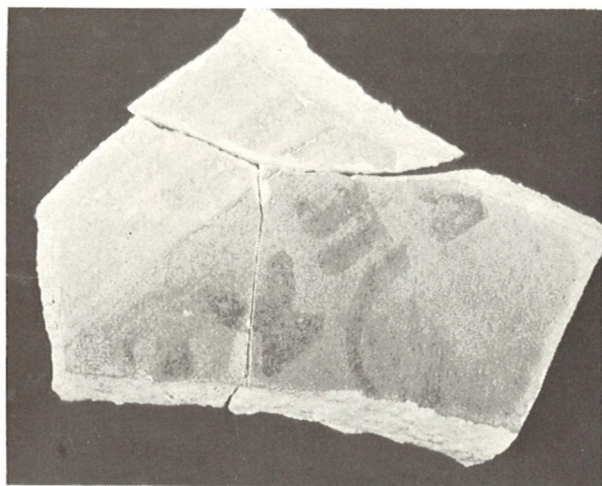

Ил. 82

Ил. 83

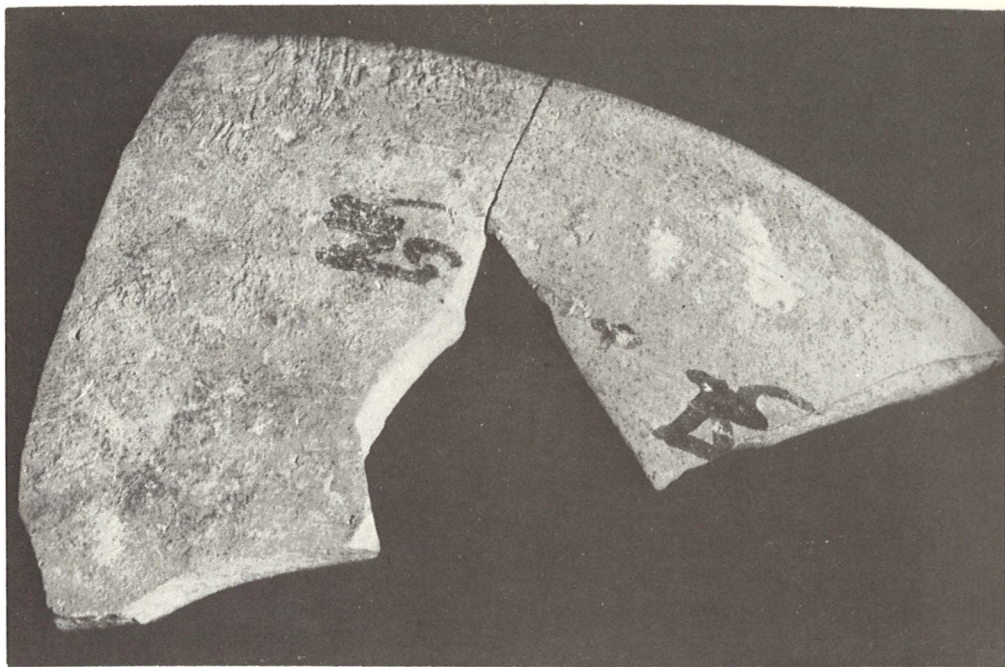

Ил. 84

Ил. 85

Ил. 86.

Ил. 87

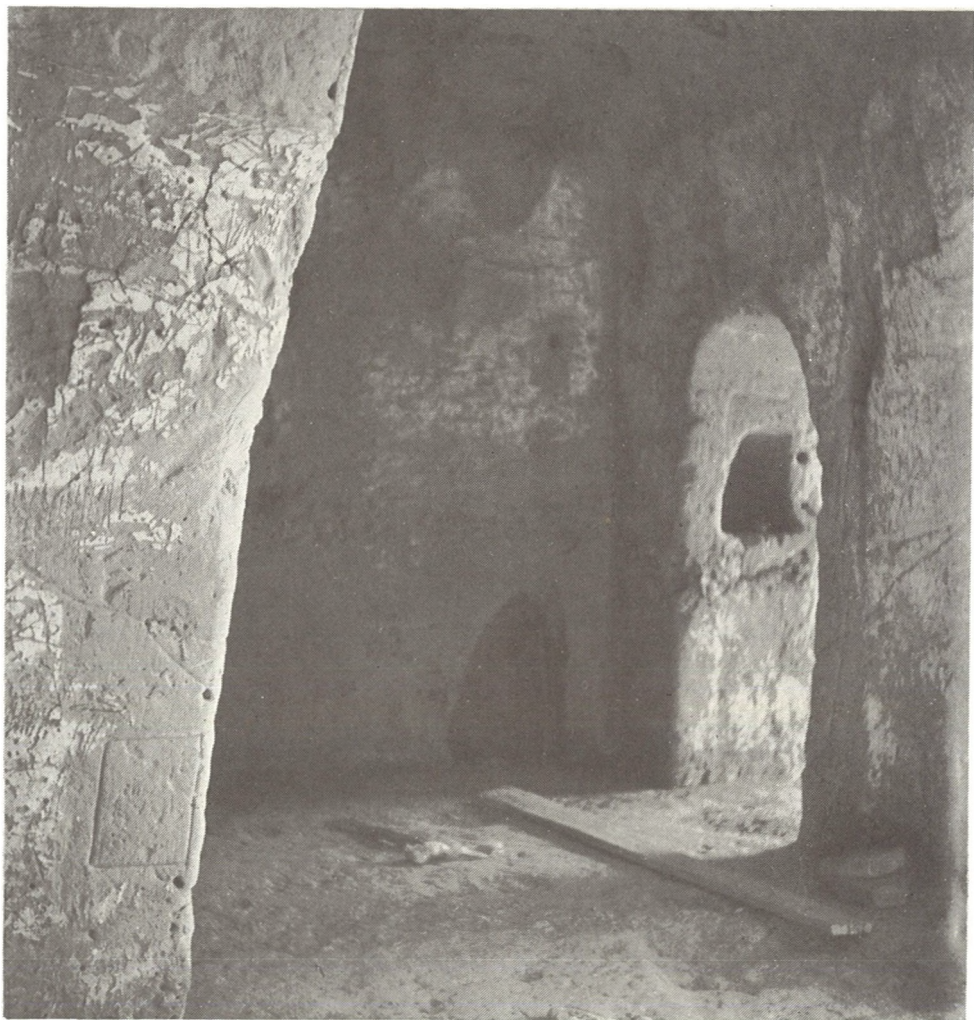
Ил. 88

Ил. 89

Ил. 91

Ил. 92

Ил. 93

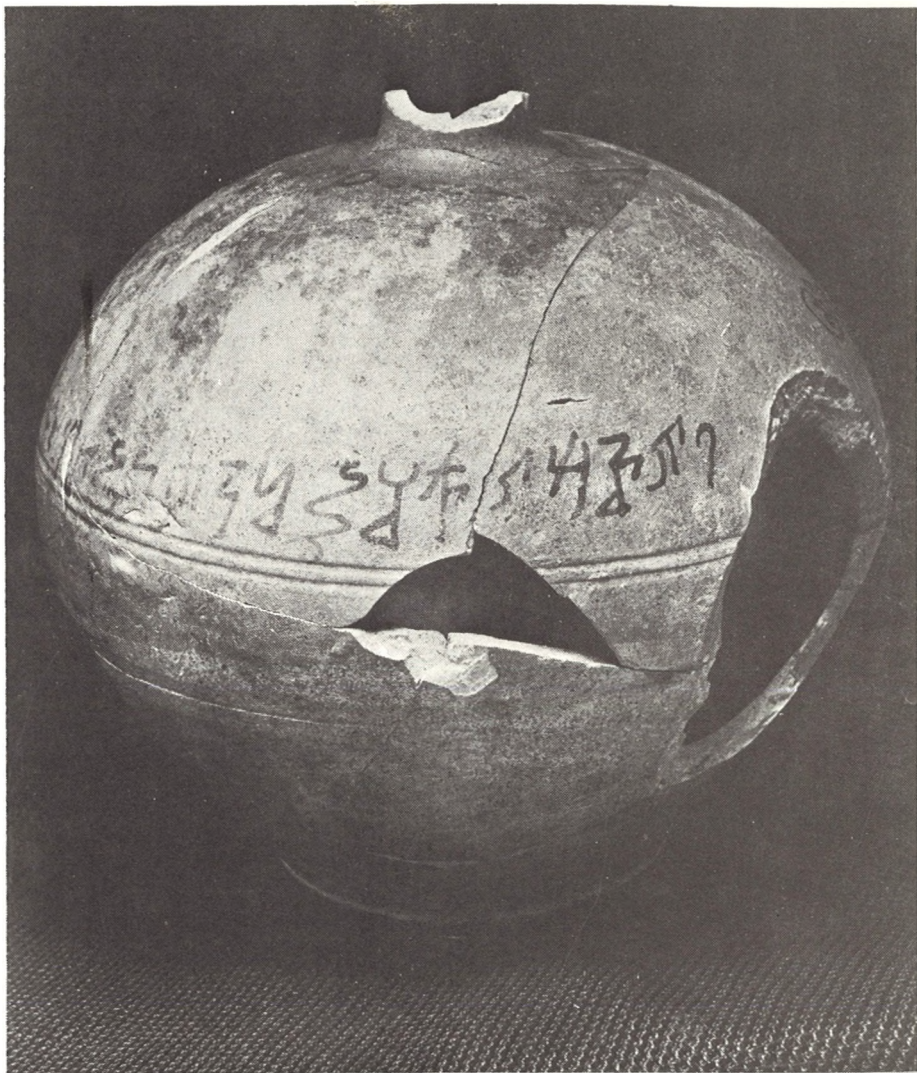

Ил. 94

Ил. 95

Ил. 96

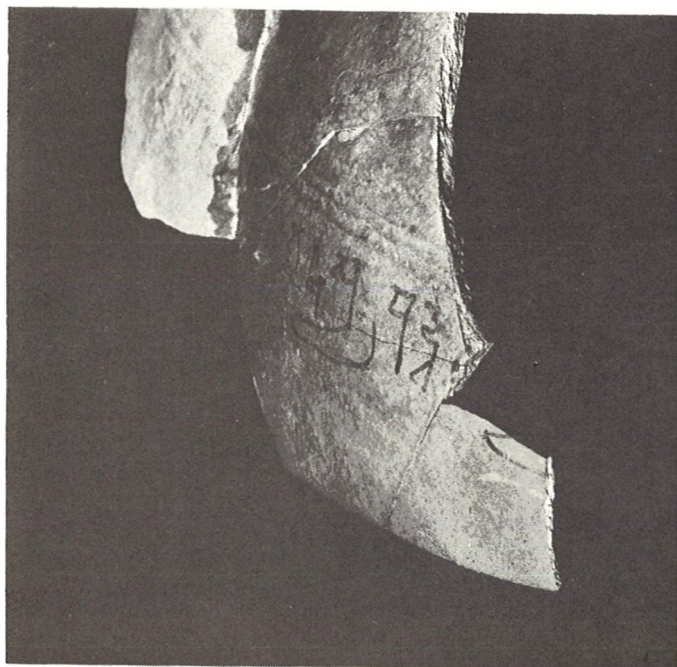
Ил. 97

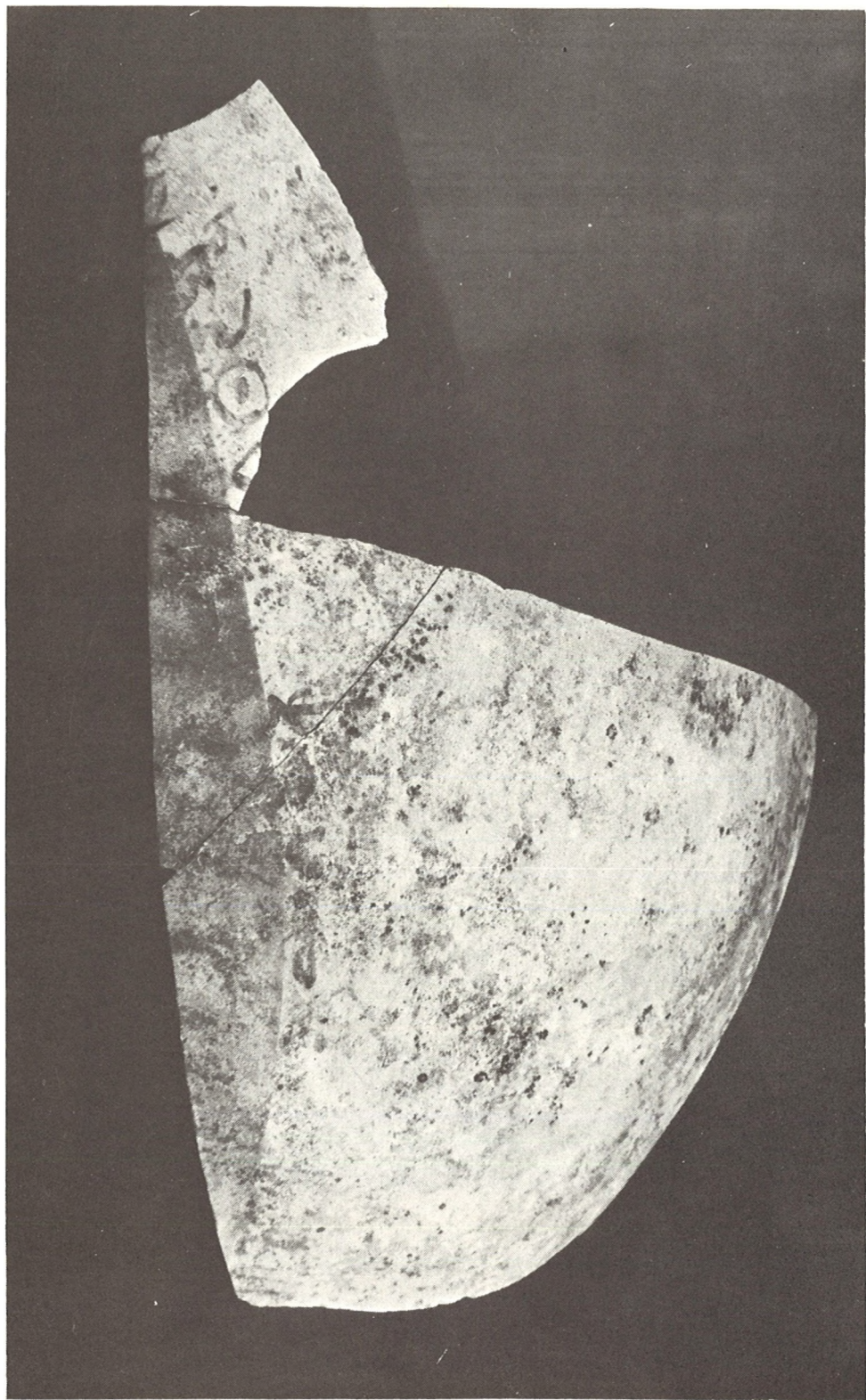

Ил. 99

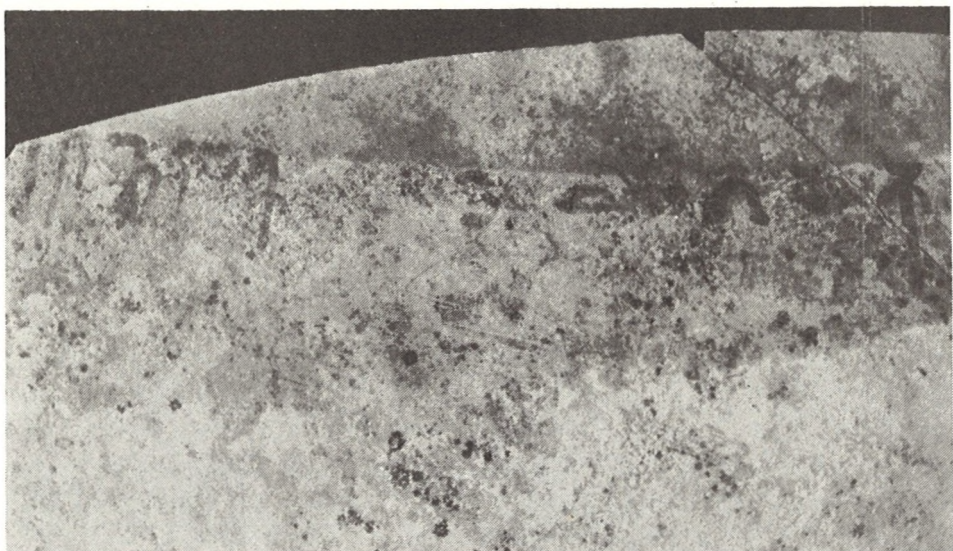

Ил. 100

Ил. 102

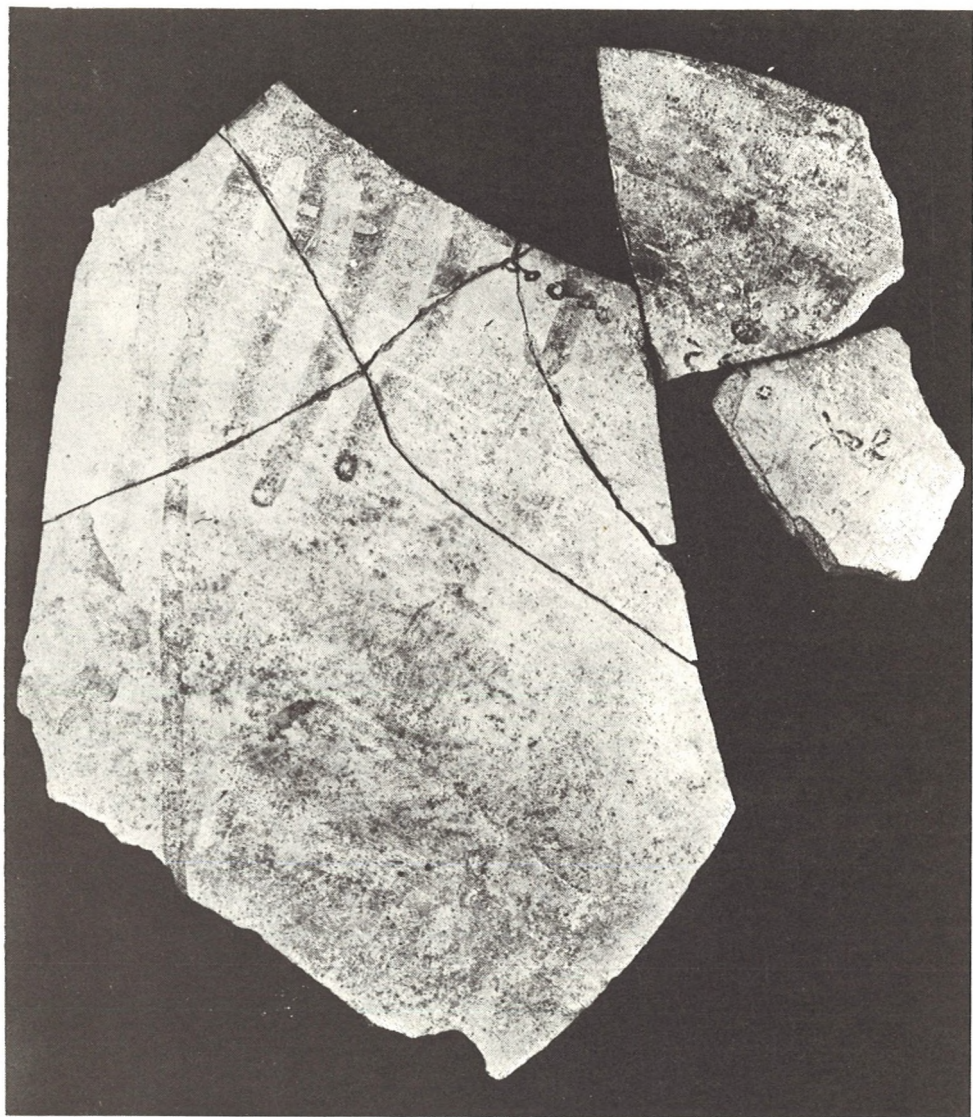
Ил. 103

Ил. 104

Ил. 105

Ил. 106

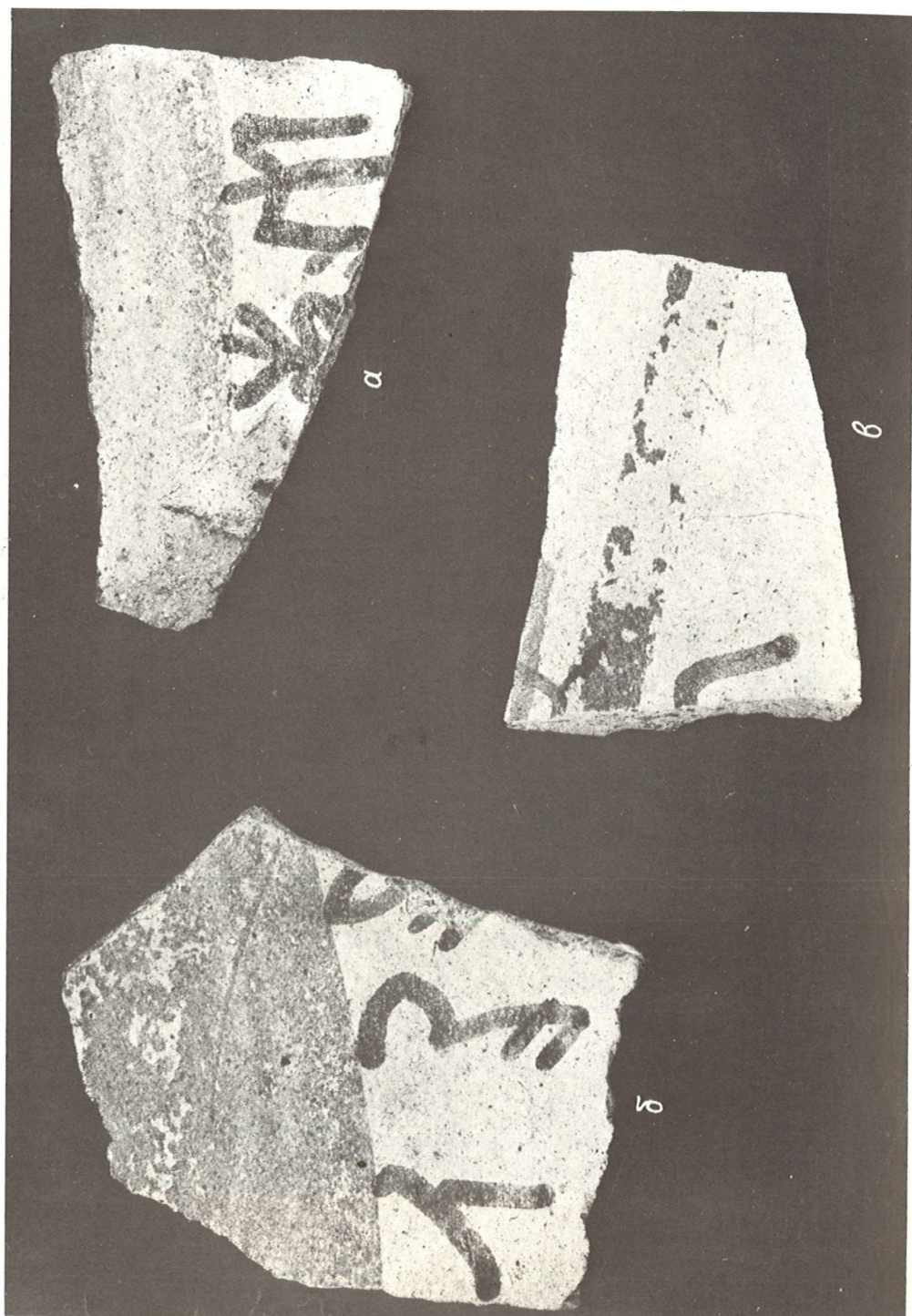

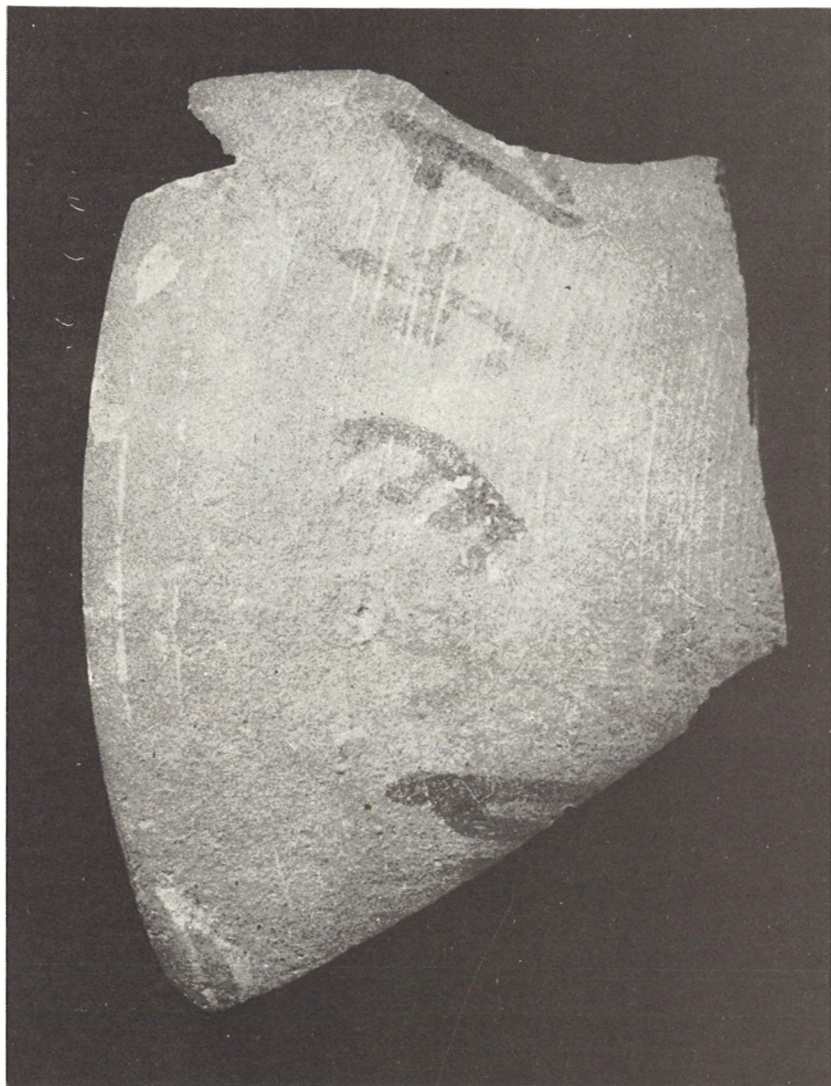

Ил. 108

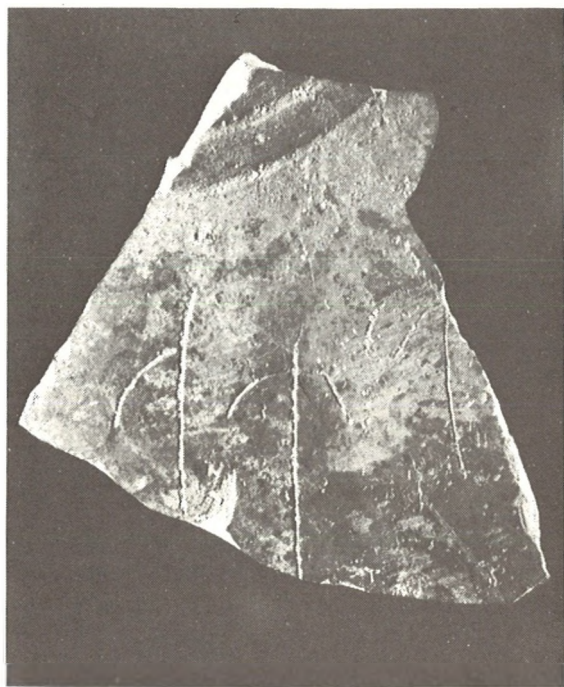

Ил. 110

Ил. 111

Ил. 112

Ил. 113

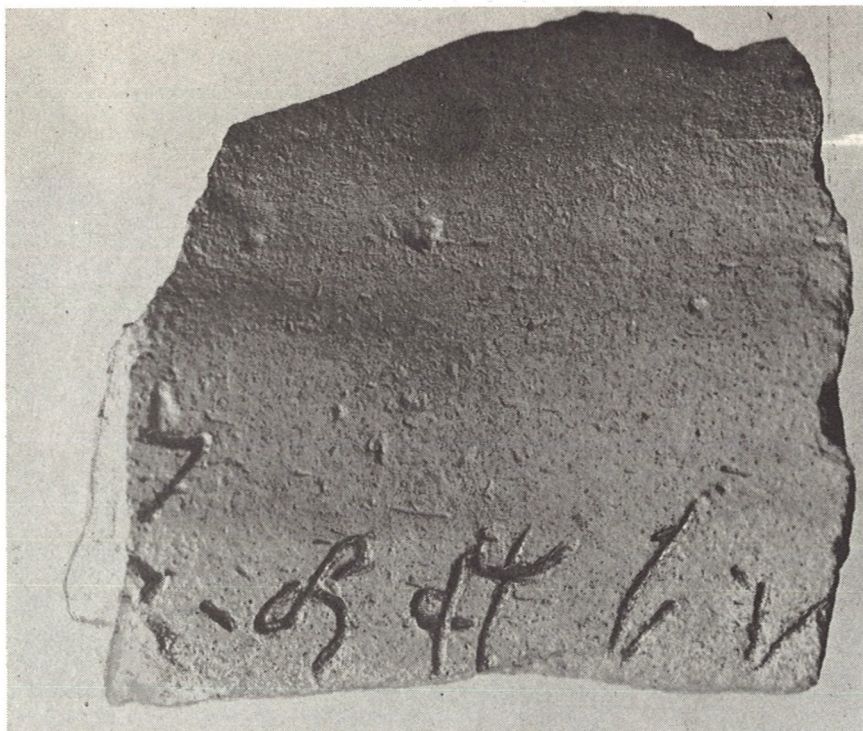

Ил. 114

Ил. 115

Ил. 117

Ил. 116

Ил. 118

Ил. 120

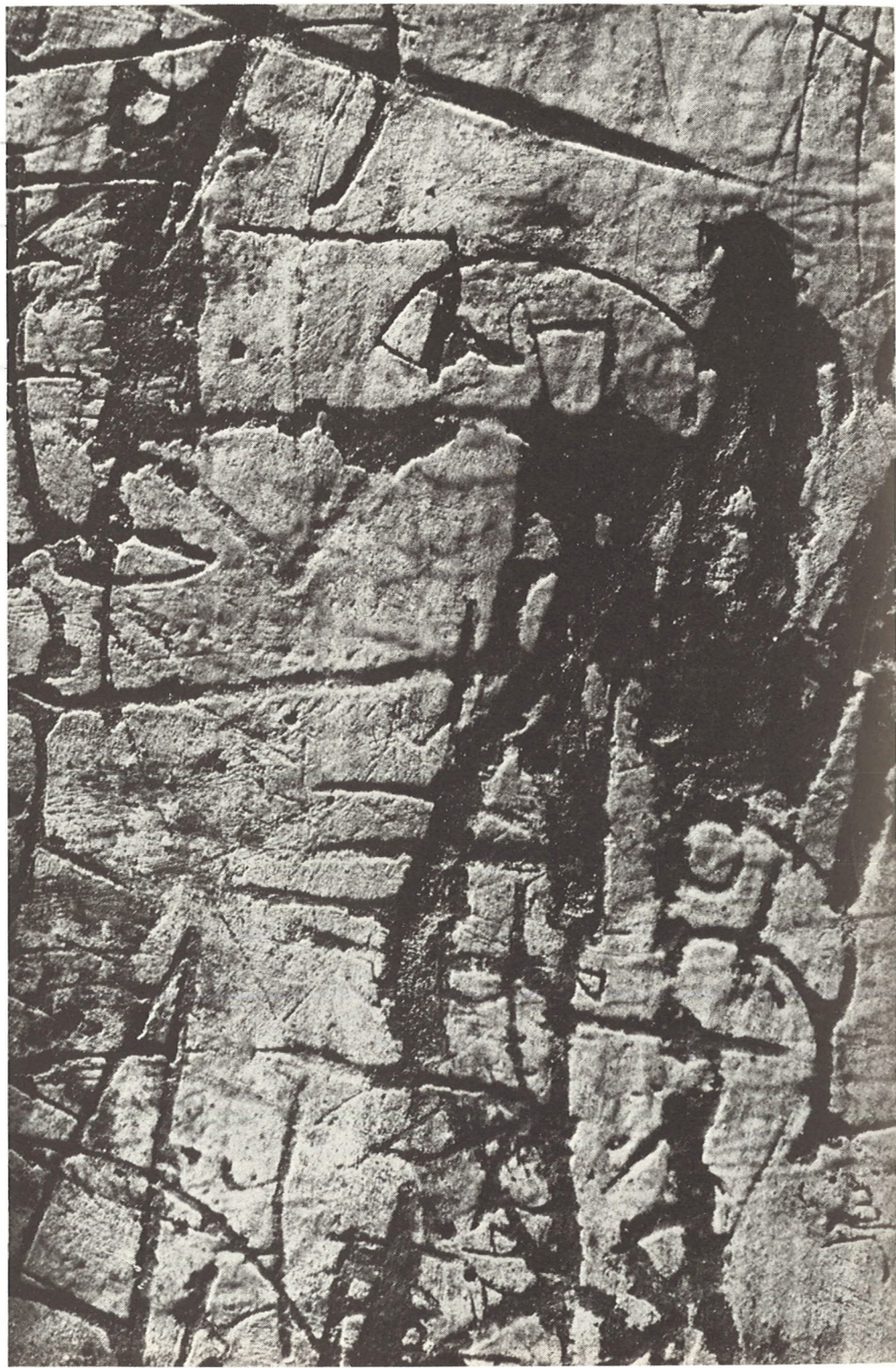

Ил. 125

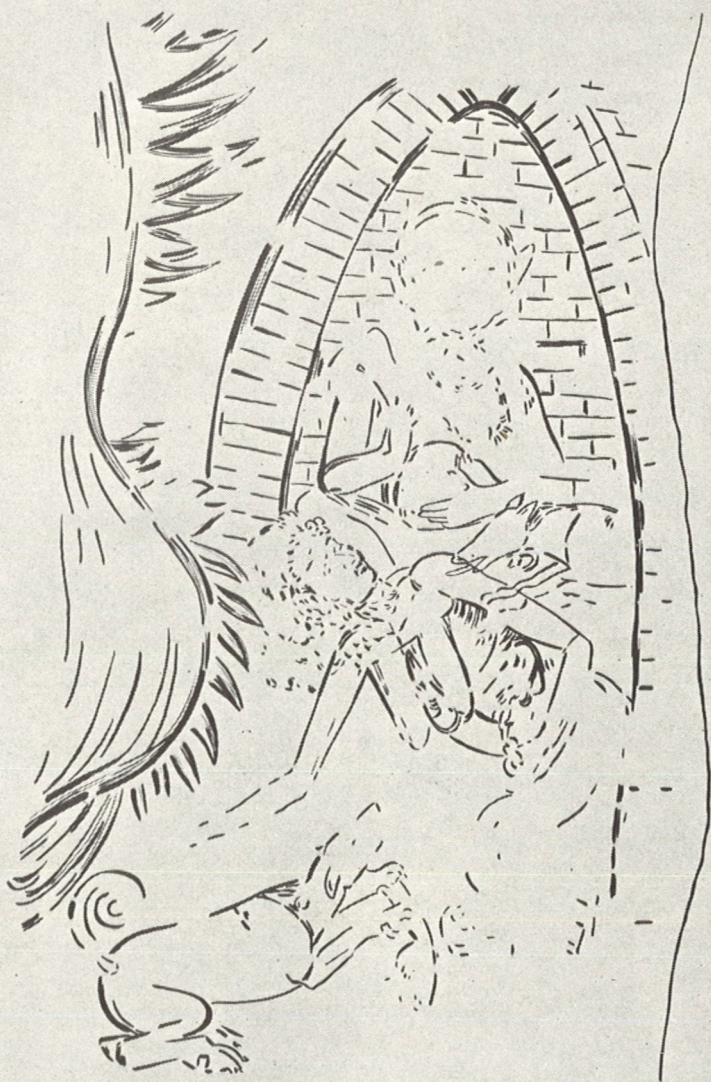

Ил. 128

Ил. 129

Ил. 130

Ил. 131

Ил. 137

Ил. 138

Ил. 139

Ил. 140

Ил. 141

Ил. 142

Ил. 143

Ил. 144

Ил. 145

Ил. 146

Реконструкция надписи может быть следующей: [x]-(n)a pra-ti-gha-[he]. Это не исключает восстановления на двух фрагментах известной формулы в виде: [aca](r)ya(n)a-[mahasaghiga](n)a-pratigh[ahē], где *pratighahe* соответствует *ratighahe* в обычной дарственной формуле.

№ 25

Фрагмент сосуда. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 39, рис. 6.

Текст: ॐ ॐ ॐ

Транслитерация:]-sa-r(y)a-na-ma-hā-[

Чтение издателя: [a]saryanaṁ maḥa...

Третья акшара представляет собой ॐ на (зубной, а не церебральный). Нет оснований видеть в этом знаке анусвару, тем более что в других надписях из Фаяз-тепе анусвара в этой формуле не выражена (ср. № 14, № 23а).

№ 26

Фрагмент сосуда, покрытого оранжевым ангобом. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 26, рис. 7.

Текст: ॐ ॐ ॐ ॐ

Транслитерация: saṁ-gha ca-du-diṁ-sá-[

Чтение издателя: saṁgha cadu diśe.

Пятая акшара *di*, по мнению издателя, более напоминает написание *dhi* в документах из Нийи. Этот же вариант, по ее мнению, представлен и в № 18 и в № 19 из Фаяз-тепе.

Но как мы показали, в № 19 из Фаяз-тепе представлена акшара *ṛvi*, а не *di*.

Обе акшары в № 18 и № 26 представляют обычный вид *di*. Однако при выражении анусвары последняя пишется без отрыва руки, поэтому линия, идущая влево, получает продолжение вправо, кончающееся петлей или петлей с росчерком.

Последняя акшара на этом фрагменте ॐ *śa* не имеет огласовки *e*.

Таким образом, надпись может быть реконструирована, подобно аналогичной формуле из Кара-тепе, как *saṁgha-cadudimśa[mi]*.

Следует отметить, что слово *saṁgha* выступает в данном случае не оформленным флексией, что ни разу не засвидетельствовано в этих памятниках.

№ 27

Фрагмент сосуда. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 40, рис. 7.

Текст: ५.५१

Транслитерация: [x]-mi-saṃ-[

Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской: *mi . bu*. Точка между акшарами, по ее мнению, означает долготу гласного.

Ясно, что вторая акшара надписи может читаться только ५ *saṃ* и не имеет ничего общего со знаком ५ *bu*. Точка между знаками едва ли может в данном случае выражать долготу гласного. Таких способов выражения долготы не засвидетельствовано. Скорее всего точка случайна.

По типологии надписей можно предположить, что слог *mi* является концом части вотивной формулы. В данном случае это может быть либо *saṃghami cadudimśami*, либо *haya-viharami*. Следы знака, сохранившегося перед *mi*, не противоречат ни тому ни другому восстановлению. Далее могло быть записано имя собственное, начинающееся с *saṃ* типа *Samghapala* или *Samghasena*. Последнее имя засвидетельствовано на Фаяз-тепе.

№ 29

Фрагмент тонкостенного сосуда. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 40, рис. 8.

Текст: ५५५५५

Транслитерация: a-yo-gha-ḍa-sa-[

Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской: *ayaṃ gaḍa sa...* Однако вторая акшара отчетливо читается как ५ *yo*, а не *yaṃ* (ср. Фаяз-тепе, № 19). Таким образом, первое слово надписи *ayo* – одна из среднеиндийских форм указательного местоимения, засвидетельствованная в тексте брахми на сосуде с трехязычной надписью из Кара-тепе (№ 3 бр–б–кх).

Третий знак надписи ५ *gha*, а не ५ *ga*, и второе слово читается *ghaḍa* – среднеиндийская форма с озвончением интервокального смычного. Диакритический знак у акшары ५ *ḍa* указывает на особое произношение этого звука, что встречается в ряде аналогичных случаев в языке документов из Нийи.

Следующая акшара читается ५ *sa*, а не ५ *sa*. Тогда надпись может быть приблизительно восстановлена как: *ayo-ghaḍa-sa[ghami-cadudimśami-danamukho]*.

№ 32

Фрагмент сосуда, покрытого темно-красным ангобом. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 41, рис. 9.

Текст:

4 2 d 9 9

Транслитерация: [x]-[x]-*dam-na-mu-ha-sa*-[

Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской: [*di*]yami dana mahasam... Перевод: "...даю в дар". Далее издатель предполагает реконструкцию слова *maha-samghika*.

В начале надписи нет знаков yami. Реконструкция слова *diyami* "я даю", предлагаемая для ряда надписей, для Фаяз-тепе нигде не оправдана. Первые два знака неотчетливы. Далее ясно читается *damnamuha* "священный дар". Ср. Фаяз-тепе, № 38, где засвидетельствовано *danamukha*.

Следует напомнить, что на Кара-тепе это слово встречается в форме *danamukha*. Написание в этом слове акшар *ha* и *kha* вместо обычной *kha* указывает на особый, возможно, местный характер произношения этого звука, близкого к ир. *χ* (ср. *khadevaka* = *xwadēw*).

Следующая акшара читается как 3 sa. Чтение *mahasamghika* в этой надписи не имеет основания. Акшара d ti написана четко и не может читаться *ta*.

Восстановление этой надписи может быть примерно следующим: *damnamuha sa[ghe cadudiše]* "...посвятительный дар са[нгхе четырех сторон света]".

№ 36а, 6

Два фрагмента одного сосуда. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 41–42, рис. 10.

Текст (№ 36а):

3 4 2 7

Транслитерация: *vi-ha-re-a*-[

Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской: *vihara ha*... Между тем третья акшара надписи имеет достаточно заметную даже на фотографии огласовку *e*, т.е. слово *vihare* представляет местн. п., что свидетельствует о дарственном характере надписи.

Учитывая надпись на другом черепке того же сосуда (№ 36б), справедливо прочитанную издателем как *saṇaṇa maṇa*, едва ли может быть сомнение в том, что четвертую акшару на фрагменте № 36а, нижняя часть которой утрачена, следует восстанавливать как ? а, а не 2 ha.

Тогда надпись на двух фрагментах может быть достаточно надежно восстановлена как: [*haṇa*]viharē a[*saṇaṇa mahasaṃghigana parigrahe*].

№ 38

Фрагмент сосуда. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 42, рис. 11.

Текст:

ॐ ॐ ॐ ॐ

Транслитерация: *da-na-mu-kha sa-*

Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской: *da naṃ (?) - mukha di...* Перевод: "дар".

Первое слово (*da*)*namukha* "посвяtitельное даяние" – вполне отчетливо. Следующая акшара, стоящая после интервала, которую издатель читает *di*, очевидно, представляет *sa*, как и в № 32. В связи с этим текст надписи можно восстановить как: *danamukha sa[ḡhe-cadudise]*.

№ 546

Два соединяющихся фрагмента сосуда, покрытого оранжевым ангобом, в верхней части украшенного лотосовидными розетками. Ниже сосуд покрыт сетчатым лощением. Публикация: Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 48, рис. 14.

Текст:

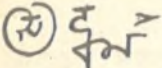
ॐ ॐ ॐ ॐ

Транслитерация: *]-m i-yo-ḡ [ ]i*

Чтение М.И.Воробьевой-Десятовской: *mī iyoḡ [ ]i*. Нам представляется, что первый знак не может быть *mī*, что по стилю данной надписи было бы выражено как , а скорее всего представляет *m*, т.е.

в лигатуре диакритический знак над акшарой *ma* выражает аваграху (отсутствие гласного в слове *ma*).

По аналогии с надписями брахми из Кара-тепе можно заключить, что на фрагменте было написано слово, выражающее благопожелание

 siddham.

Далее следовало слово *iyoḡ* "этот" – среднеиндийская форма указ. местоим. им. п. с ложной санскритизацией или знаком словораздела. М.И.Воробьева-Десятовская считает *iyoḡ* незасвидетельствованной формой местоим. дв. ч. Затем следовало, видимо, название сосуда, которое можно восстановить как *[kuṇḍ]i[yaḡ]*.

Таким образом, рассматриваемая надпись, видимо, начиналась словами: *siddham iyoḡ kuṇḍiyaḡ...* Ср. аналогичные надписи из Кара-тепе, начинающиеся словами: *siddham iyoḡ kuṇḍiyaḡ...* (№ 1 бр) и *siddham ayo-kuṇḍiyaḡ...* (№ 3 бр-б-кх).

Приложение II

НАДПИСИ НЕИЗВЕСТНЫМ ПИСЬМОМ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ

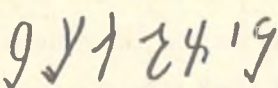
№ 1

Фрагмент сосуда размером 10×5 см был найден во время раскопок Фаяз-тепе. Сосуд неангобированный. Сохранились следы двух строк надписи.

Надпись опубликована М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 38, № 22, рис. 5).

Текст:

1-я строка:

2-я строка:

М.И.Воробьева-Десятовская считает, что надпись составлена на кхароштки. Предложенное ею чтение: ...[ga(?)]nati ena jetha...

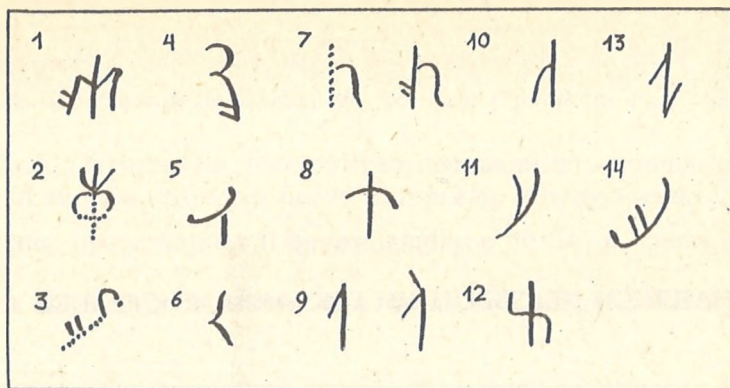
По нашему мнению, надпись составлена неизвестным письмом. Как и в надписи из Кара-тепе № 3 н.п., текст состоит из двух строк. Верхняя строка представлена фрагментами двух знаков. Отождествление их с известными знаками данного письма затруднительно.

Нижняя строка содержит семь знаков неизвестного письма.

Первый знак поврежден в верхней части, однако конфигурация его достаточно отчетлива. Скорее всего он тождествен седьмому знаку этой же надписи. В этой форме знак не засвидетельствован. По-видимому, он представляет форму . Черта влево от основной вертикали является диакритическим знаком.

Второй знак надписи – короткая вертикальная черточка ¹ – типичен для надписи из Даште-Навура (знак № 21), встречается также в Хатын-Рабате и Зар-тепе (см. табл. 2, № 15). Основываясь только на надписи из Даште-Навура (другие тексты неизвестного письма были еще не открыты), Ж.Фюсман считал этот знак результатом частичной утраты другого знака. Однако, имея данные четырех разных надписей, можно заключить, что рассматриваемый знак вполне самостоятелен и скорее всего является пунктуационным знаком, указывающим на конец слова или словосочетания.

Следующий знак (см. табл. 2, № 12) был рассмотрен нами при обзоре надписей из Кара-тепе (см. № 3 н.п.).

Знак неоднократно встречается в надписи из Даште-Навура. Там под № 17 представлены две его разновидности: с округленной верхней частью и с угловатой . В нашей надписи представлен второй вариант. Этот знак в его округленном варианте тождествен акшаре на письме кхароштки. Однако вопрос об отнесении двух указанных разновидностей к одному знаку пока остается открытым.

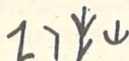
Знак (табл. 2, № 8) и знак (табл. 2, № 11) были обсуждены нами в связи с рассмотрением надписей № 2 н.п. и № 3 н.п. из Кара-тепе. Как можно видеть, оба знака представлены на Фаяз-тепе с диакритикой.

Последний знак на фрагменте , по-видимому, аналогичен первому. Слева от этого знака заметны следы еще одного знака. Видимо, надпись имела продолжение.

№ 2

Фрагмент сосуда (большого хума) был найден в Чим-Кургане (Гиссар). На фрагменте сохранилась надпись из четырех знаков, процарапанная на венчике. Надпись сохранилась целиком. Слева от нее процарапанное изображение зверька, напоминающего куницу.

Надпись опубликована М.И.Воробьевой-Десятовской (Памятники, с. 37, № 20, рис. 4).

Текст:

М.И.Воробьева-Десятовская считает, что надпись составлена на кхароштки и предлагает чтение: *mega tala* (?)

По всей видимости, эта надпись, как и предыдущая, выполнена неизвестным письмом.

№№	Кара-тепе	Фаяз-тепе	Зар-тепе	Теккуз-тепе	Чим-нурган	Хатын-рабат	Хмчаян	Даште - навур	Сурх-котал
1	⚡		⚡					⚡ ⚡ ⚡ ⚡	⚡
2	⚡		⚡					⚡ ⚡ ⚡	⚡
3	⚡							⚡	
4	⚡							⚡ ⚡ ⚡ ⚡ ⚡	⚡ ⚡
5	⚡							⚡	
6	⚡							⚡	
7	⚡ ⚡			⚡			⚡	⚡ ⚡ ⚡ ⚡ ⚡	⚡
8	⚡	⚡	⚡					⚡	⚡
9	⚡							⚡	
10	⚡ ⚡								
11	⚡	⚡	⚡	⚡				⚡	⚡
12	⚡ ⚡	⚡		⚡					
13	⚡			⚡	⚡	⚡		⚡	
14	⚡						⚡	⚡	
15		⚡	⚡			⚡		⚡	
16		⚡ ⚡							
17		⚡						⚡ ⚡	
18			⚡					⚡	
19			⚡						
20			⚡						
21			⚡						⚡
22				⚡				⚡	
23				⚡				⚡	⚡
24				⚡	⚡		⚡	⚡ ⚡ ⚡ ⚡ ⚡	
25				⚡	⚡			⚡	
26				⚡				⚡	
27						⚡			⚡ ⚡

Первый знак надписи (табл. 2, № 25) встречается только один раз в надписи из Даште-Навура (№ 2b). Вполне вероятно, что знак представлен с диакритикой. В основе он, как справедливо замечает Ж.Фюсман, имеет форму , аналогичную акшаре кхароштки та.

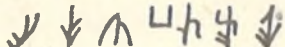
Второй знак (табл. 2, № 24) представляет один из вариантов целой серии знаков, сгруппированных под № 4 в таблице знаков надписи DN III.

Следующий знак (табл. 2, № 26) засвидетельствован только в надписи DN III (№ 31).

Последний знак на фрагменте (табл. 2, № 13) рассмотрен нами при обзоре надписей из Кара-тепе (см. № 4 н.п.).

№ 3

Фрагмент сосуда размером 17×6,5 см (ил. 114) был найден во время раскопок Теккуз-тепа. На фрагменте сохранилась надпись, состоящая из семи знаков, расположенная по краю венчика.

Текст:

Первый знак на фрагменте (табл. 2, № 13) в основной форме имеет вид . С этого знака, видимо, начиналась надпись, так как справа от него не заметно следов знаков. Знак засвидетельствован в надписи DN III под № 21 и в ряде надписей из Средней Азии. В данном тексте представлен с диакритикой.

Второй знак (табл. 2, № 12) в основной форме представляет . Кроме данной надписи засвидетельствован только в районе Термеза (Кара-тепе, Фаяз-тепе).

Характерно, что эти два знака, с которых начинается надпись из Теккуз-тепа, т.е. , встречаются на Кара-тепе в той же комбинации, хотя и с иной диакритикой: (см. № 4 н.п.).

Третий знак (табл. 2, № 7) в основе имеет форму . Представлен многими разновидностями и встречается в ряде надписей, в том числе DN III, № 7, СК, № 19. В данной надписи знак наиболее близок № 7F надписи из Даште-Навура.

Следующий знак (табл. 2, № 22) идентичен № 36 надписи DN III. В других текстах не засвидетельствован.

Знак (табл. 2, № 23), видимо, соответствует знаку или , т.е. № 3 надписи DN III, а также знаку , т.е. № 2 надписи СК.

Далее следует знак (табл. 2, № 24). Этот знак соответствует № 4E надписи из Даште-Навура. В надписях из Гиссара и Халчаяна представлен в иных вариантах (см. табл. 2, № 24).

Последний знак (табл. 2, № 11) в основной форме имеет вид . Знак соответствует № 25 надписи DN III и № 27 надписи СК. Встречается в надписях из района Термеза. В данной надписи представлен с той же диакритикой, что и на Фаяз-тепе.

№ 4

Фрагмент горловины сосуда хума был найден во время раскопок поселения Хатын-Рабат. На сосуде по венчику была сделана надпись, причем на внутренней стороне надпись была выполнена алфавитом кхароштки (ил. 117), а на внешней – неизвестным письмом (ил. 116).

Надпись на внутренней стороне опубликована Г.А.Пугаченковой (К изучению памятников Северной Бактрии. – Общественные науки в Узбекистане. Таш., 1968, № 8, с. 32, 33, рис. 3); надпись на внешней стороне – В.В.Вертоградовой (КТ V, с. 164–165, ил. 24г).

Текст:

В правой части фрагмента на внешней стороне изображены две геммы. Слева от них видны три знака надписи неизвестным письмом, оттиснутые на глине до обжига.

Первый знак надписи соответствует № 21D надписи DN III и встречается в ряде надписей из Средней Азии (см. табл. 2, № 13).

Второй знак – короткая вертикальная черта – соответствует № 21C надписи из Даште-Навура. Подробно рассмотрен нами при анализе надписи из Фаяз-тепе (см. № 1 н.п.).

Третий знак не засвидетельствован в Даште-Навура, но трижды встречается в надписи из Сурх-Котала. В СК № 21 этот знак употребляется с диакритикой. Можно думать, что СК № 21 и рассматриваемый знак из Хатын-Рабата с одной горизонтальной чертой влево представляют варианты одного знака. Его исходная форма сопоставима с греческой Δ либо с брахми .

№ 5

Фрагмент сосуда, найденный во время раскопок Халчаяна, сохранил надпись, состоящую из трех знаков.

Фрагмент опубликован Г.А.Пугаченковой (Халчаян. Таш., 1966, с. 59, рис. 35 и с. 91–92). Надпись рассмотрена Ж.Фюсманом (BEFEO, 1974, т. 61, с. 28).

Текст:

Первый знак надписи (табл. 2, № 14) соответствует № 16 надписи DN III.

Второй знак относится к серии знаков, числящихся под № 4 надписи DN III и встречающихся в ряде надписей из Средней Азии. Од-

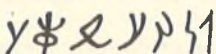
нако абсолютной аналогии знаку в других надписях неизвестным письмом не засвидетельствовано (см. табл. 2, № 24).

Последний знак поврежден в левой части, но легко восстанавливается и соответствует № 7 надписи из Даште-Навура (см. табл. 2, № 7).

№ 6

Фрагмент сосуда (часть венчика и тулова) был найден во время раскопок городища Зар-тепе (раскоп I, пласт 18).

Верхняя часть сосуда покрыта оранжевым, а нижняя – светло-желтым ангобом. На фрагменте сохранилась надпись, расположенная на светлой поверхности на расстоянии 10 см от края венчика. Надпись состоит из 11 знаков. Три из них почти неразличимы.

Текст:

Первый знак (табл. 2, № 8) соответствует № 29 надписи DN III и встречается в ряде надписей из Средней Азии.

Второй знак (табл. 2, № 18) ближе всего по конфигурации № 27 надписи из Даште-Навура, хотя не исключена возможность его отождествления с № 14 той же надписи.

Третий знак (табл. 2, № 19) аналогичен № 1 надписи DN III, где он представлен несколькими вариантами. Все они близки по конфигурации знаку sa (с полузакрытой петлей) алфавита кхароштки, характерному для времени ранних кушанских правителей. Рассматриваемый знак можно также сопоставить с № 4 надписи из Сурх-Котала. В других надписях он не встречается.

Следующий знак – короткая вертикальная черта – уже рассматривался нами в связи с надписью из Фаяз-тепе (см. № 1 н.п.).

Далее следует знак . Нижняя часть его повреждена, но едва ли можно сомневаться в его тождестве с № 25 надписи DN III и СК № 27.

Этот знак встречается и в других надписях из Средней Азии (см. табл. 2, № 11).

Следующие три знака неразборчивы. За ними различим знак (табл. 2, № 20). Точного соответствия ему в других надписях не имеется. Поэтому целесообразно считать его самостоятельным знаком в инвентаре знаков неизвестного письма.

Знак (табл. 2, № 2) соответствует № 5 надписи DN III и № 26 надписи из Сурх-Котала.

Последний знак на фрагменте (табл. 2, № 21) наиболее близок знаку № 7 надписи из Сурх-Котала. В других надписях не засвидетельствован.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ Пчелина Е.Г. Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе. — КТ I, с. 82—99.
- ² Систематические отчеты Б.Я.Ставиского о раскопках на Кара-тепе см. в сборниках КТ I — КТ V. Там же сведения о публикациях в других изданиях. См. также: Ставиский Б.Я. Кара-тепе — буддийский культовый центр кушанского Термеза как памятник среднеазиатско-индийских связей. — Центральная Азия. Памятники письменности и искусства. М., 1987, с. 282—290.
- ³ Тургунов Б.А. Городище Айртам. — Центральная Азия в кушанскую эпоху (Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. 1968 г., Душанбе). М., 1975, с. 245—250.
- ⁴ Пугаченкова Г.А. Две ступа на юге Узбекистана. — СА. 1967, № 3, с. 257—264.
- ⁵ Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 189.
- ⁶ Альбаум Л.И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (по материалам 1968—1972 гг.). — Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 53—58; он же. Буддийский храмовый комплекс Фаяз-тепе. — Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований, 1972 г. в СССР. Таш., 1973, с. 126—128; он же. О толковании каратепинских комплексов (в свете раскопок Фаяз-тепе). — КТ V, с. 56—64.
- ⁷ Грек Т.В. Индийские надписи на керамике из Кара-тепе. — КТ I, с. 68—81; она же. Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе. — КТ III, с. 114—117.
- ⁸ Харматта Я. К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе. — КТ II, с. 32—39.
- ⁹ Там же, с. 37—39. Еще одна двуязычная надпись была опубликована Т.В.Греком и В.А.Лившицем, см.: Грек Т.В., Лившиц В.А. Двуязычная надпись из Кара-тепе. — КТ III, с. 118—121. Интерпретация этой надписи впоследствии также была пересмотрена.
- ¹⁰ Вертоградова В.В. Индийские надписи на керамике из раскопок 70-х годов на Кара-тепе. — КТ V, с. 134—159.
- ¹¹ Vertogradova V.V. Indian Inscriptions and Inscriptions in Unknown Lettering from Kara-tepe in Old Termez. — The XXXI International Congress of Human Sciences in Asia and Africa Aug. 1983, Tokyo—Kyoto. Moscow, 1983.
- ¹² Воробьева-Десятовская М.И. Памятники письмом кхароштки и брахми из Советской Средней Азии. — История и культура Центральной Азии. М., 1983, с. 22—96.
- ¹³ Hinüber O. von. A Brāhmī Inscription from Kara-tepe. — Studies in Indo-Asian Art and Culture. 1980, с. 123—125 (отд. отт.); Hinüber O. von. Inscribed Vessels from Buddhist Monasteries in Termez and Salihundam. — Festschrift A.H.Dani. New-Delhi, 1990.
- ¹⁴ Fussman G. Chronique des Études Kouchans (1978—1987). — JA. 1987, t. 275, № 3—4, с. 348. О надписях № 1 бр и № 16 бр, которых касается Ж.Фюсман, см. примеч. 17.
- ¹⁵ Грек Т.В., Лившиц В.А. Двуязычная надпись из Кара-тепе. — КТ III, с. 118—121.
- ¹⁶ Хумбах Х. К находкам бактрийских надписей на Кара-тепе. — КТ IV, с. 61—69.
- ¹⁷ Надписи № 1 бр и № 16 бр были нами пересмотрены в статье: Notes on Indian Inscriptions from Kara-tepe. — Summaries of Papers Presented by Soviet Scholars to the VI World Sanskrit Conference, October 13—20, 1984, Philadelphia, Moscow, 1984, с. 160—171.
- ¹⁸ Вертоградова В.В. Некоторые проблемы изучения индийского эпиграфического материала из Кара-тепе. — ИБ МАИКЦА. 1987, вып. 13, с. 20—40.

- ¹⁹ Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 24–29.
- ²⁰ Diskalkar D.B. Materials on which Indian Epigraphical Records were incised. – *INQ.* 1958, vol. 36, pt 1, с. 48.
- ²¹ Gurumurthy G. Inscribed potcherds from South Indian Excavations. – *Studies in Indian Epigraphy.* Vol. III, 1977, с. 120–123.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНДИЙСКИХ НАДПИСЕЙ И НАДПИСЕЙ НЕИЗВЕСТНЫМ ПИСЬМОМ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

1. Надписи на керамических сосудах

- ¹ Грек Т.В. Индийские надписи на керамике из Кара-тепе. – КТ I, с. 80.
- ² Харматта Я. К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе. – КТ II, с. 35.
- ³ Воробьева-Десятовская М.И. Памятники письмом кхароштки и брахми из Советской Средней Азии. – История и культура Центральной Азии. М., 1983, с. 56.
- ⁴ Вертоградова В.В. Об одной индийской надписи на сосуде из Кара-тепе. – КТ IV, с. 81.
- ⁵ Hinüber O. von. A Brāhmī Inscription from Kara-tepe. – *Studies in Indo-Asian Art and Culture*, 1980, с. 124 (отд. отт.).
- ⁶ Vertogradova V.V. Notes on Indian Inscriptions from Kara-tepe. – *Summaries of Papers Presented by Soviet Scholars to the VI World Sanskrit Conference, October 13–20, 1984, Philadelphia.* Moscow, 1984, с. 160–171.
- ⁷ К числу дарственных надписей следует отнести и надпись № 6 бр–жх о денежном пожаловании, так как она содержит обычную дарственную формулу пожелания – *imēna kuśala-mulēna*. Начальная часть надписи не вполне ясна, но нет сомнений, что предметом дарения выступают пожалованные драхмы. Надпись требует дальнейшего изучения.
- ⁸ Вертоградова В.В. Индийские надписи из раскопок 70-х годов на Кара-тепе. – КТ V, с. 158.
- ⁹ Konow. Introduction, с. XIV.
- ¹⁰ Там же, с. 145.
- ¹¹ Konow, с. 170.
- ¹² Brough J. The Gāndhārī Dharmapada. L., 1962, Introduction.
- ¹³ Konow, с. 165.
- ¹⁴ Majumdar N.G. The Bajaur Casket of the Reign of Menander. – *El.* 1937–1938, vol. XXIV, № 2, с. 98.
- ¹⁵ Fussman G. Gāndhārī écrite, gāndhārī parlée. – *Colloque sur "Dialectes et formes dialectales dans les langues indo-aryennes"*. Paris, 1–18 Sept. 1986, с. 42.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Вертоградова В.В. К интерпретации среднеиндийских интервокальных фрикативных. – Вопросы языкознания. М., 1964, с. 110.
- ¹⁸ Burrow T. The Language of the Kharoṣṭhī Documents from the Chinese Turkestan, Cambridge, 1937, с. 41; Fussman G. Gāndhārī écrite, с. 6.
- ¹⁹ Brough J. The Gāndhārī Dharmapada, Introduction, § 16.
- ²⁰ Это слово прочитано нами в только что открытой надписи, которая будет опубликована в следующем выпуске "Кара-тепе".
- ²¹ Burrow T. The Language of the Kharoṣṭhī Documents, с. 16; Brough J. The Gāndhārī Dharmapada, Introduction, § 6.
- ²² Там же, Introduction, § 12.
- ²³ Burrow T. The Language of the Kharoṣṭhī Documents, с. 39.
- ²⁴ Boyer A.M., Rapson E.J., Senart E. Kharoṣṭhī Documents discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan. Pt I. Oxf., 1920, с. 299.
- ²⁵ По-видимому, этот же знак встречается в надписи из Джамалгархи, опубликованной Коновом. См.: Конов, с. 114.
- ²⁶ Харматта Я. К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе. – КТ II, с. 32.
- ²⁷ Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 55.

- ²⁸ Fussman G. *Gāndhārī* écrite, с. 59, примеч. 51.
- ²⁹ В надписи из Фаяз-тепе № 16, где М.И.Воробьева-Десятовская видит долготу, по нашим наблюдениям долгота не выражена. См. приложение I к настоящему изданию.
- ³⁰ Mahāvāstu, колофон.
- ³¹ Boyer A.M., Rapson E., Senart E. *Kharoṣṭhī Documents*, pt I, с. 30.
- ³² Burrow T. *The Language of the Kharoṣṭhī Documents*, с. 41.
- ³³ Damsteegt Th. *Epigraphical Hybrid Sanskrit*. Leiden, 1978, с. 98.
- ³⁴ Lüders H. *A List of Brāhmī Inscriptions from the earliest time to about 400 A.D.* — EI. 1912, vol. X, с. 50, 29; он же. *Mathurā Inscriptions*. Göttingen, 1961.
- ³⁵ Baily H.W. *A Kharoṣṭhī Inscription of Senavarma, King of Odi.* — JRAS. 1980, № 1, с. 21–29.
- ³⁶ Fussman G. *Documents Épigraphiques Kouchans (III). L'Inscription Kharoṣṭhī de Senavarma, roi d'Odi. Une nouvelle lecture.* P., 1982.
- ³⁷ Грек Т.В. Индийские надписи на керамике из Кара-тепе, с. 45.
- ³⁸ Харматта Я. К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе, с. 33.
- ³⁹ Вертоградова В.В. Индийские надписи на керамике из раскопок 70-х годов на Кара-тепе. — КТ V, с. 151.
- ⁴⁰ Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 24.
- ⁴¹ Bühler H. *Indische Palaeographie*. Strassburg, 1986.
- ⁴² Boyer A.M., Rapson E., Senart E. *Kharoṣṭhī Documents*, с. 153.
- ⁴³ Brough J. *The Gāndhārī Dharmapada*.
- ⁴⁴ Dani A.H. *Indian Palaeography*. Oxf., 1963.
- ⁴⁵ Там же, с. 267.
- ⁴⁶ Там же, с. 269.
- ⁴⁷ Там же, с. 270.
- ⁴⁸ В полевой сезон 1990 г. на Кара-тепе найдена еще одна (четвертая) надпись с именем монаха Дживананды. Надпись выполнена на трех языках (бр–б–кх) и будет опубликована в очередном выпуске "Кара-тепе".
- ⁴⁹ Dani A.H. *Indian Palaeography*, табл. VIIIa, № 6.
- ⁵⁰ Там же, табл. XIIa, № 2.
- ⁵¹ Там же, табл. XIIa, № 10.
- ⁵² Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 347, рис. 16.
- ⁵³ Dani A.H. *Indian Palaeography*, табл. VIIIa, № 9.
- ⁵⁴ Там же, табл. IXa, № 6.
- ⁵⁵ Там же, табл. Xa, № 1.
- ⁵⁶ Senart E. *The Inscriptions in the Caves at Nasik.* — EI. 1905–1906, vol. VIII, с. 78, табл. IV.
- ⁵⁷ Lüders H. *Mathurā Inscriptions*, § 39. В этой надписи благоприятные символы располагаются через каждые семь знаков письменного текста.
- ⁵⁸ СII, III, 1981, с. 296, табл. XI; Dani A.H. *Indian Palaeography*, табл. XIIIa.
- ⁵⁹ Там же, табл. XIIIa, № 4.
- ⁶⁰ Там же, табл. XIIIa, № 6.
- ⁶¹ СII, III, 1981, с. 256, табл. XI.
- ⁶² Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, рис. 16.
- ⁶³ Lévi S. *Note sur des manuscrits sanscrits provenant de Bamiyan (Afganistan) et de Gilgit (Cachemire).* — JA. 1932, t. 220, с. 1–45.
- ⁶⁴ Maricq A. *Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlan).* — JA. 1958, t. 246, с. 417, № 7.
- ⁶⁵ Fussman G. *Documents épigraphiques Kouchans.* P., 1974 (BEFEO. T. 61).
- ⁶⁶ Публикация надписи: Аманжолов А.С. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты. — Вестник АН КазССР, 1971, № 12, с. 64–66 (надпись интерпретируется здесь как выполненная руническим алфавитом орхоно-енисейского типа на древнетюркском языке); Акишев К.А. Курган Иссык. М., 1978, с. 60; Лившиц В.А. Надписи из Дильберджина. — Древняя Бактрия. Материалы советско-афганской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1976, с. 165.
- ⁶⁷ Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Таш., 1966, с. 59, рис. 35.

- ⁶⁸ См. № 3 н.п. Фрагмент был найден во время раскопок памятника VI–VII вв. Теккуз-тепа, проводившихся под руководством Б.А.Литвинского, по сообщению которого памятник вырос на основе кушанского поселения и на нем встречаются находки кушанского времени. Надпись была отождествлена с неизвестным письмом В.А.Лившицем.
- ⁶⁹ См. № 1 н.п.
- ⁷⁰ См. № 2 н.п.
- ⁷¹ Пугаченкова Г.А. К изучению памятников Северной Бактрии. — Общественные науки в Узбекистане. Таш., 1968, № 8, с. 32, рис. 3; Вертоградова В.В. Находка надписи неизвестным письмом на Кара-тепе. — КТ V, с. 160–167.
- ⁷² Bernard P. Campagne de fouille 1978 à Ai-Khanoum (Afganistan). — Académie des inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus. P., 1980. T. 57, с. 437–440.
- ⁷³ Fussman G. Documents épigraphiques Kouchans, с. 24.
- ⁷⁴ Там же, с. 34–35.
- ⁷⁵ Bernard P. Campagne de fouille 1978 à Ai-Khanoum, с. 439.
- ⁷⁶ Mukherjee B.N. Central and South Asian Documents in the Old Saka-Era. Varanasi, 1973, с. 121.
- ⁷⁷ Превадзе Э.В., Лившиц В.А. Письменности Кушанской Бактрии. Таш., 1985, с. 36.

2. Настенные надписи

- ¹ Ставиский Б.Я. Исследование Кара-тепе в Старом Термезе и значение его для изучения культурных взаимосвязей между народами древнего мира. — Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990, с. 6–12, рис. 4, 9, 10.
- ² Schlingloff D. Studies in Ajanta Painting. Delhi, 1987, с. 219–221.
- ³ Там же, с. 227.
- ⁴ Кругликова И.Т. Дильберджин (раскопки 1970–1972 гг.). Ч. I. М., 1974, с. 68–69, рис. 45, 46.
- ⁵ Franz H.G. Buddhistische Kunst Indiens. Lpz. 1965, ил. 77, 96.
- ⁶ Stern Ph., Benisti M. Evolution du Style Indien d'Amaravati. P., 1961, ил. VIIIa, Xb.
- ⁷ Сходная картина наблюдается в Гильгите, где надписи кхароштки сопровождают граффити ступ с круглым основанием, тогда как надписи брахми обнаружены рядом с изображением ступ с очень высоким квадратным трехступенчатым основанием. См.: Fussman G. Inscriptions de Gilgit. P., 1978 (BEFEO. T. 65). Можно думать, что два настенных изображения ступ в комплексе Б, имеющих высокие трехступенчатые цоколи, одновременны с надписями брахми на южной стене южного пещерного коридора этого комплекса. Об этих изображениях см.: Массон М.Е. Городища Старого Термеза и их изучение. — Труды УзФАН СССР. Сер. I (история и археология). 1940, вып. 2, с. 82, рис. 58; с. 83, рис. 59; Ставиский Б.Я. Кара-тепе — буддийский культовый центр Кушанского Термеза как памятник среднеазиатско-индийских связей. — Средняя Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987, с. 284, рис. 3.
- ⁸ Рисунок опубликован: Ставиский Б.Я. Исследование Кара-тепе в Старом Термезе, рис. 2 (предварительная публикация). Подробная публикация подготовлена к печати Т.К.Мкртычевым для очередного выпуска "Кара-тепе".
- ⁹ Бердников А.Ф. Раскопки комплекса В в 1974–1977 гг. — КТ V, 1982, с. 55; Ставиский Б.Я. Новые данные о Кара-тепе (некоторые итоги работ 1978–1989 гг.) (статья подготовлена к печати для очередного выпуска "Кара-тепе").
- ¹⁰ Cp. Nāyaśāstra, 3, 72–86.
- ¹¹ Lüders H. Mathurā Inscriptions. Göttingen, 1961, § 40.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ БУДДИЗМА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БУДДИЙСКОЙ ОБЩИНЫ НА КАРА-ТЕПЕ ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИКИ

- ¹ Roth G. (ed). Bhikṣuni-Vinaya-Manual of Discipline for Buddhist nuns, including Bhikṣuni-Prakir-naka and a Summary of the Bhikṣu-Prakir-naka of the Arya-Mahāsāṃghika-Lokottaravādins. Patna, 1970 (Tibetan Sanskrit Works, Series 12).

- ² Roth G. Particular Features of the Language of the Arya-Māhāsāṃghika-Lokottaravādins and their Importance for Early Buddhist Tradition. — Die Sprache der ältesten buddhistischen Überlieferung. Hsg. von H. Bechert. Göttingen, 1980, c. 119, № 24. Supplement (Symposien zur Buddhismusforschung II).
- ³ Lévi S. Note sur des manuscrits sanscrits provenant de Bamiyan (Afganistan) et de Gilgit (Cache-mire). — JA. 1932, t. 220, c. 1–45.
- ⁴ Mahāvastu, I, 136.
- ⁵ Mahāvastu, I, 105, 13–14.
- ⁶ Харматта Я. К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе. — КТ II, с. 35–36.
- ⁷ Vertogradova V.V. Indian Inscriptions and Inscriptions in Unknown Lettering from Kara-tepe in Old Termez. — The XXXI International Congress of Human Sciences in Asia and Africa. Aug. 1983, Tokyo–Kyoto. Moscow, 1983.
- ⁸ Выявление двух периодов строительства монастыря (южная вершина) на основе исследования стенных обзоров и живописного декора было предложено О.А.Тумановой. См.: Туманова О.А. Декор и строительная стратиграфия на Кара-тепе. — Конференция "Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа". Тезисы докладов. М., 1981, с. 147–149; она же. Исследования архитектуры Кара-тепе (рукопись).
- ⁹ СII, III, 1981, с. 141–142.
- ¹⁰ Bareau A. Les sectes bouddhiques du petit véhicule. Saigon, 1955, c. 121–126; Takakusu J. A Record of the Buddhist Religion. P., 1905, c. XXIV; Demieville P. L'origine des sectes bouddhiques d'après Paramartha. P., 1931, c. 36; Lamotte E. Histoire du Bouddhisme Indien. Louvain, 1958, c. 421; Dutt N. Doctrines of the Sammatiya School of Buddhism. — IHQ. 1939, vol. XV, c. 90–101; Konze. Buddhist Thought in India. L., 1964.
- ¹¹ Aśrayaprajñaptiśāstra (T. 1649), tr. from Chinese by K. Venkataramanan. — Viśvabharati Annals, V, 1953; Warder A.K. Indian Buddhism. Delhi, 1980, c. 275.
- ¹² Lüders H. Mathurā Inscriptions. Göttingen, 1961, § 81, c. 116–117.
- ¹³ СII, III, 1981, с. 291–293, табл. XXV.
- ¹⁴ Joshi L.M. Studies in the Buddhistic Culture of India. Delhi, 1977, c. 134.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Грек Т.В., Лившиц В.А. Двухязычная надпись из Кара-тепе, с. 119.
- ¹⁷ Воробьева-Десятовская М.И. Памятники, с. 60.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Vertogradova V.V. Notes on the Indian Inscriptions from Kara-tepe. — Summaries of Papers Presented by Soviet Scholars to the VI World Sanskrit Conference. Oct. 1984. Philadelphia. Moscow, 1984.
- ²⁰ Anguttaranikaya, III, 176.
- ²¹ Там же.
- ²² Jātaka, VI, 224.
- ²³ Jātaka VI, 255.
- ²⁴ Ранее на основе надписей с разными наименованиями вихар мы допускали возможность отождествления вихары с отдельным строительным комплексом южной вершины. См.: Проблемы изучения индийского эпиграфического материала из Кара-тепе. — ИБ МАИКЦА, 1977, вып. 13, с. 38. После выявления нового строительного комплекса на северной вершине распределение вихар по местоположению на двух вершинах холма становится очевидным. К этому же выводу пришел Б.Я.Ставиский. См.: Отчет о работах на Кара-тепе за 1982–1988 гг. (рукопись).

СВОД ИНДИЙСКИХ НАДПИСЕЙ И НАДПИСЕЙ НЕИЗВЕСТНЫМ ПИСЬМОМ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

1. Надписи кхароштии на керамических сосудах

- ¹ Konow, с. 102, табл. XX, 13.
- ² Там же.
- ³ Bailey H.W. A Kharoṣṭhi Inscription of Senavarma, King of Odi. — JRAS. 1980, № 1, с. 27; Fussman G. Inscriptions de Gilgit. P., 1978, c. 14, 18 (BEFEO. T. 65).

- ⁴ Dhammapada, 87.
- ⁵ Dhammapada, 91.
- ⁶ Копов, с. 110–113, табл. XXII, 1.
- ⁷ Воробьева-Десятовская М.И. Новые находки письмом кхароштки из Термеза. — ВДИ. 1974, № 1, с. 119.
- ⁸ Копов, с. 158, табл. XXX, 2.
- ⁹ Там же, с. 173–176, табл. XXXV.
- ¹⁰ Maricq A. Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlan). — JA. 1958, t. 246, c. 347.
- ¹¹ Meillet A. Notes Iranienes. — Mémoires de la Société Linguistique. P., 1912, vol. 17, c. 109; Henning W.B. The Bactrian Inscription. — BSOAS. 1960, vol. 23, c. 50.
- ¹² Eilers W. Der Name Demawend II. — Archiv Orientalní. 1956, № 2, c. 184–185.
- ¹³ Henning W.B. The Bactrian Inscription, c. 50.
- ¹⁴ Harmatta J. The Great Bactrian Inscription. — Acta Ant. Hung. 1964, t. 12, c. 471.
- ¹⁵ Henning W.B. The Bactrian Inscription, c. 50. См. также: Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе. — КТ II, с. 58.
- ¹⁶ Cunningham A. Later Indo-Scythian. — Numismatic Chronicle. 1893, 3-d Series. T. XIII, № 18, c. 116.
- ¹⁷ Лившиц В.А., Кругликова Т.И. Фрагменты монументальной бактрийской надписи из Дильберджина. — Древняя Бактрия. Т. 2. М., 1979, с. 103.
- ¹⁸ Ghirshman R. Les Chionites–Heptalites. Le Cairo, 1948. (MDAFA. T. 13), № 7, c. 9–12.
- ¹⁹ Там же, № 5, 15.
- ²⁰ Göbl R. Documente zur Geschichte der Iranischen Hunnen. Wiesbaden, 1967, Em. 244; см. также: Humbach H. Kušan und Hephthaliten. München, 1961, c. 30; Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе, с. 58.
- ²¹ Р.Гёбл транслитерирует эту надпись vakhudevaḥ. Более точным представляется чтение: vakhudivaḥ.
- ²² Не исключено, что в данном случае может иметь место гаплоглогия, т.е. vakhudivaḥ < vakhukhudaivaḥ. См.: Хумбах Х. Кара-тепе — Тохи — Сурх-Котал. — КТ III, с. 122.
- ²³ Edgerton F. Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary. Vol. I. New Haven, 1953, § 22, 23; § 22, 24.
- ²⁴ Там же, § 22, 26.
- ²⁵ Ргеладзе Э.В. Раннесредневековые монеты Чаганиана с парным изображением. — Прошлое Средней Азии. Душ., 1987, с. 223. он же. Древние монеты Средней Азии. Таш., 1987, с. 120.
- ²⁶ Harmatta J. The Bactrian Inscriptions from Kara-tepe. — КТ II, с. 94–95; Лившиц В.А. К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе. — КТ IV, с. 60.
- ²⁷ Fussman G. Chronique des Etudes Kouchans (1978–1987). — JA. 1987, t. 275, № 3–4, c. 348.
- ²⁸ Копов, с. 162–165, табл. XXXII, 1.
- ²⁹ Там же, с. 70–77, табл. XIV.
- ³⁰ Там же, с. 145–150, табл. XXVII, 1.
- ³¹ Там же, с. 101, № 10, табл. XX, 10.
- ³² Vinaya. II, 216; Jātaka, VI, 76.
- ³³ Lüders H. List of Brāhmī Inscriptions. — EI. 1912, vol. X (Appendix), № 994.
- ³⁴ Копов, с. 173–176, табл. XXXV.
- ³⁵ Cullanidessa, 523.
- ³⁶ Копов, с. 50–52, табл. X. Это слово не засвидетельствовано в надписях из Матхуры, а встречается только в текстах кхароштки из Северо-Западной Индии, а также в надписях из Насика (Юго-Западная Индия). См.: Damsteegt Th. Epigraphical Hybrid Sanskrit. Leiden, 1978, c. 175, 245.
- ³⁷ Samyuttanikaya, 188.
- ³⁸ Jātakamāla, 41, 1.
- ³⁹ Lüders H. Mathurā Inscriptions. Göttingen, 1961, § 81, c. 116–117.
- ⁴⁰ CII, III, 1981, c. 291–293, табл. XXV.
- ⁴¹ Там же, Introduction, с. 141.
- ⁴² Упомянутая надпись из Матхуры (№ 81), где ранее читали дату 14 год Канишки, как убе-

- дительно показали последние исследования, имеет дату 84 год Канишки и по палеографическим данным относится к гуптскому времени (т.е. к правлению Канишки III). Надпись из Манкувара датируется 448 г.
- 43 Konow, c. 138–141, табл. XXVI.
  - 44 Там же, c. 63–65, табл. XIII.
  - 45 Там же, c. 134–137.
  - 46 Воробьева-Десятовская М.И. Новые находки, с. 119.
  - 47 Boyer A.M., Rapson E., Senart E. Kharoṣṭhī Inscriptions discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan. Pt I. Oxf., 1920, табл. 249.
  - 48 Brough J. The Gāndhārī Dharmapada. Introduction. L., 1962, § 12.
  - 49 Benveniste E. Titres et noms propres en iranien ancien. P., 1966, c. 98–99; Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 266, 310.
  - 50 Cunningham A. Stupa of Bharhut: a Buddhist Monument. L., 1879, с. 81.
  - 51 Cunningham A. The Bhilse Topes or Monuments of Central India: London – Bombay, 1884, с. 39.
  - 52 Amarakosa, 136.
  - 53 Deśināmamāla, 215, 3.
  - 54 Lüders H. Mathurā Inscriptions, § 176.
  - 55 Leroi-Gourhan. Préhistoire de l'art occidental. P., 1965, с. 105–106, рис. 782.
  - 56 Konow, c. 165.
  - 57 Baily H.W. Two Kharoṣṭhī Inscriptions from Avaca. – JRAS. 1978, № 1, с. 3–13.
  - 58 Fussman G. Deux dédicaces kharoṣṭhī. – BEFEO. 1985. T. 74, с. 29–34.
  - 59 Konow, c. 145–150.
  - 60 Там же, с. 170, табл. XXXIII.
  - 61 Там же, с. 158, табл. XXX, 2.
  - 62 Damsteegt Th. Epigraphical Hybrid Sanskrit, с. 184; Lüders H. Mathurā Inscriptions, § 161; Vogel J.Ph. Naga Worship in Ancient Mathurā. – ASI Ann. Rep. 1908/1909, 1912, с. 151–163.
  - 63 Lüders H. List of Brāhmī Inscriptions, № 1117; Nagaraju S. Buddhist Architecture of Western India. Delhi, 1981, с. 342.
  - 64 Senart E. The Inscriptions in the Caves at Nasik. – EI. 1905–1906, vol. VIII, с. 91–92; Nagaraju S. Buddhist Architecture, с. 344.
  - 65 Konow, c. 62.
  - 66 Там же, с. 141.
  - 67 Там же, с. 77.
  - 68 Lüders H. Mathurā Inscriptions, § 97.
  - 69 См. примеч. 49.
  - 70 Стреблин-Каменский И.М. Бактрийский язык. – Основы иранского языкознания. Средне-иранские языки. М., 1981, с. 339.
  - 71 Brough J. The Gāndhārī Dharmapada, Introduction, § 6.
  - 72 Debevoise N.C. A Political History of Parthia. Chicago, 1938.
  - 73 Simonetta A. The Chronology of the Gondopharean Dynasty. – East and West. 1978, vol. 28.
  - 74 Mukherjee B.N. An Agrippan Source. A Study of Indo-Parthian History. Calcutta, 1969.
  - 75 Konow, с. 57.
  - 76 Simonetta A. The Chronology of Gondopharean Dynasty, с. 167; Widemann F. Comments on Simonetta's Article. – East and West. 1978, vol. 28, с. 167.
  - 77 Mukherjee B.N. An Agrippan Source, с. 183–198; 217–254; он же. Mathurā and its Society. The Saka-Pahlava Phase. Calcutta, 1981, с. 72–82.
  - 78 Daffina P. The Early Spread of Cristianitas in India. An Old Problem reexamined. – East and West. 1958, vol. 9, с. 187–192; Messina G. Cristianismo, buddhismo, manicheismo nell'Asia antica. Roma, 1947, с. 39.
  - 79 Konow. Introduction, с. XIV.
  - 80 Там же.
  - 81 Там же.
  - 82 Simonetta A. The Chronology of Gondopharean Dynasty, с. 164, рис. 114, № 3, № 19.
  - 83 Henning W.B. The Great Inscription of Sapur I. – BSOS. 1937–1939. T. IX, pt. I.

- ⁸⁴ Frye E.N. Remarks on the Paikuli Inscription. — HJAS. 1957, vol. 20; Gignoux Ph. Glossaire des Inscriptions Pehlevies et Parthes. L., 1972.
- ⁸⁵ Mordtmann A.D. Sassanidische Gemmen. — ZDMG. 1876, Bd. 29; Justi F. Beiträge zur Erklärung der Pehlevi Siegelinschriften. — ZDMG. 1892. Bd. 46, c. 288.
- ⁸⁶ Gignoux Ph. Pad Nam I Yazdan. Les noms propres en moyen perse épigraphique. P., [6. r.], c. 71.
- ⁸⁷ Justi F. Altiranische Namenbuch. Marburg, 1885.
- ⁸⁸ Konow, c. 170.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Lüders H. Mathurā Inscriptions, § 27.

2. Надписи брахми на керамических сосудах

- ¹ Sircar D.C. Indian Epigraphy. Delhi, 1965, c. 92–93; Damsteegt Th. Epigraphical Hybrid Sanskrit. Leiden, 1978, c. 190–192.
- ² Konow, c. 170.
- ³ Sircar D.C. Indian Epigraphy, c. 93; Dani A.H. Indian Palaeography. Oxf., 1963, c. 118.
- ⁴ Lüders H. Mathurā Inscriptions. Göttingen, 1961, § 71.
- ⁵ Lüders H. List of Brāhmī Inscriptions. — EI. 1912, vol. X (Appendix), № 118.
- ⁶ Vertogradova V.V. Notes of the Indian Inscriptions from Kara-tepe. — Summaries of Papers Presented by Soviet Scholars to the VIth World Sanskrit Conference, Oct. 1984, Philadelphia. Moscow, 1984, c. 170.
- ⁷ Hirakava A. The Rise of Mahāyāna Buddhism and its relation to the Worship of Stupas. — Memoirs of the Tokyo Bunko Research Society. 1963, vol. 22, c. 101.
- ⁸ Dani A.H. Indian Palaeography, табл. IXb, 6.
- ⁹ Там же, табл. XIIa, 1.
- ¹⁰ Sircar D.C. Kuluta Inscription from Mathurā. — Indian Museum Bulletin. Vol. 7. January 1972, c. 91.
- ¹¹ Там же, c. 87.
- ¹² Lüders H. Mathurā Inscriptions, § 186.
- ¹³ Там же, § 20.
- ¹⁴ Edgerton F. Buddhist Hybrid Sanskrit. Grammar and Dictionary. Vol. I. New Haven, 1953, 21.38.
- ¹⁵ Там же, c. 109, 112, 113.
- ¹⁶ Hinüber O. von. Inscribed vessels from Buddhist Monasteries in Termez and Salihundam. — Festschrift für A.H. Dani. N-Delhi, 1991.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Sircar D.C. Indian Epigraphical Glossary. Delhi, 1966, c. 128.

3. Многоязычные надписи на керамических сосудах

¹ См. примеч. 2.

² Данное сообщение о сосуде носит характер предварительной публикации, необходимой для сопоставления с другими индийскими материалами Кара-тепе. Подробная публикация надписей на сосуде, содержащая детальный лингвистический анализ и обсуждение ряда спорных проблем, касающихся содержательной интерпретации текстов (в частности, проблемы имен собственных), содержится в статье В.В.Вертоградовой и В.А.Лившица "Сосуд с индийскими и бактрийскими надписями из Кара-тепе", подготовленной для очередного выпуска "Кара-тепе".

³ Нам представляется, что претерит типа वो॒रि॒ख्то мог иметь в бактрийском языке и пассивное значение, как это утверждал Я.Харматта по отношению к сурхкотальской надписи (см.: Harmatta J. The Great Bactrian Inscription. — Acta Ant. Hung. 1964, t. 12, c. 392). В этом случае текст вокруг горла сосуда есть точная передача бактрийскими буквами индийской формулы (блока): bhiksu-budhasīrasya, перед которой стоит глагол वो॒रि॒ख्то в значении "написано". Таким образом, надпись вокруг горла могла быть исправлением, сде-

ланным монахом-индийцем в связи с тем различием в именах, которое имеет место в надписях разными алфавитами. Поэтому верхнюю надпись воіхто воікро воббоџіросса, по нашему мнению, следует переводить: "написано: „монаха Буддхаширы””.

- ⁴ Milindapañha, 29.
- ⁵ Vinaya, II, 10.
- ⁶ Samyuttanikaya, III, 95.
- ⁷ Vinaya, II, 12–14.
- ⁸ CII, III, 1981, с. 272, табл. XVIII.
- ⁹ Dani A.H. Indian Palaeography. Oxf., 1963, табл. Xb.
- ¹⁰ Sircar D.C. Indian Epigraphical Glossary. Delhi, 1966, с. 119.

4. Надписи неизвестным письмом на керамических сосудах

- ¹ Fussman G. Documents épigraphiques Kouchans. P., 1974 (BEFEO. T. 61), табл. VI.
- ² Там же, с. IV.
- ³ Dani A.H. Indian Palaeography. Oxf., 1963, табл. V.
- ⁴ Jensen H. Der Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. B., 1958, ил. 443.
- ⁵ Fussman G. Documents épigraphiques Kouchans, табл. VI A.
- ⁶ Лузаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Таш., 1966, с. 59, рис. 35.
- ⁷ См. Приложение II, № 5 и № 3.

5. Настенные надписи кхароштхи

- ¹ Lalitavistara, 388. 15.
- ² Mahāvastu, II 349, 6.
- ³ Lalitavistara, 97, 10.
- ⁴ Senart E. The Inscriptions in the Caves at Nasik. – EI. 1905–1906, vol. VIII, с. 77, № 9.
- ⁵ О ступах-граффити в помещениях комплекса Б см.: Массон М.Е. Городища Старого Термеза и их изучение. – Труды УзФАН СССР. Сер. I (история, археология). 1940, вып. 2, с. 82, рис. 58; с. 83, рис. 59.
- ⁶ Dhammapada, XXI, 296.
- ⁷ Roth G. Particular Features of the Language of the Arya-Mahāsāmghika–Lokkotaravādins and their Importance for Early Buddhist Tradition. – Die Sprache der ältesten buddhistischen Überlieferung. Hsg. von H. Bechert. Göttingen, 1980, с. 119, № 242 (Symposien zur Buddhismusforschung II).
- ⁸ Mahāvastu, II, 143. 16.

6. Настенные надписи брахми

- ¹ Edgerton F. Buddhist Hybrid Sanskrit. Grammar and Dictionary. Vol. II. New Haven, 1953, с. 247.
- ² Mahāvastu, III, 56, 11.
- ³ Divyāvadana, 200, 12.
- ⁴ Meister M.W. Historiography of Temples on the Candrabhaga, reconsidered. – Indian Epigraphy. Its Bearing on the History of Art, ed. by F.M. Asher and G.S. Gai. New Delhi, 1985, с. 122–123.

УКАЗАТЕЛЬ ИНДИЙСКИХ СЛОВ

- amṭa № 33 кх
 [a]gra- № 21 кх
 agrabhaga(e) № 58 кх
 [agrapadiam]śaa № 49 кх
 [acarya]nam № 63 кх
 [a]caryana № 36 кх
 -aṭhaya № 13 кх
 ata № 4 кх (ср)
 atman[o/a] № 32 кх
 añāpuccha' № 7 бр-6
 ayaṃ № 1 кх, № 12 кх, № 46 кх, № 11 бр,
 № 20 бр, № 26 бр
 ayo № 3 кх, № 3 бр-6-кх
 āritasya(?) № 3 бр (ср)
 ārtta
     → bhavārtta
 asvavharasa № 41 кх
 [asva?]vhara- № 58 кх
 imena № 48 кх
 i[yo] или i № 5 кх
 [i]yo № 24 кх
 iyo № 36 кх, № 47 кх, № 51 кх, № 61 кх,
 № 6 бр-кх
 -i(sya) № 3 бр (ср)
 e(yaṃ?) № 43 кх
 -okaviharami № 26 кх
 -oka[viharami] № 57 кх
 -kathikasya
     → dharmakathikasya
     → mahadharmakathikasya
 -kala- № 24 кх
 kuḍiya № 3 кх
 kuṇḍika № 1 кх
 kuṇḍiya-
     → panikuṇḍiya
 k[umḍi][ya] № 47 кх
 k[umḍiya] № 51 кх
 kuṇḍiya № 46 кх
 kuṇḍiyah № 1 бр
 kuṇḍika
     → pā(ni)yakūṇḍika
     → panikakuṇḍika
 k[unḍika] № 22 бр
 [ku](ṇḍi)ka № 15 бр
 kuṇḍika № 11 бр
 kundikah № 26 бр
 kuśalam(u)[lena] № 48 кх
 kuśala[mulena] № 6 бр-кх
 keci
     → nakeci
 kenaci
     → nakenaci
 kaiṣa
     → nakaiṣa
 -kṣa- № 23 кх
 khagusa
     → nabhakhagusa
 khadevakaviha(ra)[mi] № 31 кх
 khade[vakaviharami] № 36 кх
 kha[devakaviharami] № 52 кх
 -gayah № 6 бр
 gahaka № 6 бр-кх
 gulavharajhadaviharami № 58 кх
 -gayala № 18 кх
 ghaḍa
     → bhikṣ(a)ghaḍa
 catu[diśami] № 40 кх
 caduḍiśa[mi] № 3 кх
 ca(du)[dīśami] № 7 кх
 [cadu]diśami № 28 кх
 caduḍiśami № 36 кх
 [ca](du)diśami № 52 кх
 ceti № 1 кх (ср)
 ceda № 36 кх
 coro № 16 бр
 jīvanamḍasya № 21 бр
 [jīva]namḍasya № 1 бр
 [jīvanam]ḍasya № 5 бр
 jhada
     → gulavharajhadaviharami
 -tasya № 12 бр, № 22 бр
 ḍaho № 36 кх
 -da(m)ta(m)sya № 58 кх
 danā № 3 бр
 danamukha № 54 кх
 dana[mukha] № 50 кх
 danamukhe № 56 кх
 dane № 7 бр
 damma

→ bharthadamma
 deyadham- N° 24 kx
 deyadharme N° 36 kx
 doṣa
 → bhavadoṣa
 dhamapa[laṣa] N° 18 6p
 dharmakathi[kasya] N° 1 kx
 dharmakathika(sya) N° 2 6p-6
 [dharmakathi](ka)sya N° 1 6p-6
 (dharma)kathika(sya) N° 11 6p
 -[dha]rme N° 45 kx
 dharmasya N° 2 6p (cr)
 dharmasya
 → mahes'varadharmasya
 nakeci N° 20 6p
 nakenaci N° 1 6p
 nakaiṣa N° 16 6p
 nabhak'hagusa N° 50 kx
 -naṃmi N° 62 kx
 ni[yaide] N° 36 kx
 nivarina (?) N° 6 kx (cr)
 pacchidduyatu N° 6 6p
 pa[cchidduyatu] N° 13 6p
 panikūṃḍiya N° 46 kx
 panikakūṃḍika N° 11 6p
 paniyakūṃḍika N° 1 kx
 pani(ya)- N° 36 kx
 pab(o/u)dha N° 4 kx (cr)
 pa[rigrahe] N° 36 kx
 [parigra]hami N° 46 kx
 pūka N° 3 6p
 [pu]gaḷika N° 1 kx
 [puga]ḷika N° 11 6p
 [pu]gaḷikasa N° 15 kx
 pugaliḡasya N° 3 6p-6-kx
 pudgaḷiyah N° 3 6p-6-kx
 -pudu(?) N° 42 kx
 -(p)yaḡraprap- N° 8 6p
 buddhaśirasya N° 4 6p-6-kx
 buddha[śira] N° 11 6p
 buddha[ś]ira]sya N° 4 6p-6-kx
 budhaśi[ra] N° 1 kx
 budhaśira N° 15 kx
 budhaśirasya N° 3 6p-6-kx
 b(u)dh(a)śir(a)s(a) N° 16 kx
 budhdha(ya) N° 3 kx (cr)
 budhasaṃmata N° 37 kx
 -bhagae
 → agrabhagae
 bhadanta N° 15 6p
 bharthadamma N° 6 6p-kx
 bhavadosa N° 20 kx
 bhavārtta N° 3 6p (cr)
 bhavati N° 16 6p
 bhavatu N° 13 kx, N° 36 kx
 [bha]vatu N° 14 kx

(bha)va[tu] N° 29 kx
 bhikṣ(a)ghaḡa N° 5 kx
 bhikṣu N° 1 6p, N° 3 6p-6-kx
 (bhi)kṣu[sya] N° 46 kx
 bhikṣusya N° 3 6p-6-kx, N° 4 6p-6-kx
 bhikṣusya N° 26 6p
 bhi(kṣu)[sya] N° 1 6p
 ma N° 6 6p, N° 13 6p
 maga- N° 7 6p
 -manyē(?) N° 17 6p
 marjha[ka] N° 53 kx
 mahādharmakathi[kasya] N° 1 kx
 mahaddharmakathika(sya) N° 11 6p
 [ma]hāsaṃghikānaṃ N° 2 kx
 ma(ha)[saṃgh]igana N° 36 kx
 mahāsaṃghikanāṃ N° 63 kx
 mulena
 → kuṣalamulena
 -meraka N° 25 kx
 -mela N° 34 kx
 (ya)m N° 3 kx
 yo N° 16 6p
 rata N° 4 kx (cr)
 va N° 7 kx, N° 36 kx
 vāma N° 3 6p (cr)
 viḡal- N° 20 kx
 viharami
 → khadevakaviharami
 → okaviharami
 → gulavharajhadaviharami
 -śadae N° 30 kx
 śravaga N° 1 6p
 sagami N° 44 kx
 saṃgha N° 5 kx (cr)
 saṃghaamlāṃ(sa) N° 4 kx
 saṃghami N° 3 kx
 saṃgha[mi] N° 11 kx
 saṃ[ghami] N° 56 kx
 saṃmata
 → budhasaṃmata
 satvana
 → sarvasatvana
 sarvasatva(na) N° 36 kx
 [sa]rvasatvana N° 27 kx, N° 21 6p
 siddham N° 1 6p, N° 26 6p
 [si]ddham N° 9 6p
 [su]khaya N° 38 kx
 suha N° 22 kx
 so N° 6 6p, N° 13 6p
 haṃ N° 16 6p
 harati N° 16 6p
 hartthavya N° 16 6p
 hartthavyah N° 1 6p
 -hava(?) N° 35 kx
 -hasu N° 20 kx

КОНКОРДАНС НАДПИСИ КХАРОШТХИ

№	Инвентарный номер	Полевой шифр	№	Инвентарный номер	Полевой шифр
1а	А-1653	$\left\{ \begin{array}{l} \text{КТ-61} \\ \text{Ш-3н} \end{array} \right.$	5	А-1693	$\frac{\text{КТ-61}}{1н-185}$
1б		$\left\{ \begin{array}{l} \text{КТ-65} \\ \text{кор-5} \end{array} \right.$	6	А-1694	$\frac{\text{КТ-61}}{1н-18н}$
1в		$\left\{ \begin{array}{l} \text{КТ-65} \\ \text{кор-6} \end{array} \right.$	7	А-1951	$\frac{\text{КТ-62}}{1-2н}$
1г		$\left\{ \begin{array}{l} \text{КТ-66} \\ \text{Б-3} \end{array} \right.$	8	А-1650	$\frac{\text{КТ-62}}{1-1н}$
2	А-1952	$\frac{\text{КТ-61}}{1-24н}$	9	А-1698	$\frac{\text{КТ-61}}{1-25н}$
		$\left\{ \begin{array}{l} \text{КТ-61} \\ 1-28н \end{array} \right.$	10	А-1700	$\frac{\text{КТ-61}}{1-23н}$
3	А-1701	$\left\{ \begin{array}{l} \text{КТ-61} \\ 1-37н \end{array} \right.$	11	А-1697	$\frac{\text{КТ-61}}{11-6н}$
		$\frac{\text{КТ-61}}{1-36н}$	12	А-1696	$\frac{\text{КТ-61}}{11-10н}$
4	А-1695	$\frac{\text{КТ-61}}{1-30н}$	13	А-1762	$\frac{\text{КТ-65}}{1к-3}$

№	Инвентарный номер	Полевой шифр	№	Инвентарный номер	Полевой шифр
14	A-1761	$\frac{KT-65}{1K-2}$	29		$\frac{KT-77}{H-2}$
15 а, б	A-1763	$\frac{KT-65}{1K-4}$	30	A-1879	$\frac{KT-72}{B-8H-10}$
16	A-1851 A-1852	$\frac{KT-70}{B-2}$	31	A-1871	$\frac{KT-72}{B-9H-2}$
17	A-1847	$\frac{KT-69}{11-H-1}$	32	A-1888	$\frac{KT-73}{BI-8H-8}$
18	A-1818	$\frac{KT-66}{B-2}$	33	A-1892	$\frac{KT-73}{BI-12H-12}$
19	A-1853	$\frac{KT-70}{B-4}$	34	A-1890	$\frac{KT-73}{BI-10H-10}$
20	A-1658	$\frac{KT-71}{B-2}$	35	A-1891	$\frac{KT-73}{BI-11H-11}$
21	A-1864	$\frac{KT-71}{B-11}$	36а	A-1886	$\frac{KT-73}{BI-6H-6}$
22	A-1860	$\frac{KT-71}{B-3}$	36б	A-1881	$\frac{KT-73}{BI-1H-1}$
23		$\frac{KT-75}{B-H-3}$	36в	{ A-1885 A-1884	$\frac{KT-73}{BI-5H-5}$
24	A-1899	$\frac{KT-74}{X-3-1}$	36г	A-1887	$\frac{KT-73}{BI-7H-7}$
25	A-1878	$\frac{KT-72}{1-3H-9}$	36д	A-1883	$\frac{KT-73}{BI-3H-3}$
26	A-1872	$\frac{KT-72}{1-5H-3}$	36е	{ A-1882 A-1889	$\frac{KT-73}{BI-2H-2}$
27	A-1869	$\frac{KT-71}{B-20H}$	36ж		$\frac{KT-73}{BI-9H-9}$
28		$\frac{KT-77}{B-4H}$	37		$\frac{KT-77}{H-3}$

№	Инвентарный номер	Полевой шифр	№	Инвентарный номер	Полевой шифр
38	A-1902	<u>КТ-74</u> <u>В-3-4</u>	52		<u>КТ-82</u> <u>В-15н</u>
39	A-1901	<u>КТ-74</u> <u>В-3-3</u>	53		<u>КТ-84</u> <u>Д-4н</u>
40		<u>КТ-75</u> <u>В-н-4</u>	54		<u>КТ-84</u> <u>Д-5н</u>
41		<u>КТ-77</u> <u>Г-1н</u>	55		<u>КТ-82</u> <u>В-17н</u>
42		<u>КТ-76</u> <u>Г-2н</u>	56		<u>КТ-84</u> <u>Д-6н</u>
43		<u>КТ-76</u> <u>Г-3н</u>	57		<u>КТ-86</u> <u>3-2н</u>
44a		<u>КТ-78</u> <u>Г-4н</u>	58		<u>КТ-86</u> <u>3-3н</u>
44б		<u>КТ-78</u> <u>Г-5н</u>	59		<u>КТ-87</u> <u>Е-3н</u>
45		<u>КТ-79</u> <u>Г-6н</u>	60		<u>КТ-88</u> <u>В-Г-1н</u>
46		<u>КТ-84</u> <u>В-1н</u>	61		<u>КТ-87</u> <u>Е-4н</u>
47		<u>КТ-84</u> <u>В-17н</u>	62		<u>КТ-88</u> <u>Е-5н</u>
48		<u>КТ-84</u> <u>В-3н</u>	63		<u>КТ-88</u> <u>Е-6н</u>
49		<u>КТ-84</u> <u>В-6н</u>			
50		<u>КТ-84</u> <u>В-16н</u>			
51		<u>КТ-82</u> <u>В-14н</u>			

НАДПИСИ БРАХМИ

№	Инвентарный номер	Полевой шифр	№	Инвентарный номер	Полевой шифр
1а	А-1702	<u>КТ-61</u> II-15н	9	А-1703	<u>КТ-61</u> I-11н
16		<u>КТ-61</u> II-14н			<u>КТ-61</u> I-38н
1в		<u>КТ-61</u> II-12н	10	А-1708	<u>КТ-61</u> I-19н
1г		<u>КТ-61</u> II-5н	11а	А-1706	<u>КТ-61</u> III-2н
2	А-1655	<u>КТ-61</u> I-13н	116	А-1766	<u>КТ-65</u> Кор-7
3	А-1712	(не указан)	11в	А-1767	<u>КТ-65</u> Кор-8
4	А-1713	(не указан)	12	А-1819	<u>КТ-66</u> Б-1
5	А-1710	<u>КТ-61</u> Iн-175а	13	А-1807	<u>КТ-65</u> I-IIк-31
		<u>КТ-61</u> Iн-1756	14	А-1855	<u>КТ-70</u> Б-6
6	А-1657	<u>КТ-61</u> I-42н	15	А-1865	<u>КТ-71</u> Б-12
		<u>КТ-61</u> I-41н	16	А-1870	<u>КТ-72</u> X-1-1
		<u>КТ-61</u> I-40н	17	А-1873	<u>КТ-72</u> X-22н-4
7а	А-1705	<u>КТ-61</u> I-29н	18	А-1900	<u>КТ-74</u> X-4-2
76	А-1704	<u>КТ-61</u> I-27н	19		<u>КТ-72</u> X-22н-4
8	А-7658	<u>КТ-61</u> I-39н			

№	Инвентарный номер	Полевой шифр	№	Инвентарный номер	Полевой шифр
20		<u>КТ-77</u> н-2	24		<u>КТ-79</u> З-1н
21		<u>КТ-77</u> н-1	25		<u>КТ-87</u> Е-2н
22		<u>КТ-78</u> Г-7	26	КП 44903 Б-8542-VII	<u>КТ-87</u> Д-5н
23		<u>КТ-84</u> Д-3н			

МНОГОЯЗЫЧНЫЕ НАДПИСИ

№	Инвентарный номер	Полевой шифр	№	Инвентарный номер	Полевой шифр
1	А-1758	<u>КТ-64</u> П-10н	4		<u>КТ-88</u> Е-7н
2а, б	А-1760	<u>КТ-65</u> Ик-1	5		<u>КТ-87</u> З-4н
		<u>КТ-65</u> Ик-1	6		<u>КТ-89</u> Е-8н
3		<u>КТ-84</u> В-14н			

НАДПИСИ НЕИЗВЕСТНЫМ ПИСЬМОМ

№	Инвентарный номер	Полевой шифр	№	Инвентарный номер	Полевой шифр
1	А-1894	<u>КТ-73</u> ВІ-14н-14	2	А-1877	<u>КТ-72</u> В-11-8
	А-1895	<u>КТ-73</u> ВІ-15-15	3	А-1897	<u>КТ-73</u> Б-17н-17
	А-1896	<u>КТ-73</u> ВІ-16н-16	4		<u>КТ-88</u> Е-9н

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

б	— бактрийский
бр	— брахми
б. скр.	— буддийский санскрит
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ИБ МАИКЦА	— Международная Ассоциация исследований по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень
кх	— кхароштли
КТ I	— Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964
КТ II	— Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969
КТ III	— Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972
КТ IV	— Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975
КТ V	— Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982
н.п.	— неизвестное письмо
СА	— Советская археология. М.
с, сакс.	— сакский
скр	— санскритский
хс, х.-сакс.	— хотаносакский
Acta Ant. Hung.	— Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
ASI Ann. Rep.	— Archaeological Survey of India, Annual Reports. Delhi
BEFEO	— Bulletin de l'école française d'Extrême Orient. Hanoi
BSO(A)S	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L.
СII, III, 1981	— Corpus Inscriptionum Indicarum. Vol. III. Inscriptions of the Early Gupta Kings, revised by D.R.Bhandarkar, ed. by B.Chhabra and G.S.Gai. New Delhi, 1981
EI	— Epigraphia Indica
HJAS	— Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, Mass.
IHQ	— Indian Historical Quarterly. New Delhi
IUL	— Vertogradova V.V. Indian Inscriptions and Inscriptions in Unknown Lettering from Kara-tepe in Old Termez. — The XXXI International Congress of Human Sciences in Asia and Africa. Aug. 1983, Tokyo-Kyoto. Moscow, 1983
JA	— Journal Asiatique. P.
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
Konow	— Corpus Inscriptionum Indicarum. Vol. II. Kharoṣṭhī Inscriptions with the exception of those of Aśoka, ed. by St.Konow. Calcutta, 1929
MDAFA	— Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. Paris. Le Caire
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig — Wiesbaden

БИБЛИОГРАФИЯ

(Издания, в которых опубликованы или рассматриваются
индийские надписи и надписи неизвестным письмом из Кара-тепе)

1. Вертоградова В.В. Индийские надписи на керамике из раскопок 70-х годов на Кара-тепе. — КТ V, с. 134–159.
2. Вертоградова В.В. Итоги изучения индийских надписей и надписей неизвестным письмом из Кара-тепе. — Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Тезисы докладов. М., 1981, с. 31–32.
3. Вертоградова В.В. Находка надписи неизвестным письмом на Кара-тепе. — КТ V, с. 160–167.
4. Вертоградова В.В. Некоторые проблемы изучения индийского эпиграфического материала из Кара-тепе. — ИБ МАИКЦА. 1987, вып. 13, с. 20–40.
5. Вертоградова В.В. О наименовании буддийского пещерного монастыря на Кара-тепе в Старом Термезе. — Санскрит и древнеиндийская культура. Т. 1. М., 1979, с. 83–96.
6. Вертоградова В.В. Об одной индийской надписи на сосуде из Кара-тепе. — КТ IV, с. 70–81.
7. Воробьева-Десятовская М.И. Новые находки письмом кхароштхи из Термеза. — ВДИ. 1974, № 1, с. 116.
8. Воробьева-Десятовская М.И. Памятники письмом кхароштхи и брахми из Советской Средней Азии. — История и культура Центральной Азии. М., 1983, с. 22–96.
9. Грек Т.В. Индийские надписи на керамике из Кара-тепе. — КТ I, с. 62–81.
10. Грек Т.В. Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе. — КТ III, с. 114–117.
11. Грек Т.В., Лившиц В.А. Двухязычная надпись из Кара-тепе. — КТ III, с. 118–121.
12. Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры. М., 1977.
13. Ставиский Б.Я. Языки и письменности Кушанской Бактрии в свете данных археологии и нумизматики. — Acta Ant. Hung. 1974, t. 25, с. 211–219.
14. Харматта Я. К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе. — КТ II, с. 32–39.
15. Хумбах Х. К находкам бактрийских надписей на Кара-тепе. — КТ IV, с. 61–69.
16. Bhatia, Nasim. Buddhist Remains at Kara-tepe. — Soviet Land. New Delhi, 1977, vol. 30, № 11, с. 39.
17. Fussman G. Chronique des Études Kouchans (1978–1987). — JA, 1987, t. 275, № 3–4, с. 348.
18. Hinüber O. von. A Brāhmī Inscription from Kara-tepe. — Studies in Indo-Asian Art and Culture. 1980, с. 123–125 (отд. отт.).
- 18a. Hinüber O. von. Inscribed Vessels from Buddhist Monasteries in Termez and Salihundam. — Festschrift A.H.Dani. New Delhi, 1990.
19. Mukherjee B.N. The Epigraphic Evidence from Kara-tepe and so called Old Saka Era. — East and West. 1972, vol. 21, № 1/2, с. 69–73.
20. Vertogradova V.V. Indian Inscriptions and Inscriptions in Unknown Lettering from Kara-tepe in Old Termez. — The XXXI International Congress of Human Sciences in Asia and Africa. Aug. 1983, Tokyo–Kyoto. Moscow, 1983.
21. Vertogradova V.V. Notes on the Indian Inscriptions from Kara-tepe. — Summaries of Papers Presented by Soviet Scholars to the VI World Sanskrit Conference. Oct. 1984. Philadelphia. Moscow, 1984, с. 160–171.
22. Vertogradova V.V. Some Study Problems on Indian Inscriptions in Kara-tepe. — International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin, Issue 13. Moscow, 1987, с. 17–34.

SUMMARY

The book 'Indian epigraphical finds from Kara-tepe in Old Termez' by Victoria VERTOGRADOVA is a study and a publication of all Indian inscriptions (in both Kharoshthi and Brahmi scripts) encountered during the archaeological investigation at the Kara-tepe mound in Old Termez (the excavations of B.Ya.Staviski).

The excavations at Kara-tepe have not yet been completed. However, at present there is a considerable number of Indian inscriptions (more than 200 items). Those have to be interpreted in the context of other sites of Central Asia and India and the new problems have to be raised.

The methods used were based on the study of the structure of epigraphic texts and the establishment of their "genre" characteristics. It gave us a clue to the deciphering and reconstruction of many a fragmentary inscription and enabled us to trace approximately the limits of their use for the source study purposes.

The book comprises three parts and an appendix.

The first part deals with the study of the principles of composition of an epigraphic text. The problems of genre, text transformation, correlation between genre and script, between script and language are thoroughly examined. Indian inscriptions are compared with those in 'unknown lettering'. The palaeography of the inscriptions and their dating are investigated.

The latest finds of brahmi inscriptions allowed the present author to date the decline of the monastery to the late 5th-early 6th centuries A.D. To establish the typological traits of brief and poorly preserved wall inscriptions one has to investigate the correlation between the text and the painting. In many cases it allows us if not to read the inscription, at least to establish its genre and to compare it with its Indian counterparts.

The second part of the book deals with the investigation of the possibilities that Indian inscriptions provide for the study of the Buddhism and of the functioning of a Buddhist community at Kara-tepe. The problem of Buddhist schools having propagated their teaching in Termez is raised. For instance, the relations of these schools with Indian Buddhist centres, particularly with those of Central India and Eastern Deccan in the later period of existence of the monastery can be traced. The problem of the viharas of Kara-tepe is specially investigated. The name of the Kara-tepe monastery ('The Ruler's vihara') is established. Admittedly, a local ruler or governor founded the monastery on the southern hillock of Kara-tepe.

The occurrence of the name of 'the vihara of Gondofar's son' in a recently discovered inscriptions raises a whole cluster of problems related to the name and the date of foundation of the monastery.

The third part of the book is a publication of the whole corpus of the inscriptions of Kara-tepe (both Indian ones and those in 'unknown lettering') encountered from 1961 up to the fieldworks carried out in 1989. In this part the inscriptions previously published by T.V.Grek and the present author are revised with due regard to the criticism and observations of J.Harmatta, O. von Hinüber et al. The inscriptions are classified according to the materials they were written on (inscriptions on pottery, wall inscriptions) and to their script (Brahmi, Kharoshthi).

In the appendix all Indian inscriptions from the adjacent monastery of Fayaz-tepe published by M.I.Vorobyova-Desyatovskaya are revisited. In many cases their reading and interpretation can be defined more accurately in the light of the Kara-tepe data.

In the same part all the inscriptions in 'unknown lettering' from Central Asia discovered by now are published. Those are compared with the inscriptions in this lettering from Kara-tepe published in the third part of the present book.

Problems related to the study of 'unknown lettering' and its correlation with Indian script are investigated as well.

The book is supplied with an album containing 112 lists of illustrations.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

а) Рисунки в тексте

1. Раскоп на южной вершине Кара-тепе (план—схема; основная часть плана была выполнена О.А.Тумановой (КТ V), добавления по раскопкам последних лет сделаны несколькими архитекторами и требуют уточнений).
  2. Раскоп на северной вершине Кара-тепе (план-схема; выполнена Т.И.Зеймаль).
  3. Палеографические особенности знаков письма брахми по надписям из Кара-тепе.
  4. Размещение находок памятников неизвестного письма на территории Бактрии.
  5. Сосуд пурнагхата и свастика, вырезанные на полу двора комплекса В (Полевой сезон 1981 г., полевые кроки 12. Прорисовка О.А.Тумановой).
- Табл. 1. Знаки неизвестного письма в надписях из Кара-тепе.
- Табл. 2. Знаки неизвестного письма в надписях из Средней Азии (в сравнении с надписями из Даште-Навура и Сурх-Котала).

б) Альбом иллюстраций

1. Вид на холм Кара-тепе с северо-востока (помещения комплекса В с бассейном для омовения).
- 2—38. Фрагменты сосудов с надписями кхароштки.
- 39—46. Фрагменты сосудов с ритуальными знаками.
- 47—57. Фрагменты сосудов с надписями кхароштки.
58. Образец сосуда с надписью кхароштки из Фаяз-тепе.
- 59—63. Фрагменты сосудов с надписями кхароштки.
64. Пещерные помещения в комплексе Ю (западный коридор).
- 65—67. Фрагменты сосудов с надписями брахми.
68. Сосуд для воды (кундика) с надписью брахми.
69. Часть того же сосуда с надписью брахми.
70. Часть того же сосуда с надписью брахми.
- 71—84. Фрагменты сосудов с надписями брахми.
85. Фрагменты сосуда с надписью-граффити брахми.
- 86—90. Фрагменты сосудов с надписями брахми.
91. Северный коридор комплекса Ю.
- 92—97. Сосуд с надписью тремя алфавитами.
98. Фрагмент сосуда с надписью тремя алфавитами.
99. Фрагмент сосуда с надписью брахми и бактрийским письмом.
100. Фрагмент сосуда с надписью тремя алфавитами.
101. Фрагмент сосуда с надписью брахми и кхароштки.
102. Часть той же надписи.

103. Часть той же надписи.
- 104–106. Фрагменты сосуда с надписью брахми и бактрийским письмом (текст брахми).
107. Фрагмент сосуда с надписью брахми и бактрийским письмом.
108. Пещерное помещение комплекса Д (часть обходного коридора с нишей).
109. Три фрагмента одного сосуда с надписями неизвестным письмом.
- 110–111. Фрагменты сосудов с надписями неизвестным письмом.
112. Фрагмент сосуда с надписью-граффити неизвестным письмом.
113. Фрагмент сосуда с надписью неизвестным письмом из Зар-тепе.
114. Фрагмент сосуда с надписью неизвестным письмом из Теккуз-тепа.
115. Фрагмент неотожествленной надписи на сосуде.
116. Фрагмент венчика хума из Хатын-Рабата с двуязычной надписью: неизвестным письмом и кхароштки (внешняя сторона).
117. Фрагмент того же сосуда (внутренняя сторона).
118. Восточная пещера комплекса Г с нишей и основанием стены-закладки.
- 119–120. Надписи-граффити брахми на южной стене южного пещерного коридора комплекса Б.
121. Надписи-граффити кхароштки рядом с рисунком профиля мужской головы на северной стене того же пещерного помещения.
- 122–124. Надписи-граффити кхароштки на северной стене того же помещения.
125. Надпись-граффити кхароштки на северной стене северного коридора комплекса В (прорисовка автора).
126. Надпись-граффити брахми на восточной стене восточного пещерного коридора комплекса Б.
127. Фрагмент стены южного пещерного коридора комплекса Б с рисунком-граффити.
128. Часть стенной росписи на западной стене восточного пещерного коридора комплекса Г под надписью-дипинти брахми (прорисовка О.А.Тумановой).
129. Надпись-дипинти брахми над стенной росписью того же помещения (общий вид).
130. Фрагмент той же надписи (левая сторона).
131. Фрагмент той же надписи (правая сторона).
132. Часть западной стены восточного вестибюля комплекса Г с надписью-граффити кхароштки.
133. Та же надпись после реставрации.
134. Часть южной стены западной пещеры комплекса Д с надписью-дипинти кхароштки.
135. Та же надпись кхароштки.
136. Часть потолка западной пещеры комплекса Д с надписью-граффити кхароштки.
137. Та же надпись кхароштки.
138. Рисунок-граффити на северной стене восточного отсека восточной пещеры комплекса Д. Сцена поражения врага.
139. Рисунок-граффити на западной стене западной пещеры комплекса Д. Поясное изображение человека.
140. Рисунок-граффити на западной стене западной пещеры комплекса Д. Изображение ступы.
141. Ступа из Фаяз-тепе после удаления надстроенной над ней большой ступы.
142. Основание и часть барабана ступы из Кара-тепе (комплекс В).
143. Общий вид двора комплекса В с высеченной на полу пурнагхатой.
144. Двор в комплексе В с пурнагхатой и свастикой после перенесения ступы.
145. Фрагмент восточной стены западной пещеры комплекса Д с изображением корабля.
146. Фрагмент той же стены с надписями и знаками граффити.

